

Слово. Словарь. Словесность:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина)

Материалы Всероссийской научной конференции
Санкт-Петербург
РГПУ им. А. И. Герцена
16–18 ноября 2016 г.

Санкт-Петербург
2017

Печатается по решению
кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена

Редколлегия:

В. Д. Черняк, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.)
А. И. Дунев, канд. филол. наук, доц.
Т. В. Губернская, канд. филол. наук, доц.

С48 «Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина)»: Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 16-17 ноября 2016 г. / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2017. – 222 с.

В сборник вошли материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Николая Михайловича Карамзина.

Программа конференции охватывала широкий круг проблем. Значительная часть докладов посвящена лингвистическим исследованиям наследия писателя и историка, его роли в развитии русского языка.

Сборник включает также материалы докладов, посвященных актуальным вопросам современной лингвистики: достижениям современной лексикографии, описанию грамматического строя русского языка, исследованию художественного текста и речевой коммуникации.

Издание адресовано специалистам по русистике, преподавателям, методистам, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

І. Филологическая интерпретация наследия Н.М. Карамзина

С. Г. Ильенко
Санкт-Петербург

О двух стратегиях в эволюционном процессе русской художественной речи: Сотворение Карамзина и Чудодействие Пушкина

*Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает.*

Давид Самойлов.
Белые стихи (Рембо в Париже)

Под названием «Сотворение Карамзина» в литературоведение вошла знаменитая книга Ю. М. Лотмана. В ней есть главка «Карамзин творит Карамзина», которая дала возможность Б. Ф. Егорову, написавшему предисловие к книге Лотмана, так определить ее пафос: «Издаваемая книга не исследование творчества Карамзина в целом и не биография в смысле перечня внешних фактов его жизни. Это биография души, попытка раскрыть внутренний пафос искания писателя, который, как считает Ю. М. Лотман, всю жизнь выковывал себя» [Лотман 1987: 7]. «Недаром же он в этом случае использовал эпитафию П. Я. Чаадаева: "...чего стоит у нас человеку, родившемуся с великими способностями, сотворить себя"» [Лотман 1987: 11].

Представляется, что при всей основательности и обоснованности в книге этого ориентира, Ю. М. Лотман, тем не менее, не упустил и повествования о так называемых внешних фактах жизни, что позволило

сделать книгу доказательнее и глубже. Здесь, чтобы продемонстрировать характер этого повествования, придется прибегнуть к довольно объемной цитате: «Карамзины происходили от татарского князька Кара-Мурзы, который, как многие его собратья, “вышел” в Москву, крестился и был “испомещен” московскими великими князьями. В начале XVI века Карамзины числились костромскими помещиками, но в 1600 году они уже владеют поместьем в Нижегородской губернии. Отец писателя служил капитаном в Оренбурге, в полевом батальоне при известном Неплюеве, выученике Петра Великого, до конца дней своих благоговевшем перед его памятью. За службу отец писателя получил поместье в Симбирской губернии, где и прошло детство Карамзина» [Лотман 1987: 33].

В этом же повествовательном ряду находятся такие факты, как обучение в Москве, пансионе Шадена, после окончания которого Карамзин в 1782 году явился в гвардейский Преображенский полк, записанный туда, по обычаю тогдашнего времени, при рождении, но тут же взял годичный отпуск. А в 1783 году он вышел в отставку и возвратился в Симбирск, где вначале вовсе не чуждался светских развлечений: игры в вист, настойчивости в общении с дамами и подчеркнуто светских остроумий. Но именно здесь, в Симбирске, он встретился с Иваном Петровичем Тургеневым, отцом четырех братьев Тургеневых, знаменитых своим участием в историко-политической жизни своей эпохи. Один из них – Александр Иванович Тургенев – как известно, активно содействовал поступлению А. С. Пушкина в лицей, он же сопровождал его тело на кладбище Святогорского монастыря, где поэта похоронили рядом с матерью, урожденной Ганнибал.

Вот эта-то встреча Карамзина с И. П. Тургеневым во многом определила его дальнейшую судьбу, смысл которой существенно зависел от личностных качеств окружающих людей. Круг же людей, с которыми человек вступает в социальную, этическую и эстетическую связь, есть факт внешних, собственно биографических данных, притом факт первичный. Другое дело, что он подчиняется конкретной внутренней природе, полностью не отрываясь, однако, от начальных импульсов, которые иногда именуют коллоквиальностью. Если в Симбирске в качестве этического образца для Карамзина оставался Тургенев, то в Москве этот образец предстал в виде просветительства Н. И. Новикова и его окружения.

Сегодня невозможно, вспоминая Н. М. Карамзина, пройти мимо его величайших заслуг в истории российской культуры. В первый ряд

этой истории попадает «История государства Российского». Опора на летописи и логика осмысления фактического материала сделали карамзинский труд фундаментом национального мировоззрения. 10-й том, посвященный царствованию Ивана Грозного, был воспринят читателями восторженно. Тираж 3000 экземпляров был раскуплен в месяц. Невиданная жестокость царя возмущала и осуждалась. В России появилось, как казалось, мощное противоядие от деспотизма. Если бы... Увы, в наши дни мы сталкиваемся с рецидивом прошлого – идеей соорудить памятник Ивану Грозному.

«Последний летописец», Карамзин, создавая научную историю, придал ей художественную образность: «Боярин, князь Михаил Репнин также был жертвою великодушной смелости. Видя во дворце непристойное игрище, где царь, упоенный крепким медом, плясал со своими любимцами в масках, сей вельможа заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску, Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: “Государю ли быть скоморохом? По крайней мере я, боярин и советник Думы, не могу безумствовать”. Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве; кровь сего добродетельного мужа обагрила помост церковный» [Карамзин 2003: 679].

Удивляться художественности историка не приходится: у Карамзина был опыт и в поэзии, и в прозе. «Бедной Лизой» зачитывались с удивлением: «И крестьянки любить умеют»; «Веселый час» (первоначальное название «Песня веселых» (1791)) выучивали. Сам Карамзин преклонялся перед миссией поэта:

*Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, доколе дщерь небес,
Поэзия, для души чистейших благом будет.*

(Н. М. Карамзин. «Поэзия», 1787)

Но тезис о возникновении языка прежде всего в качестве средства общения естественно приходит сам собой, когда сначала восхищаешься стилистической находчивостью автора книги «Сотворение Карамзина», а потом начинаешь скептически призадумываться над главкой «Карамзин творит Карамзина». Оригинальность и глубина книги Ю. М. Лотмана, впервые сумевшего так последовательно сосредоточивать внимание читателя на жизни души человека, на процессе его самовоспитания, столь необходимого для процветания национальной

культуры, несомненна. Поставленная Ю. М. Лотманом задача восхищает, но новизна в науке – вещь слишком трудная, чтобы избежать перекосов. На мой взгляд, не избежал их даже Ю. М. Лотман. Главный из них – модус предположительности. Модус предположительности обозначен в книге с точки зрения методики как реконструкция. Поражающие читателя всесторонние знания Ю. М. Лотмана делают эти реконструкции интересными, в ряде случаев вполне убедительными, но их обилие настораживает.

Конкретизируя этот упрек, напомним о небывалом масштабе привлеченных в его повествование исторических лиц – о каждом создается интереснейшая новелла; одна из них посвящена Василию Николаевичу Зиновьеву. Чтобы было понятно, о ком идет речь, обозначим его, указав на имена более популярные: товарищ Радищева и Кутузова по Лейпцигскому университету (имеется в виду не великий полководец Михаил Илларионович, а его родственник Алексей Михайлович). Вот как подается встреча с Зиновьевым.

Н. М. Карамзин: «На одной станции за Дерптом надлежало мне ночевать: Г. З**, едущий из Италии, забрал всех лошадей. Я с полчаса говорил с ним, и нашел в нем любезного человека» [Лотман 1987: 48].

Ю. М. Лотман: «Запись туманна: неточно, что встреча З*** и путешественника произошла как бы случайно на почтовой станции. Обращает внимание и нарочито небрежное “на одной станции за Дерптом”».

А на стр. 51 появляется методологически характерная для Ю. М. Лотмана фраза: «Попытаемся реконструировать гипотетическое содержание разговора Карамзина с Зиновьевым» [Лотман 1987: 51].

(Соблазн подражать в использовании этой стратегии Лотману, иначе говоря, плохо усвоенный мимесис, привел некоторых современных авторов к вульгаризации, в ряде случаев беспрецедентной; см., например, [Червинская 1999].)

Иногда забывается, что любая книга несет на себе следы того конкретного времени, в которое она написана: книга Ю. М. Лотмана создавалась в 1987 году, когда историко-этические заслуги Карамзина почти игнорировались. Надо было его защищать, не скупясь и на преувеличения.

Некоторая завышенность Ю. М. Лотманом не только языковой реформы Карамзина, но и всей его просветительской и профессиональной деятельности особенно заметна на фоне Пушкина, роль которого так удачно сформулирована Аполлоном Григорьевым:

«Пушкин – наше все». Если, говоря о Н. М. Карамзине, мы вслед за Лотманом позволяем себе сказать: «Карамзин творит Карамзина», то, говоря об А. С. Пушкине, правильнее использовать другой глагол – чудодействует.

Номинации Пушкин и чудо тяготеют друг к другу. Это продемонстрировал и В. Г. Белинский: «Пушкин из русского языка сделал чудо».

Сравнение же Карамзина с Пушкиным напрашивается не только фактом из истории русской литературы (предшественник – последователь), но внешним совпадением их деятельности. И тот, и другой – поэт и прозаик; и тот, и другой – историк, занимающиеся в ряде случаев общими проблемами: смутным временем и его персонажами (Борисом Годуновым, Шуйским и др.), темой Восток – Запад, революционными катаклизмами; и тот, и другой – журналист и издатель (Карамзин редактировал и издавал «Вестник Европы», Пушкин – «Современник»); наконец, оба, хотя и не во всем, сходились в социально-этическом отношении, предпочитая демократическим свободам – личную свободу:

*... зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.*

Никому

*Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.*

(А. С. Пушкин. «Из Пиндемонти», 1836)

Что касается чудоискательства Пушкина, то эта тема неисчерпаема. В каждом литературном роде он создал шедевры невиданные по содержательной глубине и по отточенной форме. В поэзии – союз «волшебных звуков, чувств и дум». В прозе – ясность, прозрачность, впечатляющая краткость: «проза требует мыслей и мыслей». В драматургии – объемность характера, «премьерство слова» с его особым назначением в диалоге, небывалая афористичность (вспомним: «Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни», «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста», «Ах, тяжела ты, шапка Мономаха!»).

*... бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,*

*А баснями питается она.
Ей нравятся бесстыдная отвага.*

(А. С. Пушкин. «Борис Годунов»)

Этот развернутый афоризм (в пьесе он отдан Шуйскому) значим особо. Он иллюстрирует важную особенность стиля Пушкина, заключающуюся в творческой «самоотнесенности», настойчивости в фундаментальных мыслях. Сформулированная в «Борисе Годунове» мысль обнаруживается в знаменитом пушкинском письме Чаадаеву 1836 года: «...Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние» [Гордин 2016: 240].

Отточенность же жанров в том их значении, которое в них вкладывал Пушкин, потребовала от него определенного поворота в использовании лексических и грамматических средств русского языка. Самым существенным в этой отточенности была целенаправленность в использовании модусных средств. Модусные средства явились для Пушкина той существенной прибавкой, без которой его творчество в новом развороте не могло состояться.

Реформирование литературного языка подразумевает в качестве главной задачи отбор языковых средств. Речь идет о мере открытости для тех или иных жанров тех или иных языковых средств. Карамзин, не упуская эту задачу, сосредоточивался на ориентации на разговорный тип речи («писать, как говорить»), опираясь в известной степени на традиции французских писателей. Пушкин не только безусловно подхватил эту карамзинскую ориентацию на разговорность, но и весьма ее расширил. Обладая удивительной интуицией, он чувствовал глубинные процессы русского языка, в результате чего обнаружил себя как создатель текстового устройства литературных жанров российской словесности.

Литература

Гордин Я. А. Гибель Пушкина 1831–1836. – СПб., 2016.

Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 2003.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М., 1987.

Червинская О. Набоков. Ахматова. Метаморфозы русского лирического текста. – Черновцы, 1999.

Е. В. Сергеева
Санкт-Петербург

Идиостиль Н. Карамзина-историка (на материале «Истории государства Российского»)

Тексты Н. М. Карамзина традиционно рассматриваются как памятники истории русского литературного языка, однако этим их значение в истории русской культуры и литературы не исчерпывается. Специфика его главного труда состоит не только в том, что это текст, написанный уже в основном на современном русском литературном языке, художественное произведение русской литературы [Жесткова 2006], но и в том, что это произведение одновременно и историческое, и публицистическое.

При рассмотрении текста «Истории государства Российского» можно выделить особенности историко-языковые (связанные со временем написания произведения и спецификой изложения исторического материала в этот период) и авторские, связанные с индивидуальной творческой манерой писателя. Нас интересуют прежде всего последние.

Индивидуальные особенности отбора языковых единиц и конструкций, присущие историческому тексту Н. М. Карамзина, связаны прежде всего с особой экспрессивностью, что позволяет говорить о непосредственной связи индивидуально-авторских особенностей текстов Карамзина как писателя-сентименталиста и Карамзина как историографа.

Для «Истории государства Российского» характерны риторичность, отчасти сближающая историко-публицистический текст с ораторским произведением, и эмоциональность, связанная с субъективным взглядом историка и писателя-сентименталиста на излагаемые события.

В рассматриваемом произведении представлены те языковые и стилистические особенности, в которых воплощаются названные признаки.

1) Наличие тропов, скорее риторических, чем художественных:

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество; лучи его славы; развалины язычества; украшенной цветами воображения; служа идолу властолюбия; буря всеобщего мятежа и разрушения; горький плод беззакония; цвел добродетелию и надеждою; упоенный сновидением величия; грозные тучи, висящие над державою; зависть...

готовила жало; измена... бурною рекою стремилась к Москве; блеск ума государственного; первый счастливый плод европейского воспитания; бездна злополучия; друзья Отечества и блага; благочиние царствовало; власть верховная дремала.

2) Экспрессивные синтаксические конструкции, прежде всего риторические вопросы и риторические восклицания:

...я не мог дополнять летописи!; ...добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?; Храбрость...может ли в людях полудиких основываться на одном только славолубии, сродном только человеку образованному?; Так народы самые добродушные,... могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютости!; Так успел юноша-герой в своем деле великом!; Самозванец еще стоял в Тушине!; Зло и добро имеют степени!; И где добродетель?; Еще притворствовали и хитрили для ослепления умов в век безумия и страстей неистовых!; Но приветствия уже не трогали сердца ожесточенных!

Субъективный, личностный взгляд писателя-историографа обуславливает употребление эмоционально-оценочной лексики, связанное с желанием автора увеличить степень экспрессивности текста:

Варварство ужасное; Сие дело – одно из гнуснейших Борисова ожесточения и бесстыдства; ...расстреливали земледельцев безжалостно и безрассудно; приобретенное злодейством; тушинские злодеи; злодействовал; будет произносимо с омерзением; гнусная добыча самозванства; бездна срама.

Помимо выделенных специфических особенностей, следует отметить также то, что в исторический текст Н.М. Карамзина включаются элементы вымысла, для подобного текста не характерного:

...гораздо искреннее молились истинные друзья Отечества...;

Народ московский слушал с благоговением и рассуждал так...;

Душа его невольно содрогнулась ;

Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России.

В тексте «Истории государства Российского» можно выделить и другие языковые особенности, характерные для Карамзина-историка. Однако именно наличие экспрессивных синтаксических конструкций, тропов и эмоционально-оценочной лексики составляет наиболее важные черты его синкретического идиостиля.

Литература

Жесткова Е. А. Художественный компонент в повествовательной структуре «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2006.

Карамзин Н. М. История государства Российского. – М., 2002.

И.А. Мартынова
Санкт-Петербург

Образ Н.М. Карамзина в романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин»

Сама личность Н. М. Карамзина, «герметичность» которой была подчеркнута Ю. М. Лотманом («Почти никого из своих современников и друзей он не впускал в святая святых своей души» [Лотман 1987:26]), во многом обусловила дискуссионность ее научной и художественной трактовки. В книге «Карамзин: pro et contra» могли бы столкнуться не только мнения его современников, но и В. В. Набокова, Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Тынянова...

Чаще всего подвергается критике научная и художественная интерпретация личности Карамзина, предложенная Ю. Н. Тыняновым в ряде его исследований и незаконченном романе [Тынянов 1965, 1968]. Критиками литературного историзма Тынянова выступали Ю. М. Лотман [1987], М. Л. Гаспаров [1988] и др. [см.: Мартынова 2010]. Его положительную оценку находим в работах И. Л. Андроникова [1981], В. А. Каверина и В. И. Новикова [1988], Ю. Цивьяна и Е. Тоддеса [1986]. Поклонником последнего романа Тынянова был С. М. Эйзенштейн [1997], задумавший снять фильм о Пушкине, где, конечно, предстал бы и образ Карамзина.

Ю. М. Лотман противопоставляет свой роман-реконструкцию «Сотворение Карамзина» незаконченному биографическому роману Тынянова «Пушкин», в котором также создается образ историка. (Характерно, что и Тынянов, и Лотман подчеркивали литературную неразработанность жанров их произведений.) Кредо Лотмана – отрицание вымысла. По его мнению, Тынянов «придал крайне сомнительной версии «утаенной любви» Пушкина к Карамзиной статус чуть ли не реального факта» [Лотман 1987: 8]. В данном случае мы не вправе су-

доть о научной достоверности тыняновской гипотезы «безыменной», «потаенной» любви Пушкина к Е. А. Карамзиной, получившей научное развитие и художественную интерпретацию в его литературном наследии. Но, определяя принципы и средства создания образа Карамзина в романе Тынянова, нельзя не учитывать сам фокус повествования. В этом произведении Карамзин пунктирно присутствует с самого его начала (дружеский вечер, устроенный Сергеем Львовичем) до финального разговора о южной ссылке, в котором участвуют Карамзин, Катерина Андреевна и Пушкин. Роман же Лотмана закономерно и последовательно сосредоточен на Карамзине, на споре с критиками его личности и творчества.

Различия биографического романа и романа-реконструкции становятся особенно очевидными, если обратиться к интерпретации конфликта Карамзина с юным Пушкиным, причиной которого послужила известная «злойская», «каторжная» эпиграмма «В его «Истории» изящность...». Лотман предпочел дать в комментариях слово самому Пушкину, приведя его автобиографический фрагмент. Читатель же романа Тынянова присутствует при рождении этой эпиграммы. Фактически мы имеем дело с художественной интерпретацией историко-литературной гипотезы. Думается, что Лотман излишне категоричен в критике метода художественного исторического повествования Тынянова, в основе которого лежат разработанные им принципы литературного историзма [Мартьянова 2010]. В соответствии с этими принципами создается не только образ Пушкина, но и столь значимый для его понимания и понимания пушкинской эпохи образ Карамзина.

И для Лотмана, и для Тынянова Карамзин не «сентименталист», а великий писатель, великий историк, оказавший огромное влияние на русскую культуру: «...его человеческий облик и созданный им читательский образ вошли в личности людей русской культуры последующих эпох» [Лотман 1987: 48]. Это же неоднократно подчеркнуто в романе Тынянова: «То, что совершил Карамзин, свято» (в данном случае в персонажной сфере Пушкина).

В тексте Лотмана (который можно назвать романом со значительной долей условности) доминирует эксплицитно выраженная точка зрения автора-историка, вступающего в словесный поединок с критиками Карамзина. В романе же Тынянова образ Карамзина, как и образ Пушкина, постепенно выступает из полутьмы незнания. Он дан в разных ракурсах восприятия его многочисленных друзей и врагов,

жены и самого Пушкина (ребенка – лицеиста – поэта, который должен отправиться в южную ссылку), приведем «детскую» точку зрения:

Александр понимал, что Карамзин – это не то, что другие.

Александра при нем забывали отсылать спать.

В ряде исследований С. Г. Ильенко [2003] продемонстрированы линии лексико-синтаксического анализа, позволяющие раскрыть образ персонажа. Внимание лингвистов может быть сосредоточено на номинативных цепочках (например, наименованиях Пугачева в «Капитанской дочке»), свертывании побочных сюжетных линий в обособленных приложениях, расширении слов автора в конструкции с прямой речью, развертывании диалогемы. Очевидно, что Тынянов осознанно использовал эти приемы создания динамического образа персонажа (в данном случае Карамзина).

Способы его номинации в романе многочисленны. Синтаксеме Карамзин присуще свободное и обусловленное функционирование (типичны сочетания *мудрость, точность Карамзина*). Неоднократно используется местоимение *сам*: «Сам Карамзин должен был разъяснить в особой статье жителям Москвы, что землетрясение – явление мира физического».

Способы номинации персонажа (*великий историк, писатель, мудрец, государственный человек, враг*) открыто выражают отношение к нему сторонников и противников (членов Беседы, Аракчеева), подчеркивая дистанцию, сохраняемую «герметичной» внутренней личностью Карамзина по отношению и к тем, и к другим. В конце незавершенного романа трагичность его самоощущения раскрывается актуализированным повтором наименования советник царя, которое вступает в противоречие с истинным положением дел.

В романе обособленные приложения (*пророк всего изящного, государственный человек* и др.) немногочисленны и, как правило, не выполняют функцию свернутого представления побочных сюжетных линий. Оценку личности Карамзина его современниками чаще выражают предикаты: «Николай Михайлович, как всегда, тонок и мудр».

Культовой, давно вошедшей если не в читательское, то в филологическое сознание, является фраза, открывающая роман: «Майор был скуп» (о С.Л. Пушкине), которая задает ракурс ироничного авторского повествования. Станным образом эта же модель предложения используется для характеристики историка в конце романа: «Карамзин был стар». Если в его начале «возраст угасания» Карамзина (тридцать четыре года), при

всей исторической изменчивости восприятия молодости и старости, воспринимается как поэтическая условность, то в его конце он предстает как старый муж, старик с точки зрения юного Пушкина, влюбленного в Катерину Андреевну, и отчасти с точки зрения самой Карамзиной. Но данная фраза, которая не может остаться незамеченной вследствие ее переключки с абсолютным началом текста, функционирует не в персонажной сфере, а в собственно авторском повествовании. По-видимому, она актуализирует трагическую старость души великого историка, познавшего горечь унижения перед царем и его временщиком Аракчеевым.

«Профильность изображения» [Тынянов 1965: 56], напоминающая плоскостность экранных образов, является не недостатком, а новаторским принципом историко-художественного повествования Тынянова. Она обнаруживается в варьировании форм передачи чужой речи, в искусном дополнении прямой речи (излишне и прямолинейно буквальная) исторических персонажей речью тематической, косвенной, несобственно-авторской. Личность Карамзина-литератора подчеркивается выбором предиката сказать для ввода его реплик, при этом возможно несовпадение речи внутренней и внешней. Для создания его образа органична диалогема, позволяющая передать иронию и самоиронию. При внешней простоте изображение речи Карамзина отмечено языковой рефлексией и модальными сдвигами:

И он сказал о том, чем жил и на что надеялся все эти дни, – о поездке в Карльсбад и Пирмонт. Он был болен, а больному не воспрепятствуют выехать для лечения. Климат московский становился для него тягостен. Но он не сказал ни о Пирмонте, ни о Карльсбаде.

– Боже, – сказал он, – представляю себе счастливый климат Хили, Перу, острова Святой Елены, Бурбона, Филиппинских, эти вечно цветущие, вечно плодоносные деревья, и готов здесь, в Москве, задохнуться от жары.

И все вздохнули, в восторге от того, что слышали, и как бы участвуя в этой для всех важной и приятной печали.

Трагедия Карамзина, изменение его положения в обществе влияют на микрокомпозицию фрагментов, изображающих его речевое поведение. В начале романа вслед за его словом (в форме тематической, косвенной речи) закономерно следовала личная или общественная реакция («И все вздохнули...»). В конце же романа неопределенность статуса Карамзина при дворе, двусмысленность отношений с царем подчеркиваются его зависимостью от речи других персонажей.

Показательно само расширение слов автора: *сказал тонко, тихо, важно, учтиво, мягко*. Частотными словами, сопровождающими слова и жесты Карамзина, являются *улыбка, улыбнуться* (следующий пример демонстрирует также излюбленный тыняновский прием парадоксального остранения образа Карамзина):

Изредка приезжал он сказать два-три важных слова, обронить замечание, улыбку. Снисходительность к людским порокам была в нем теперь главной чертой. Добряк Сонцев, муж сестрицы Лизет, боялся его как огня.

В строгом научном исследовании писательский и научный таланты Ю.Н.Тынянова могли вступать в противоречие, однако они, безусловно, взаимодополняли друг друга в художественном историческом повествовании. В его последнем романе масштабный трагический образ Карамзина создается разнообразными лексико-синтаксическими приемами и средствами.

Литература

- Андроников И.Л. Возле Тынянова // Андроников И. Л. Собр. соч.: В 3-х т. – М., 1981. Т. 2. С. 7–17.
- Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова. Четвертые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалов для обсуждения. – Рига, 1988. С. 5–6.
- Ильенко С.Г. Русистика. – СПб., 2003.
- Каверин В. А., Новиков В. И. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. – М., 1988.
- Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М., 1987.
- Мартыанова И.А. Кинематографический треугольник: Пушкин, Тынянов. Эйзенштейн. // Мир русского слова. – 2011. № 4. – С. 75–79.
- Мартыанова И.А. Научное vs художественное в историческом повествовании Ю.Н. Тынянова // Текст и тексты. – Новосибирск, 2010. – С.103–107.
- Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. – М., 1965.
- Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М., 1968.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
- Цивьян Ю., Тоддес Е. “Не кинограмма, а кинокультура”. Кино и литература в творчестве Юрия Тынянова // Искусство кино. – 1986. – №7. – С. 88–98.
- Эйзенштейн С.М. Три письма о цвете. Запретная любовь. Любовь поэта (неотправленное письмо) // Мемуары. – Т.2. – Истинные пути изобретения. Профили. – М. 1997. – С. 211–225.

В.Г. Дидковская
Великий Новгород

Семантика определения *МУДРЫЙ* в историческом дискурсе Н.М. Карамзина

Празднование 1000-летия «Русской Правды», «Правды Ярославовой», закономерно вызвало интерес к фигуре великого князя Ярослава Владимировича, которого считают ее создателем. «Сему Князю приписывают древнейшее собрание наших гражданских уставов, известное под именем Русской Правды» [Карамзин 1991: 29]. Его правление Н.М. Карамзин называет блестящим и счастливым, а в позднейших исторических сочинениях оно характеризуется как «золотой век» Киевской Руси. В научных трудах современных историков, в популярных изданиях, в учебной и справочной литературе князь Ярослав едва ли не единственный из правителей России, как пишет А. Карпов, удостоен редкого прозвания – Мудрый: наиболее лестного и наиболее почетного для любого государственного мужа [Карпов 2010: 5–6].

Как показали наблюдения, происхождение исторического имени князя Ярослава вызывает большой интерес у наших современников. Даже беглое знакомство с материалами интернет-сайтов показало, что вопрос «Почему Ярослава называют Мудрым?» активно обсуждается людьми разного возраста, разных профессий, с разным уровнем образования. Если обобщить ответы, предложенные нашими современниками, то характеризующее определение *Мудрый* наполняется следующим содержанием: 1) завершил христианизацию Руси; основывал монастыри; 2) открывал школы, распространял просвещение; поощрял искусство и ремесла, способствовал хозяйственному процветанию Руси; 3) был образованным человеком, начитанным, знавшим несколько иностранных языков; 4) читал книги днем и ночью, хорошо знал Библию, за что и получил в народе прозвище Мудрый; 5) построил церкви Софии Премудрости. Для сравнения приведем ответ акад. В.Л. Янина, которого ярославские журналисты спросили о том же: «Много было мудрых правителей, а прозвище *Мудрый* закрепилось за ним. Мудрый – это символ его жизни: он построил храмы Софии в Киеве и Новгороде, при нем широко распространилась грамотность, даже среди простых людей, что подтверждают берестяные грамоты, новгородская Псалтырь, строил новые и украшал старые города».

Таким образом, прозвище князя Ярослава, с которым он известен носителям современного русского языка, включает следующие смысловые компоненты: а) государственный деятель; б) христианский просветитель («И может быть, никакой иной стороной своей деятельности он не заслужил в такой степени прозвище “Мудрого”, или “Премудрого” князя, как именно этим неустанным радением о христианском просвещении народа» [Карпов 2010: 320]); в) строитель храмов, посвященных Софии Премудрости Божией в Киеве и Великом Новгороде; г) покровитель «художеств», т.е. искусств и ремесел; д) образованный, книжный человек.

А между тем семантическая история прилагательного мудрый не объясняет выбора этого слова в качестве оценочной характеристики личности князя Ярослава, поскольку изначально закрепленные в его значении признаки не соответствуют тому представлению о мудром князе, которое сложилось у его современников и потомков. Сопоставление толкования его значения в словаре современного русского языка (**Мудрый**. 1. Одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом. Мудрый человек. Мудрый полководец [МАС 1986: 308]) и историческом словаре, представляющем лексический фонд древнерусского языка с учетом данных памятников XI–XII вв. (**Мудрый**. 1. Проявляющий ум, сметливость, хитрость в чем-л. <...> || О благоразумном, мудром человеке. 2. В знач. сущ. Умудренный опытом, знающий, мудрый человек [СРЯ 1982: 299–300]), показывает, что базовые компоненты его значения – ‘ум’, ‘знание’, ‘опыт’ – являются семантическими константами, не изменившимися от времени Ярослава Мудрого до наших дней. Иными словами, выбирая для характеристики человека определение мудрый, носитель русского языка выделяет в нем качества ‘умный, обладающий жизненным опытом’.

Общепризнанным является мнение, что характеризующее определение Мудрый появилось не ранее XIX в., причем его источником считают следующий фрагмент из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россию в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой» [Карамзин 1991: 26–27]. Летописными известиями, на которые ссылается Н.М. Карамзин, могли быть записи в Ипатьевской летописи: «Сей же премудрый князь Ярослав...», в Софийской I летописи: «И хотя был хромоног, но

умом совершен, и храбр на рати, и христиан любил, и сам книги читал» или строки из Степенной книги царского родословия: «Аще же и хромоног быше, но благоразумным *велемудрием* преудобрен, во бранех же храбр и мужествен бе, наипаче же Божии страх имея» (велемудрый – многомудрый).

Авторство Карамзина косвенно подтверждается тем, что в трудах других историков XIX в. определение *мудрый* при именах исторических деятелей не используется, тогда как в его «Истории» оно выполняет роль «суммирующей» характеристики деятельности выдающихся русских князей. Так, *мудрым Государем* Н. М. Карамзин назвал Владимира Мономаха, пояснив, что мудрость его определяется не столько качествами ума, сколько качествами его прекрасной души; он *не сокрушил чуждых государств, но был защитою, славою и утешением собственному; служил отчеству и добродетели; был строителем моста на Днепре, чтобы доставить народу всевозможные удобства, основателем Владимира Залесского, в котором построил церковь Св. Спаса; рачительным хозяином; законодателем, писателем* [Карамзин 1991: 101]. Одним из мудрейших князей Российских называет он Андрея Юрьевича Боголюбского, *мужественного, трезвого и прозванного за ум вторым Соломоном*. Его *мудрость* – мудрость «в рассуждении Политики, или той науки, которая утверждает *могущество государственное*» [Карамзин 1991: 370]. Он тоже *строитель* – построил и *украсил* Боголюбскую церковь, одарил многими сокровищами церковь Богоматери во Владимире [там же: 371].

Те же качества *мудрого* князя отмечает Н.М. Карамзин у князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, называемого в летописях Великим. Его «благоразумность» включает такие смыслы: «строго наблюдал *правосудие*, казнил злых, миловал добрых, мужественный в битвах, и в каждой победитель, *не любил кровопролития бесполезного... строитель* церквей и крепостных сооружений во Владимире, Переяславле, Суздале» [Карамзин 1991: 428].

Заметим, что качеством *мудрости* у Н. М. Карамзина отмечены не только князья, но и княгини. Так, *мудрой* называет он Марию, первую жену князя Всеволода, которая, помня слова Великого Ярослава (Мудрого), *заботилась о пользе отечества*, наставляла сыновей избегать междоусобий, *украшала церкви*.

Таким образом, глубина и многосложность ассоциаций, которые в языковом сознании русских сопутствуют имени *Ярослав Мудрый*,

на наш взгляд, может иметь своим источником текст карамзинской «Истории государства Российского». Этот текст стал своего рода источником «культурной памяти» слова *мудрый*. «Вопрос о “культурной памяти” слова встает в тех случаях, когда оно “помнит” или, напротив, “забывает” (а быть может и реконструирует) какие-то значимые в культурной традиции носителей языка представления и понятия» [Яковлева 1998: 71]. Суммируя контексты употребления слова *мудрый*, в которых Н.М. Карамзин дает разъяснение его содержания, получаем смысловую модель, которая включает следующие компоненты: *постоянные* – устроитель своей страны, ее рачительный хозяин, законодатель, строитель городов и церквей, и *варирующиеся* – просветитель, образованный человек, любитель книг и даже их создатель. Все они присутствуют в характеристике *Мудрый* при имени князя Ярослава Владимировича. Как представляется, об этом может свидетельствовать тот факт, что, хотя в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева имя *Ярослав* не сопровождается определением *Мудрый*, однако историческое значение деятельности князя Ярослава он определяет «по-карамзински»: не только и не столько книжной просвещенностью, а тем, что он был «князем-нарядником» страны [Соловьев 1988: 211], выдающимся *государственным деятелем, устроителем древнего Русского государства*.

Итак, превращение прилагательного *мудрый* в историческое прозвище князя Ярослава связано с одним из аспектов «культурной памяти» этого слова – с памятью о «своем» тексте. Пример его использования Карамзиным обусловил повторение в новых текстах: в трудах историков, в популярных и художественных произведениях, посвященных времени правления князя Ярослава. Именно эти культурные смыслы прослеживаются в содержательных ассоциациях, связанных у носителей русского языка с историческим именем князя Ярослава Владимировича. Он *мудр* не потому, что умен, образован и житейски опытен, а потому что служил отечеству, был «правосудом», любителем книг, просветителем, строителем Софийского собора.

Литература

- Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1991.
Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.). – М., 2010.

МАС: Словарь русского языка. В 4-х т. Т. II. – М., 1986.

Словарь русского языка XI-XVII вв., т. 9. – М., 1982.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. – М., 1988.

Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3.

М. Н. Приемышева
Санкт-Петербург

**«Рыцарь» своего времени:
о некоторых лексико-семантических новациях
в языке Н. М. Карамзина**

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ
№ 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.»

Период конца XVIII в. – начала XIX в. в истории русской филологической культуры, в истории русского литературного языка занимает особое и уникальное место. Это период «повзросления» русской литературы, обретения ею «зрелости», в который на место «плоскому» изображению действительности приходит объемное, углубленное ее осмысление [Афанасьев 2002: 5–7]. И не случайно И. Киреевский отмечал особое место Н. М. Карамзина в этом усложнении литературно-художественного процесса: «Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. ... Когда появился Карамзин, уже читатели для него были готовы, и его удивительные успехи доказывают не столько силу его дарований, сколько повсюду распространившуюся любовь к просвещению» [Киреевский 1998: 57]. Н. М. Карамзин помимо «нового слога» явно включался в новую для начала XIX в. борьбу за «идеи» и за «мысль» в языке: «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным. Богатый язык тот, в котором вы найдете слова не только для изъяснения их различий, их оттенков, большей или меньшей силы, простоты и сложности...», а тот, которым можно выражать тонкие идеи... [Карамзин 1982: 55]. В основных посылках языковых концепций А. С.

Шишкова и Н. М. Карамзина были заложены не столько оппозиции «свое» – «чужое», «исконное» – «заимствованное» (как раз в этой плоскости вопроса, на наш взгляд, побеждают доводы А.С. Шишкова), сколько конфликт теорий классицистического подхода к языку и идеалистического: конфликт позиций слова ради «стиля» и слова как отражения «мысли», слова как главной художественной и содержательной ценности высказывания. Язык Н. М. Карамзина стал своего рода лабораторией, в которой формировался его новый семантический регистр. Проблемы «нового слога», полемика вокруг которого разворачивается на границе веков, во многом касающиеся лексических изменений в русском языке, затрагивают также принципы номинации и трансформацию смысловой структуры слова. Своего рода злоупотребление перифразами в «элегансе» вело, с точки зрения словесной диалектики, к существенному плюсу в ее развитии: слово, не связанное с прямой номинацией и ориентированное на создание поэтического образа, становилось художественным с прагматической точки зрения, в структуре значения слова стала намеренно создаваться эстетическая прагматика [Приемышева 2008].

Глубокие и тонкие наблюдения над особенностями семантики в языке Н. М. Карамзина сделал В. В. Виноградов [Виноградов 1961: 295–319]. Ученый подчеркивал, что на развитие лексико-семантической системы писателя сильно повлияли его увлеченность философско-мистическими взглядами («язык масонских писаний») и сентименталистская эстетика. Как справедливо подчеркивал В. В. Виноградов, «в стиле Карамзина основные общественные понятия, а, следовательно, и выражающие их слова и термины повернуты в сторону этики и психологии, а не социологии» [Виноградов 1961: 308]. Особенный психолого-интуитивистский семантический регистр стиля писателя способствовал новаторскому употреблению и, как следствие, появлению целого ряда новых слов (например, *засмертие*, *предсмертие*) или значений: *самоотвержение*, *самоотречение*, *интеллигенция*, *самость*, *сочеловек*, *общественность*, *мироздание* и мн.др. [Виноградов 1961: 298–315]. Особенно много таких новых слов и понятий в публицистике писателя. Зачастую Н. М. Карамзин маркировал создаваемое им слово или значение. Ср., например: «Влюбленность – извините новое слово: оно выражает вещь – влюбленность, говорю, есть самое благодетельное изобретение для света, который без нее походил бы на монастырь Латрапский (Н. М. Карамзин. Моя исповедь. 1802).

Показательным для стиля и языка Н. М. Карамзина является следующий фрагмент из «Писем русского путешественника», в котором сравнительная степень всех приведенных в нем прилагательных придает каждому из слов новый психолого-этический оттенок и тем самым делает их значение глубже и объемнее: «Чем *протее*, *везде-сущнее*, *всенаслаждительнее*, *постояннее* и *благодетельнее* есть средство или предмет, в котором или через который мы сильнее существуем, тем *существеннее* (existenter) мы сами, тем *вернее* и *радостнее* бытие наше – тем мы *мудрее*, *свободнее*, *любящее* (liebender), *любимее*, *живущее*, *оживляющее*, *блаженнее*, *человечнее*, *божественнее*, с целью бытия нашего сообразнее» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1793). Тонкость и сложность вкладываемого в слово значения в ряде случаев автор пытается уточнить через иноязычные эквиваленты. Более того, из обнаруженных на данный момент контекстов из НКРЯ и текстовых баз данных XIX в. – в данном контексте впервые в русском языке употребляется слово «*человечный*» (первая фиксация – Дополнение к «Опыту областного словаря» 1858 г.) в значении «отзывчивый, внимательный к людям, гуманный».

Такой же особенной семантической новацией Н. М. Карамзина можно считать и слово «рыцарь». Так, в Словаре Академии Российской, в Словаре 1847 дается одинаковое толкование этого слова: «Всадник, витязь конный». По данным картотеки «Словаря русского языка XVIII в.», слово употребляется с середины XVIII в. (например, *древние рыцари*, *английские рыцари*, *драгунские рыцари* и т.п., *странствующий рыцарь*). Переносное значение: «честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотверженный заступник. *Он рыцарь в душе, но дела его безумны*» впервые фиксируется только в Словаре Даля, при этом приведенное речение позволяет увидеть связь этого переноса с известным образом Сервантеса. Однако *этический* компонент семантики у данного слова, по обнаруженным контекстам, появляется впервые у Н. Карамзина в названии романа «Рыцарь нашего времени» (1802–1803 гг.), а объем нового понятия раскрывается постепенно при создании образа Леона, главного героя романа, причем, возможно, и не без влияния образа романа Сервантеса, но с учетом целого ряда иных культурных традиций.

«Рыцарь» в «Рыцаре нашего времени» Н. М. Карамзина – очень сложное, полное подтекстов, культурно-этическое понятие. На формирование переносного значения слова повлияло название романа, вообравшее в себя ряд психологический, этических, культурно-исто-

рических нюансов. Название и концепция этого мини-романа вводит его в контекст художественно-литературной традиции, обогащающей концепцию каждого из произведений, которые в нее могут быть включены: это «Духовный рыцарь» И. В. Лопухина (1791 г.), «Рыцарь нашего времени» Н. М. Карамзина (1802–1803) и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. «Рыцарь» Карамзина, безусловно, как соотносим с «духовным рыцарем» И. В. Лопухина, так и отталкивается от него светскостью и сентиментальностью своего сюжета [Янушкевич 2000: 156–164]. И если «духовный рыцарь» И. В. Лопухина отражал еще только одно значение слова, не зафиксированное словарями (ср. в словаре масонских терминов и символов: «Рыцарь – 1) наименование масонов ряда степеней посвящения., 2) наименования заместителей руководителя ложи в мастерской 15-й степени посвящения, Великие Рыцари – в 30-й степени посвящения» [Карпачев 2003: 223]), то Н. М. Карамзин именно через образ своего молодого героя, названного «рыцарем», позволяет увидеть и связь молодого героя с идеалами масонства, через что прошел и сам молодой Н. М. Карамзин, и в то же время, при отталкивании от них, уход в сторону высоких нравственных и этических идеалов. Через образ героя этого маленького романа в значении слова утверждается приоритет этического компонента значения над социальным: от связей с «братским обществом» он постепенно переходит к тому, что «донкишотство воображения заранее определяло нравственный характер Леоновой жизни». И с начала XIX в. слово *рыцарь* в новом значении 'самоотверженный, благородный, великодушный человек' (БАС) становится все более употребительно (И. Долгоруков, А. Пушкин, П. Вяземский).

Н. М. Карамзин, несмотря на множество противоречащих друг другу оценок и суждений в кругу писателей, литературоведов, лингвистов в отношении его истинной роли в развитии отечественной словесности [Сорокин 1994], сыграл невероятно большую роль в процессе становления русского литературного языка, не только в области синтаксиса, стилистики, на что многократно обращали внимание современные исследователи, но и – особенно – в области семантики.

Литература

Афанасьев Э. На пути к XIX в. Русская литература 70-х гг. XVIII – 10-х гг. XIX в. – М., 2002.

- Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
- Карамзин Н. М. О богатстве языка // Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. – М., 1982.
- Карпачев С. П. Путеводитель по масонским тайнам. – М., 2003.
- Киреевский И. Обзор русской словесности 1829 г. // Киреевский И. Критика и эстетика. – М., 1998.
- Приемьшева М. Н. Слово в контексте развития русской словесности в начале XIX в. (историко-семантический аспект) // Филологические науки. 2008. № 5. – С. 43–53.
- Сорокин Ю. С. Язык и стиль карамзинской прозы в оценке современников и последующих поколений (180 лет с начала споров вокруг «нового слова») // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX в. – СПб.: Наука, 1994. – С. 16–57.
- Янушкевич А. С. Диалог И.В. Лопухина и Н.М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и русская литература XVIII–начала XIX в. – М., 2000. – С. 144–156.

И.Н. Левина
Санкт-Петербург

Косвенная засвидетельствованность в стиле Н. М. Карамзина: модель [казаться_{ss/n}], (что) в «Истории государства Российского»

В свете повышенного интереса к категории засвидетельствованности (эвиденциальности) в современной лингвистике, а также на фоне дискуссии о возможности и формах интерпретации исторических событий, в последние годы вышедшей за научные рамки, возвращение к изучению стиля «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина представляется безусловно актуальным.

Два обозначенных аспекта имеют друг к другу непосредственное отношение: авторы текстов по истории, обычно не являясь непосредственными участниками отдаленных во времени событий, используют опосредованную информацию, для экспликации которой обращаются к средствам *косвенной засвидетельствованности*. Среди семантических подтипов данной категории [Козинцева 2000] в историческом дискурсе обращение к *пересказывательности* – естественно, к двум другим – *инференциальности* и *перцептивности* – не очевидно.

В состав выявленных в рассматриваемом произведении Н. М. Карамзина лексико-семантических моделей (ЛС-моделей) сложноподчиненного изъяснительного предложения [Ильенко, Левина 2007], одного из основных средств засвидетельствованности, входит и достаточно активно используется модель [КАЗАТЬСЯ_{zs/n}], (ЧТО).

Для рассматриваемой сферы уже само наличие ЛС-моделей, контактное (опорное) слово которых относится к лексико-семантической группе «недостоверность знания» [Русский семантический словарь 2003], нетривиально. Малая частота моделей с указанной семантикой в исторических текстах ожидаема и закономерна; это подтверждает и анализ данных Национального корпуса русского языка, проведенный на базе пользовательского подкорпуса, организованного на основе следующих заданных параметров: «нехудожественные/ научно-учебные» (тип текста), «монография» (жанр) «история» (тематика): объем составил 51 документ, 186 940 предложений, 3 445 229 слов.

Лексико-грамматический поиск был ориентирован на основные компоненты ЛС-модели – выступающую в качестве контактного (опорного) слова лемму «казаться» (в безличном значении) и союз «что», образующие «контактную рамку» изъяснительного предложения. Запрос по требованию «казаться на расстоянии 1 от *что* CONJ асомта» выявил 34 документа (текста), содержащих 130 вхождений (употреблений). Хотя в полученной выборке не снята омонимия, на общий результат она существенно не влияет. Полученные данные представляют интерес как раз с точки зрения индивидуального употребления (далее в списке первая после фамилии цифра соответствует количеству найденных документов у данного автора, вторая – абсолютной частоте употребления, в скобках дается процентный показатель, иллюстрирующий значимость авторской выборки на фоне общей по подкорпусу): Н. М. Карамзин: 12 – 67 (51.54 %); Ю. В. Каннабих: 1 – 11 (8.46 %); И. И. Сикорский: 1 – 9 (6.92 %); И. М. Савельева, А. В. Полетаев: 1 – 8 (6.15 %); Ф. Ф. Зелинский: 3 – 6 (4.62 %); Б. Д. Порозовская: 2 – 4 (3.08 %); С. М. Соловьев: 2 – 4 (3.08 %); Н. Я. Бичурин (о. Иакинф): 1 – 4 (3.08 %). У остальных авторов находим более низкие показатели.

Как видно, более половины всех употреблений приходится на тексты Н.М. Карамзина, причем этот показатель увеличивается, если сосредоточиться на одной из вариаций модели. Лексико-грамматический поиск по требованию «казалось на расстоянии 1 от *что* CONJ

асотта» выявил 26 документов, 85 вхождений – то есть в данной форме модель употребляется лишь в половине всех документов, формирующих подкорпус (что уже само по себе показательно). Обращение к анализу частоты употребления «казалось, что» дает красноречивые результаты распределения по авторам: Н. М. Карамзин: 11 документов – 55 употреблений (64.71 %); И. И. Сикорский: 1 – 8 (9.41 %); Ю. В. Каннабих: 1 – 6 (7.06 %); Ф. Ф. Зелинский: 3 – 4 (4.71 %); Б. Д. Порозовская: 2 – 3 (3.53 %); С. М. Соловьев: 1 – 2 (2.35 %); И. М. Савельева, А. В. Полетаев: 1 – 1 (1.18 %); Николай Карпов: 1 – 1 (1.18 %); Е. В. Тарле: 1 – 1 (1.18 %); Л. К. Чуковская: 1 – 1 (1.18 %); Д. И. Яворницкий: 1 – 1 (1.18 %); Д. И. Иловайский: 1 – 1 (1.18 %); Н. Я. Бичурин (о. Иакинф): 1 – 1 (1.18 %).

Сравнительный анализ употребления рассматриваемой модели в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и в текстах других авторов-историков позволяет выявить определенные закономерности.

Привлечение для анализа понятия лексико-синтаксических моделей (ЛС-моделей) и оперирование понятием «вариация модели», фиксирующей грамматическую форму контактного (опорного) слова [Левина 2013], обеспечивает возможность держать в поле зрения весьма существенные в смысловом отношении элементы. В первую очередь речь идет о «модальном субъекте» – важнейшем компоненте модуса [Балли 1955: 44]. Учет грамматической формы контактного слова не только создает возможность разграничения сферы «я» адресанта и сферы «другого» («не-я»), но и введения понятия « \emptyset -субъект», обеспечивающего учет принципиально важной для русского менталитета категории безличности (через использование понятия «синтаксический нуль»).

Для исторического дискурса в абсолютном большинстве случаев типична экспликация семантического субъекта при помощи формы дательного падежа существительного, т.е. он маркируется оператором «не я-субъект»; иногда, но редко, – аналогичной формой местоимения, в том числе способной выступать в качестве оператора «я-субъект». Так, органично воспринимается наличие оператора «я-субъект» при цитировании – как, например, во фрагменте из текста С. Соловьева, воспроизводящем речь послов: «...и *нам* **кажется, что** вы, ученые, нас, ненавычных, стали глупее» [С. М. Соловьев. История России с древнейших времен]. Текстовое использование конструкции у современных авторов, связанное с введением точки зрения пишущего,

являющегося очевидцем излагаемых событий, последовательно фиксируемой личным местоимением, – явление редкое; в выборке аналогичное употребление реализуется в текстах И. И. Сикорского.

Хотя в текстах Н.М. Карамзина встречаются случаи экспликации «не я-субъекта» (словоформами дательного падежа: *народу, многим, ему*), однако в целом для его идиостиля характерно отсутствие субъектного распространителя («нуль-субъект» фиксируется в 51 примере из 55 случаев употребления, что составляет более 90 %).

Вариации модели обладают разной функциональной нагрузкой. Модель с формой настоящего времени контактного слова регулярно входит в состав многокомпонентного сложного предложения, формируя логическое единство с придаточным причины, аргументирующим выдвинутое предположение, **кажется, что...**, **ибо...**, например: **Кажется, что** в сие время уже разные воеводы могольские присвоивали себе имя царей: **ибо** в наших летописях упоминается еще о каком-то царе Токтомере, который (около 1293 году) приезжал в Тверь, утеснял народ и возвратился с богатою корыстию в свои улусы. Подобное употребление связано с такой разновидностью косвенной засвидетельствованности, как *инференциальность*: информация «является результатом мыслительной обработки наличной ситуации» [Козинцева 2000, с.227]. Для осуществления подобной функции используется также сочетание с показателями метатекста, реже – с некоторыми другими средствами: *Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но **кажется, что** она вообще была недовольна его приемом: **следующее служит тому доказательством***. В указанных случаях контактное слово выступает в третьем значении, по СОШ, «представиться»: ‘явиться в мысли, воображении’.

Что касается вариации модели с формой прошедшего времени, то ее употребление имеет существенные отличия: логические (причинно-следственные) связи не эксплицируются. Инференциальность создается за счет соположения изъяснительного предложения с другими предикативными единицами на основе бессоюзной связи в многокомпонентном предложении или его постпозиции в микротексте: **Казалось, что** все города южной России ждали только примера: **Моравск, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский немедленно, а скоро и Белгород, Борисов, Оскол, Трубчевск, Кромы, Ливны, Елец отложились от Москвы;** <....> **Одним словом, казалось, что** государство освободилось от тирана <...>.

Кроме того, наблюдается актуализация семантики «кажимости» ('иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление'), чему, безусловно, содействует появление в контексте лексики с семантикой восприятия: *Радуясь настоящему, не тревожились о будущем – и после такого бурного дня настала ночь совершенно тихая: казалось, что Москва вдруг опустела; нигде не слышно было голоса человеческого: одни любопытные иноземцы выходили из домов, чтобы удивляться сей мертвой тишине города многолюдного, где за несколько часов пред тем все кипело яростным бунтом.* Таким образом создается впечатление принадлежности к миру описываемого события. Являясь источником информации, данные органов чувств – слуха, осязания и т.д., а также общие ощущения, формируют в тексте семантический подтип косвенной засвидетельствованности – перцептивность.

Заметим, что существенной для выявления особенностей идиостиля оказывается не только интенция адресанта, вводимая модусным (пропозициональным) предикатом, но объекты, на которые она направлена; представленные в придаточных ситуации формируют множество с высокой степенью информативности о картине мира, обусловленной тем, что в придаточных отражается именно ситуация, событие. Наполнение придаточных предложений у Н. М. Карамзина весьма показательно: в наиболее объемной в количественном отношении группе примеров перцептивность реализуется как информация об общем ощущении посредством образных средств. Место субъектного распространителя в пропозициональной структуре этих придаточных изъяснительных занимают существительные с абстрактным значением нескольких весьма специфичных лексико-семантических групп, ср.: *Бог, Небо, Судьба, мудрость человеческая, слава, все ужасы естественные, природа, земля, государство* и т.п., а также топонимы *Россия, Москва, Иверия, Орда* и др. в функции синекдохи:

Казалось, что:...*Бог хотел в Иоанне удивить Россию и человечество примером какого-то совершенства, великости и счастья на троне;...Небо, раздраженное преступлением Годунова, но смягченное тайными слезами добрых ее сынов, примирилось с нею, и на могиле Димитриевой насаждает новое царственное древо; ...Судьба благоприятствовала новому монарху; ...мудрость человеческая сделала*

все возможное для твердого союза между государем и государством; ...самая природа остерегала несчастного князя; ...земля утратила силу плодородия;...Россия нашла царя, а царь нашел подданных;... государство, зараженное нравственною язвою, в страшных судорогах кончалось и т.п.

По замечанию Н. Д. Арутюновой, «ненадежность передаваемого сообщения обязательно должна оговариваться» [Арутюнова 1999: 587] – в стилистике «Истории государства Российского» она может оправдываться тем, что речь идет о явлениях, заведомо не подлежащих проверке на истинность.

Проведенное исследование позволяет установить ряд особенностей использования модели [КАЗАТЬСЯ *zs/n*], (ЧТО), и среди них наиболее специфичное, нетривиальное для текстов исторического дискурса и значимое для идиостиля Н. М. Карамзина средство презентации семантического подтипа косвенной засвидетельствованности – перцептивности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М., 1999.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
- Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности// Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. – СПб., 2003. – С. 19–25. (1975)
- Ильенко С.Г., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. – СПб., 2007.
- Козинцева Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000. – С. 226–240.
- Левина И.Н. Словарное описание идиолекта М.В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / Отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб., 2013. – С. 317–360.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://guscorpora.ru> (Последнее обращение 14.10.2016)
- Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю.Шведовой. – Т. 3. – М., 2003.

А. С. Кулева
Москва

Усеченные прилагательные в поэзии Н.М. Карамзина и его современников

Усеченные прилагательные известны как одна из ярких черт языка русской поэзии XVIII в. [Винокур 1959]. В справочной и учебной литературе этот элемент поэтического языка упоминается часто, но сопоставление существующих определений и большого корпуса собранных примеров показывает, что адекватного научного описания этого явления пока нет.

Традиционный взгляд определяет усеченные прилагательные как версификационное средство поэзии XVIII в., причем утверждается, что 1) это формы полных (атрибутивно употребленных) прилагательных, образованные «усечением» окончания или какой-то его части (что и отражено в термине); 2) их необходимо отличать от кратких прилагательных, поскольку искусственность усечений доказывается рядом черт (сохранение ударения на основе, возможность образования от относительных прилагательных, действительных причастий и т. п.); 3) с развитием русской поэзии (позднее первой трети XIX в.) усеченные формы исчезли. Ср.: «Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке чисто в версификационных целях (в соответствии с требованиями ритма и рифмы) на правах отступлений от общенародных норм, разрешенных теорией поэтических вольностей. Преодоление Пушкиным и Лермонтовым традиций стихотворной речи XVIII века повлекло за собой исчезновение и усеченных прилагательных, встречающихся с 40-х годов XIX века очень редко» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009: 269–270]. Эти утверждения можно поставить под сомнение, если рассматривать данный языковой факт на более широком фоне (подробнее см. в [Кулева 2008]).

Современные методы исследования позволяют обрабатывать значительные объемы текста, т. е. подкреплять теоретические построения не отдельными обнаруженными примерами, а количественным анализом больших корпусов данных. Собранный материал (около 30 тыс. текстов 500 авторов) показывает, что краткие формы в атрибутивной функции встречаются в русской поэзии, начиная с силлабических вирш XVII–XVIII вв. вплоть до наших дней (собрано более 15 тыс.

примеров), причем с уменьшением числа употреблений возрастает их стилистическая нагрузка. Наиболее важной чертой «усеченных прилагательных» следует признать употребление их в атрибутивной функции. Возможность же образования нестандартных грамматических форм (в том числе и кратких прилагательных) – яркая выразительная черта языка художественной литературы [Зубова 2000].

Переломным моментом для использования усеченных форм можно назвать рубеж XVIII–XIX вв. Этот период в целом характеризуется разнообразием поэтических школ и направлений, бурной литературной полемикой, сосуществованием различных идейно-художественных парадигм. «Эпоха 1790–1810-х годов не имела единого господствующего поэтического стиля. И стремление поэзии Жуковского или Батюшкова к стилистической унификации, и сложный синтетизм Пушкина выросли на фоне и по контрасту с неорганизованностью мира русской поэзии этой переходной эпохи» [Лотман 1971: 11–12]. В свете этого заслуживает внимания творчество не только выдающихся представителей эпохи: Н. Карамзина, И. Крылова, В. Жуковского, но и второстепенных поэтов, таких как С. Бобров, А. Тургенев, А. Воейков, В. Пушкин, А. Шишков или имевших репутацию графоманов и литературных шутов Д. Хвостова и П. Шаликова.

Поэтическое многообразие рассматриваемого периода можно увидеть и в употреблении усечений разными авторами. Они остаются достаточно частотным поэтическим элементом (в собранном корпусе поэзии XVIII в. усеченные прилагательные встречаются в 992 текстах из 1,5 тыс. произведений 20 авторов, в корпусе поэзии рубежа веков – в 254 текстах из 406 произведений 43 авторов, что в обоих случаях составляет более 60%).

Использование усеченных прилагательных можно соотнести с идейно-художественными взглядами авторов. Закономерно резкое снижение доли усеченных форм в творчестве Карамзина и его сторонников. В поэзии Н. М. Карамзина такие формы играют незначительную роль: содержат усечения 14 текстов из 160 (всего 30 форм на 8458 стихов) – т. е. 9% текстов, 0,5% стихотворных строк. Практически отсутствуют формы косвенных падежей. Чаще всего усечения встречаются в составе поэтических штампов (*нежны песенки, в томну грудь, ужасны бури, верна дружба*), а также в текстах, отмеченных стилизацией, ср.:

Часто здесь ужасны бури / Жизни океан мятут; На кусту здесь Филомела / Нежны песенки поет («Часто здесь в юдоли мрачной...», 1787);

Принес цветов прелестных / И арфу златострунну («Филлиде», 1790);

В почесть празднику заводит / Разны игры Марлотес; Дайте мне копье булатно Коим я врагов разил; Мать святая, чиста дева! / Что за день такой пришел? («Граф Гваринос», 1789);

Взор его быстрее орлиного / и светлее ясна месяца. Кто сей рыцарь? – Илья Муромец («Илья Муромец. Богатырская сказка», 1794).

В поэзии противников карамзинистов концентрация усеченных прилагательных, вопреки ожиданию, также невелика. В рассмотренных произведениях А. Шишкова усечения встречаются в половине текстов (но только в 9 % стихотворных строк, всего 23 формы в трех стихотворениях). Интересно, что знаменитая пародия А. С. Пушкина «Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825) насыщена усеченными прилагательными: *древни клады, правдива леств, кораблю бегущу*. Однако в поэтических текстах самого Хвостова усечения содержатся лишь в 3 % стихотворных строк (всего 19 форм в шести текстах). Отметим, что сторонники «Беседы любителей русского слова», вопреки распространенным представлениям, не были защитниками классицизма. Ср.: «Сложность позиции Шишкова была в том, что и сам он, и его противники доказывали, что он архаист, защитник старины, который стремится вернуть Русь к прошлому. На самом деле он был новатором-утопистом, который старины не знал, как не знал он ни церковных книг, ни старославянского языка. Его архаизированные неологизмы, конечно, не имели ничего общего с реальной историей русского языка» [Лотман 1971: 50].

Употребление усеченных прилагательных наиболее характерно для гражданской просветительской лирики. Отметим насыщенность усеченными формами произведений С. Боброва, творчество которого в значительной степени ориентировано на традиции Ломоносова и Тредиаковского, близко исканиям Державина и Радищева. Все 23 рассмотренных текста Боброва содержат усеченные прилагательные (436 форм на 3110 стихов, т. е. 14% стихотворных строк), встречаются формы Р. и Д. м. ед. (*Исшедшу тень усопша мира, к позорну плену*).

Использовал в своей поэзии усеченные формы выдающийся лингвист А. Х. Востоков – ученый, который одним из первых решительно противопоставил нечленные формы качественных прилагательных и страдательных причастий прилагательным «с усеченным окончанием». В усеченных прилагательных, встречающихся в его произведениях

(199 форм на 2416 стихов, 8 % стихотворных строк), можно обнаружить весь комплекс характерных особенностей: формы относительных прилагательных – *дебри финнов каменисты, райска красота, с Варяжска моря; причастий – ветер бушующи*; формы с ударением на основе – *добры нравы, нежны цветы, остры копья*; страдательные причастия с удвоенной Н в суффиксе – *все покоренны царства*. С другой стороны, в поэзии Востокова наряду с усечениями используются как фольклорные эпитеты – *борзы кони, зла кручина*, так и церковнославянские формы, причем не только формы с неполногласием (*млад витязь*), но и синтаксические конструкции (*Наставшу утру возвратился / Мстислав; При оных мне путях стоящу / Предстала некая жена* – «дателный самостоятельный»). Особо следует отметить и равносложные прилагательные, наличие которых ставит под сомнение «исключительно версификационную» роль этих форм: *некто черен выезжает*.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что в поэзии рубежа XVIII–XIX вв., когда разрушилась жанровая система классицизма и создавались новые художественные направления, роль усечений была переосмыслена. Они стали выступать в роли «поэтизмов», своеобразной условности языка, отличающей поэзию от прозы. В этот период формируется устойчивый поэтический словарь, начинают появляться своеобразные литературные штампы, первоначально связанные с поэтикой сентиментализма, затем символизма: *небесна красота, любезна простота, люта смерть, жестока страсть, нежны взоры, мрачна ночь, слезны токи* и т. д. В романтической поэзии XIX в. распространены эпитеты *нежну грудь, сладку лиру, томну главу, небесны очи, могильну сень* и т. д.

Поэзия рубежа XVIII–XIX вв. представляет собой богатую и яркую картину. Особое же значение имеет тот факт, что в традициях этой поэзии формировалось творчество А. С. Пушкина.

Литература

- Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. – М., 2009 (1-е изд. 1962).
Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
Кулева А. С. Усеченные прилагательные в контексте истории языка русской поэзии // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов / Отв. ред. В. Н. Калиновская. – СПб., 2008. – С. 160–167.

**И. В. Столярова
Санкт-Петербург**

Взаимоотношения литературного путешественника и автора в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина

Н. М. Карамзин оставил замечательный след в русской культуре как преобразователь литературного языка, основатель новых принципов журналистики и критики, создатель ключевых прозаических произведений русского сентиментализма. «Письма русского путешественника» были первым крупным прозаическим произведением, популярность которого вышла за границы России. После Карамзина русские авторы в жанре путешествия, подражая или полемизируя, отталкивались от его «Писем». Появление произведения в жанре путешествия было подготовлено развитием философской мысли эпохи Просвещения, многие тенденции которого осветил Карамзин.

На фоне повышенного интереса к разнообразным знаниям потребность в литературе путешествий ощущалась в обществе. К путешествиям тяготели уже некоторые образцы посольских отчетов петровского времени, форму путешествия обретали научные исследования отдаленных уголков России [Бешкарев 2003: 17]. И именно Карамзин, благодаря своей широкой образованности усвоивший многие черты как европейской, так и русской культурной традиции, разработал в «Письмах» оригинальные принципы жанра, который распространился в русской литературе после публикации этого произведения. Известно, что путешествия – своего рода противоядие от предрассудков, фанатизма и невежества; не столько люди создают путешествия, сколько путешествия создают людей.

С развитием сентиментализма и предромантизма меняется принцип отбора фактического материала, все большее место в повествованиях о поездках начинает занимать субъективное начало. *«Человеку с живым чувством и с любопытным духом трудно ужиться на одном месте; неограниченная деятельность души его требует всегда новых предметов, новой пищи».*

Одной из наиболее сложных является проблема жанра «Писем». Исследователи отмечают, что произведение Карамзина характеризуется рядом существенных особенностей, которые делают его более близким к эпистолярным романам, чем к литературе «путешествий». Автор находится в двух временных пластах – времени путешествия и времени воспоминания о путешествии, разнообразие контекстов затрудняет определение жанровой формы «Писем». Сам термин «путешествие» в современном литературоведении нельзя назвать устоявшимся, существует вопрос о границах жанра. «Путешествиями» называют разные явления: и строго научные отчеты географических экспедиций, и фантастические романы. Большинство современных исследователей считают путешествие «синкретичным» жанром, которому трудно подобрать всеобъемлющее определение.

В настоящее время «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина неотделимы от комментариев Ю. М. Лотмана в работе «Сотворение Карамзина». Ю. М. Лотман занимался исследованием творчества Карамзина всю свою жизнь, – пишет Б. Ф. Егоров в предисловии «Биография души» к книге Ю. М. Лотмана «Карамзин. Сотворение Карамзина». Это биография души, попытка раскрыть внутренний пафос исканий писателя, который всю жизнь выковывал себя. Смысл книги Ю. М. Лотмана – в показе исторической значительности морального «самосотворения».

Ю. М. Лотман называет «Письма» сугубо литературным произведением, отмечая, что исследователи часто видят здесь лишь биографический источник. По мнению ученого, это произведение было особенно важно для создания «карамзинского мифа». Образ писателя подменяется образами его литературных созданий. Сам автор и литературный путешественник отличаются друг от друга. Как отмечает Ю. М. Лотман, слово «путешественник» сделалось полемической кличкой, которой наделяли Карамзина его враги. Произошло отождествление сентиментального путешественника и пустоголового щеголя, слияние этих двух литературных масок в одну и перенесение их на биографическую личность Карамзина [Лотман 1997: 20–21]. Однако в «Письмах» создан сложный образ повествователя. Ю. М. Лотман подробно анализирует, почему и каким образом поза ученика оказалась удобной. За ней была литературная традиция: юный герой, совершающий путешествие в поисках истины и странствующий от одного великого мужа к другому.

Разделяя концепцию Ю. М. Лотмана, приведем примеры проявления литературных масок. Герой «Писем» как бы ослеплен калейдоскопом событий, встреч и достопримечательностей. Литературный путешественник сентиментален: *«Гостеприимство, священная добродетель, обыкновенная во дни юности рода человеческого и столь редкая во дни наши! Если я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудут меня друзья мои!»*; *«Но Кеслин будет для меня памятен не только по его монументу: там миловидная трактирщица угостила нас хорошим обедом! Неблагодарен путешественник, забывающий такие обеды, таких добрых, ласковых трактирщиц!»*; *«Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»* На вопрос немецкого поэта Виланда о будущем следует ответ путешественника: *«Тихая жизнь. Окончив свое путешествие, которое предпринял единственно для того, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями, буду жить в мире с натурою и с добрыми, любить изящное и наслаждаться им»*.

Карамзин сознательно подыгрывает своему отождествлению с героем. Черты щеголя видны в речи, пересыпанной иностранными словами, в легкости переходов его мысли, в приверженности к «пустякам». Как отмечает Е.Г. Ковалевская, наибольшее количество иноязычной лексики в «Письмах русского путешественника», используемой для создания местного колорита, описания реалий быта французов, англичан, жителей Швейцарии, незнакомо русскому читателю – современнику автора [Ковалевская 2012: 215]. *«Путешественники говорят всегда с великим неудовольствием о грубости прусских постиллионов. Нынешний король издал указ, по которому все почтмейстеры обязаны иметь более уважения к проезжим и не держать никого доле часа на переменах, а постиллионам запрещаются все самовольные остановки на дороге. Нахальство сих последних было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпеть или выманывать их деньгами»*. *«Теперь не могу вам сказать ничего примечания достойного, кроме того, что в местечке Лупове, где мы обедали, есть прекрасные форели и прекрасный бишоф. Итак, если вы, друзья мои, будете когда в Лупове, то вспомните, что друг ваш там обедал, — вспомните и велите подать себе форелей и бишофу»*.

Путешественник много внимания уделяет особенностям быта, акцентируя внимание на еде, ценах. Гастрономическая тема чрезвычайно интересует путешественника, он дает подобный отчет о гастрономической специфике мест, которые он проезжает: *«В корчмах находили мы по сие время что пить и есть: суп, жареное с салатом, яйца; и за это платили не более как копеек по двадцати с человека»*. *«Есть везде кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. За обедом ели мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилует; а как нам сказали, что прусские корчмы очень бедны, то мы запаслись здесь хорошим хлебом и вином»*. *«Еще скажу то, что здесь в трактирах стол очень дешев. Мне приносят всегда пять хорошо приготовленных блюд и еще десерт, на двух или трех тарелках, и за это плачу не более 50 копеек. Вино также очень дешево. Бутылка молодого рейнвейна стоит 10 копеек, а старого — 40»*. *«А для того, кто любит услаждать вкус, есть здесь отменно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и множество плодов, а особливо вишни, которая очень хороша и теперь так дешева, что за целое блюдо надобно заплатить не более десяти копеек. — В Саксонии вообще жить недорого. За стол без вина плачу здесь 30 коп., за комнату — также 30 коп., то же платил я и в Дрездене»*. Щеголь-путешественник заявляет кокетливо, обращаясь в письмах к друзьям: *«Будьте здоровы, спокойны и воображайте себе странствующего друга вашего рыцарем веселого образа!»*

Литературный путешественник восхищается прекрасными пейзажами; темы природы и человека у Карамзина рассматриваются как единое целое, поскольку природа, по его мнению, оказывает важнейшее воздействие на формирование характера и способностей человека, а умение любоваться ее красотами служит отличительной чертой духовно развитой личности. В этом образ литературного путешественника совмещается с образом автора.

Любознательный молодой человек делает наблюдения над языком: *«Я не приметил никакой розни между эстляндцами и лифляндцами, кроме языка и кафтанов: одни носят черные, а другие серые. Языки их сходны; имеют в себе мало собственного, много немецких и даже несколько славянских слов. Я заметил, что они все немецкие слова смягчают в произношении: из чего можно заключить, что слух их нежен»*. *«В самом деле, неудобно ездить по чужим землям, зная только один французский язык, которым не все говорят»*. *«Что принадлежит до здешнего немецкого языка, то он очень испорчен. В лучших обществах говорят всегда*

по-французски». Молодой путешественник находит много общего со своим соседом по карете – магистром, который *«едет в Италию рассматривать древности. Многие восточные языки, по его словам, ему известны. Мы друг с другом гораздо согласнее, нежели с офицерами»*. В то же время путешественник проявляет глубокое знание поэзии: *«В доказательство, что наш язык не противен ушам, читал я избранным лейпцигским ученым русские стихи разных мер, и они чувствовали их определенную гармонию. Говоря о наших оригинальных произведениях, прежде всех наименовал я две этические поэмы, «Россияду» и «Владимира», которые должны имя творца своего сделать незабвенным в истории российской поэзии»*. Знаменитому поэту Вейсе молодой человек говорит, что разные пьесы из его «Друга детей» переведены на русский, и некоторые самим путешественником.

Уместно привести слова Е. Г. Ковалевской, характеризующей роль Карамзина в процессе формирования русского литературного национального языка: «Н. М. Карамзин стремился сблизить письменный литературный язык и живую разговорную речь образованных людей своего времени, дать образцы литературной разговорной речи в различных жанрах художественной литературы, освободить литературный язык от устарелых языковых единиц, пополнить словарный состав русского языка новыми словами, русскими и иноязычными» [Ковалевская 2012: 229].

Продолжая рассматривать двойственный характер пишущего «Письма», отметим, что главное различие автора и любознательного, но довольно легкомысленного молодого человека в их духовной зрелости. Щеголь-путешественник снимает свою маску и неожиданно обнаруживает энциклопедическую образованность, плоды огромного умственного труда. Он оказывается достойным собеседником видных немецких философов и поэтов. Как отмечает Ю. М. Лотман, при каждой встрече со знаменитыми деятелями культуры выясняется, что путешественник предварительно прочел все важные сочинения автора и его цель – оценивать теории в связи с оценкой личности их авторов [Лотман 1997: 58]. *«Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика. Полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Надобно было удивляться его историческим и географическим знаниям, которые, казалось, могли*

бы одни загроздить магазин человеческой памяти; но это у него, как немцы говорят, дело постороннее. Потом я обратил разговор на природу и нравственность человека...»

Из-под маски легкомысленного путешественника показывается сам Карамзин, оставляющий намеки на интересовавшие его серьезные вопросы (например, о путешествии по Европе императора Павла, личностью которого был очень увлечен Карамзин). Путешественник, как скучающий зритель, равнодушно взирает на политические споры французов, однако за намеками в тексте «Писем» возникает реальная жизнь революционного Парижа, в которую погрузился автор, в отличие от своего литературного двойника. Писатель соединяет правду и вымысел, создает литературные образы.

Путешественник много говорит о кафе как особой достопримечательности Парижа. Возникает внешне милая безобидная картина: *«Так я провожу время»*. Однако эти кафе превращаются в политические клубы, кипящая жизнь которых отражает бурные события 1790 года и чрезвычайно интересует самого автора. Карамзин превращает исторические факты в факты литературы. Он повествует о важнейших событиях своего времени, в том числе о Французской революции, о главных темах современной литературы, философии, эстетики, этики. Отмечая двойственность повествователя, Ю. М. Лотман подчеркивает: «Создание своего литературного образа и построение собственной личности были для Карамзина двумя различными сторонами одной и той же медали. Карамзин вернулся писателем. Все, что он в дальнейшем писал, было связано размышлением о том, кто такой писатель, какова его роль в мире» [Лотман 1997: 159].

Литература

- Бешкарев А. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина: дис. ... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2003.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л., 1984.
- Ковалевская Е. Г. Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь, 2012.
- Лотман Ю. М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. – СПб. 1997.

Л. И. Богданова
Москва

Н. М. Карамзин и проблемы неологии

Формирование и развитие русского литературного языка во многом определялось активной словотворческой деятельностью ярких языковых личностей, к которым, безусловно, относится Н. М. Карамзин. Среди разнообразных сфер его деятельности не последнее место занимает создание новых слов, многие из которых были образованы им путем калькирования: *влияние, впечатление, влюбленность* и др. Семантическое калькирование, один из «щадящих» способов заимствования и освоения новой лексики, было отличительной чертой «нового слога», разработанного Н. М. Карамзиным и его школой, благодаря чему русский язык обогатился такими словами, как *трогать, трогательный, утонченный, образ, вкус* и др.

В наше время калькирование, в том числе и семантическое, также остается одним из способов обогащения словаря. Как отмечает И. Кечкеш, «ресурсы языка всегда ориентированы на ранее известную реальность, а новым знаниям всегда не хватает языка» [Кечкеш 2014: 11]. Развитие новых значений у старых слов – это реакция языка на воздействие других языков и культур, на перемены в жизни общества, обусловленные временем. Тем самым язык отвечает на вызовы эпохи. Примечательно, что слово *вызов* расширило свое употребление именно по запросу времени. В своем новом, расширенном значении оно активно используется и в политическом, и в научном дискурсе: *Как справиться с новыми вызовами XXI века; Преодоление бедности: старый вызов нового времени, «Славянские языки в условиях современных вызовов»* (конференция, Томск, май 2015 г.). В словарях современного русского языка слово *вызов* определяется как 1) побуждение к действию (от глагола *вызвать* – *вызов на соревнование*); 2) приглашение, требование явиться куда-л. (*вызов врача на дом, вызов в суд*); 3) желание вступить в спор, в борьбу (*в его словах прозвучал вызов*) [Ожегов, Шведова 1999]. Совершенно очевидно, что контексты типа *вызов времени, вызов эпохи, современные вызовы* не порождаются представленными словарными значениями. Новое значение слова *вызов* – это калька с английского *challenge*, которое описывает следующую ситуацию: «Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или

даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя» [Левонтина 2010: 5]. В последнее время слово *вызов* в значении ‘challenge’ все чаще оказывается востребованным, когда люди говорят о решении сложных жизненных, профессиональных или научных задач, стоящих перед ними, и таким образом русское слово *вызов* расширяет свое значение, пытаясь выразить новое актуальное содержание. Поэтому есть все основания считать, что появление нового значения у слова *вызов* – это семантическое обогащение русского языка, однако складывающаяся многозначность данного слова может явиться и причиной коммуникативных неудач. Так, например, заголовок «*МЧС не справляется с вызовами*» может быть понят и с опорой на старое значение слова *вызов* (реальных вызовов на объекты много, поэтому МЧС и не справляется), и с учетом нового значения (отстает от жизни, не соответствует времени).

Новые слова нередко используются для обозначения актуальных для современной жизни смыслов, среди которых особое место занимают такие, как «интерес к будущему, потребность в долгосрочном планировании и поиске его инструментов» [Богданова 2015: 41]. В связи с этим достаточно часто употребляется калькированное словосочетание *дорожная карта* (англ. *roadmap*). В прямом значении оно понимается как атлас дорог, соединяющих географические пункты. На базе первого значения появилось второе – значение маршрута: на карте может быть указан путь перемещения товаров или людей от начального пункта к конечному. Третье значение можно считать новым. *Дорожная карта* в новом значении представляет собой графический план продвижения какой-либо отрасли, направления к намеченной цели с учетом разных факторов. При этом предполагается несколько сценариев развития, учитываются возможные риски в реализации задуманного [Что такое дорожная карта?]. *Дорожная карта* – это не только собственно план, но и мониторинг его реализации. Однако в нетерминологическом употреблении данное словосочетание нередко используется как синоним слова, обозначающего план обычного типа, при этом теряются важные содержательные компоненты: ‘наглядность’, ‘пошаговость’, ‘вариативность движения к цели’ и даже ‘долгосрочность’. Интернет дает следующие примеры употребления этой лексической единицы: *Дорожные карты дадут нам понимание цели; Куда ведет дорожная карта здравоохранения? Дорожные карты охватят всю сферу об-*

разования; *Дорожная карта демонтажа российского образования* и т.п. В современном образовательном дискурсе (ср. *дорожная карта университета, факультета, кафедры*) эта номинация девальвируется в семантическом плане, утрачивая не только компонент 'вариативность развития', но и даже 'долгосрочный характер планирования', что зафиксировано новейшими электронными словарями иностранных слов, где *дорожная карта* определяется как «план действий» [Мостицкий 2014]. Новый калькированный термин нередко вступает в противоречие с устоявшимся употреблением словосочетания *дорожная карта*. Так, без широкого контекста непонятно, о чем может идти речь, напр., в статье с заголовком: «*Дорожная карта Крыма*». Двойственность восприятия снимается с помощью уточнений. Ср.: *Большая детальная дорожная карта Крыма* (карта автомобильных дорог) и *Соцсфера Крыма получила «дорожную карту»*. Предпочтительное использование словосочетания *дорожная карта* вместо привычных и слегка надоевших словосочетаний типа *план развития* или *план мероприятий* нередко диктуется правилами языковой моды, тем представлением, что новые слова отражают «новое мироощущение» [Жукова 2011].

О семантических процессах свидетельствует и сдвиг в сочетаемости ряда слов, в результате чего образуются почти оксюморонные словосочетания, напр., *гуманитарный конвой* и *тотальный диктант*. Для слова *конвой* и его производных наиболее типичной является такая сочетаемость: *вести под конвоем, конвоировать пленных, колонна пленных с конвоирами* и т.п. [Ожегов, Шведова 1999]. Рассогласование ассоциативно-оценочных компонентов слов *гуманитарный* и *конвой* нередко приводит к непониманию смысла данной номинации.

Слово *тотальный* также ранее использовалось исключительно при описании военных действий: *тотальная война* (война, использующая все средства для массового уничтожения противника и мирного населения его страны), *тотальная мобилизация* (чрезвычайные мероприятия, направленные на переключение всех ресурсов страны на нужды войны) и др. [Ожегов, Шведова 1999]. Именно поэтому словосочетание *тотальный диктант* вряд ли можно считать удачным.

В наши дни язык пополняется новыми единицами чаще всего путем прямого заимствования. Такие заимствования далеко не всегда соответствуют понятию языкового вкуса, которое неоднократно было предметом размышлений Н. М. Карамзина.

Одно из достаточно известных интернет-выражений XXI века – *граммар-наци* (от англ. *grammar Nazi*, где англ. *grammar* – грамматика и нем. *Nazi* – нацист). О его популярности говорит, кроме прочего, и факт его специального обсуждения в программе Александра Архангельского «Тем временем» на телеканале «Культура» (сентябрь 2016 года).

В «Кратком словаре интернет-языка» *граммар-наци* – это «тот (те), кто занимает активную позицию в вопросе чистоты языка, поправляет собеседников в случае ошибок, занимается разъяснительной деятельностью в сфере грамотности» [Хайдарова 2015]. Очевидно, что такое определение никак не согласуется со столь негативным обозначением. В Википедии *граммар-наци* определяется как интернет-мем, ироническое название и самоназвание определенных интернет-сообществ, отличающихся крайне педантичным отношением к вопросам грамотности (ср. также: *лингвалидол* – средство для тех, кому плохо от современного уровня грамотности). М. А. Кронгауз отмечает другой аспект в этом новом явлении, подчеркивая, что наиболее радикальные борцы за грамотность – это люди, которые, пренебрегая интересами коммуникации, обсуждают не заявленную тему, а ошибки в письменной речи собеседника [Кронгауз 2013]. Именно таких людей в конце XX века стали называть по-английски *grammar nazi*. Позднее данное название было заимствовано русским языком, при этом *граммар-наци* – «грамматический нацист», «национал-лингвист», «лингвофашист» и т.п. В. А. Ефремов отмечает довольно опасное, на наш взгляд, явление, когда обозначение *граммар-наци* начинает использоваться с положительной оценкой даже образованными людьми, занимающимися просветительской деятельностью: «*Чтобы прослыть суперграмотным человеком, настоящим граммар-наци, времени понадобится немного больше. В этом деле главное – вера в себя и снобизм*» (из интервью с сотрудником «Грамоты.ру») [Ефремов 2014: 80].

Н.М. Карамзин понимал вкус как «дарование», которое не приобретается учением. Однако обращение к наследию прошлого позволяет нам критически воспринимать те или иные лексические новации современности.

Литература

Богданова Л. И. Новые слова в аспекте взаимодействия языков и культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2015. – № 2. – С. 41-50.

- Жукова М. Е. Иноязычные заимствования в русском языке как симптом нового мироощущения // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2011. – №63. – С. 92–95.
- Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2014. №1. – С. 7–18.
- Мостицкий И. Словарь иностранных слов. 2014. http://speak_russian.academic.ru
- Ефремов В. А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // Антропологический форум. 2014. – Вып. 21. – С. 79–80.
- Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского. – М., 2013.
- Левонтина И. Б. Русский со словарем. – М., 2010.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
- Хайдарова В. Хайдарова В. Ф. Краткий словарь интернет-языка. – М., 2012.
- Что такое дорожная карта? // Образовательный журнал. Новые знания online <http://povznanija.ru>

Т. В. Шмелева
Великий Новгород

Карамзин: дериваты фамилии как свидетельства ее культурной значимости

250-летие Н. М. Карамзина сопровождается публикацией множества текстов, посвященных его многостороннему творчеству. Прочитывая эти тексты и перечитывая классические труды, обращаешь внимание на то, что наряду с фамилией великого русского автора встречаются ее дериваты.

Образование дериватов от фамилий изучается лингвистами [Трифорова 2000], но не относится к продуктивным словообразовательным моделям, это скорее исключения в жизни антропонима. И это исключение – свидетельство культурной значимости именуемой этой фамилией личности. Так, фактом русской культуры и потому русского языка стали адъективы *пушкинский* и *толстовский*; субстантивы *пушкиниана*, *аракчеевщина*; знаменитый ахматовский глагол *перепастерначить*... Отфамильные дериваты в целом – интересная проблема лингвокультурологии, в отношении же Карамзина можно отметить такие факты и аспекты этой проблемы.

Наиболее ожидаемым и наиболее массовым оказывается адъектив *карамзинский*; на его запрос Яндекс выдает 169 000 результатов. Часть выражений с этим адъективом появилась в юбилейном году: *марафон*, *пикник*, но другая существует давно: *чтения*, *сборники*, *улица*, *зал* и *сквер* в Ульяновске. Премия за достижения в исторической литературе называется «Карамзинский крест». Все эти словосочетания включают семантику «посвящено Карамзину» и связаны с мемориализацией писателя.

В научных работах прилагательное имеет значение «относящийся к Карамзину, принадлежащий ему, характерный для него»; например, *карамзинский миф*, *текст*, *стиль*, *путешественник* [Лотман 1987: 22; 47; 57; 211]; *карамзинский раздел книги*, *новый слог*, *карамзинская языковая реформа* – в комментариях к статьям [Виноградов 1990: 354, 355]; *карамзинская эпоха*, *карамзинский салонный «поэт»* и *карамзинская «читательница»*; *карамзинское точное слово* [Тынянов URL]; *первая модель была карамзинская*, *вторая – толстовская* [Балдин 2016].

От адъективного деривата образуются дериваты следующей ступени, при этом в первую очередь связанные со временем: *после-карамзинское развитие русской литературно-языковой культуры* [Виноградов 1990: 9]; *достижения послекарамзинской историографии огромны* [Эйдельман 1983: 158]; *вослед-карамзинский текст* [Балдин 2016]. В этом отношении интересен дериват с временной семантикой, но относительно не биографии Карамзина, а культурных вех, им обозначенных: *Спорщики оперировали ребяческими докарамзинскими понятиями об обязательной порочности бедняка* [Пищикова 2016]. Этот пример тем привлекательнее, что текст не о Карамзине, а о конфликте жителей «Патриков» и Бирюлева, что подтверждает «вплавленность» идей Карамзина в сознание современного культурного человека.

Пolemичность фигуры Карамзина «заставляет» образовать адъективы с семантикой «за/против»: *прокарамзинская позиция* [Лотман 1987: 257] и *антикарамзинский памфлет* [Виноградов 1990: 356]; *Лев Николаевич оказывается весьма успешен в своей контркарамзинской «глазной» операции* [Балдин 2016].

Субстантивные дериваты образованы его современниками, называвшими сторонников его взглядов на пути развития русского языка *карамзинистами* [Виноградов 1990: 355; 359; Тынянов URL; Лотман 1987: 186; 298; 313]. При детальном изучении литературной ситуации в карамзинскую эпоху приходится различать *старших карамзинистов* и

младокарамзинистов [Тынянов URL]. Этот субстантив, в свою очередь образует относительное прилагательное *карамзинистский*, которое используется, когда говорят о *карамзинистском стиле*; *карамзинистском (в данном случае, младокарамзинистском) течении взамен различения романтизма и классицизма* [Тынянов URL]. Оно дает «полевые» дериваты, например, *общая антикарамзинистская направленность Пьтина* [Зиновьева 2016].

Другой вид *nomina agentis* образован позже, но вполне ожидаемо для фамилии значительного человека – это композит *карамзиновед*: *Но не верят карамзиноведы этому простому (изящному) объяснению* [Балдин 2016].

Кроме субстантивов с семантикой лица, от фамилии Карамзин образуется существительное *карамзинизм*. Считается, что оно введено в филологию Ю. Тыняновым, во всяком случае, он активно его использует при анализе литературной культуры начала XIX века. Так, он говорит о *периоде полного расцвета карамзинизма» и о кризисе «карамзинизма» в 1818 году; о традиции карамзинизма, его теоретическом догмате и стиховой культуре*. Рассуждая об эволюции пушкинских представлений о литературе, Ю. Тынянов заключает: *у Пушкина это было внутренней, «гражданской» войной с карамзинизмом; владея всеми достижениями карамзинизма, соблюдая принципы точного, адекватного слова, он воевал против последней карамзинизма, против периферии карамзинистской культуры, против ее статики*. К этому понятию прибегают и другие исследователи литературных и стилистических явлений той эпохи [Лотман 1987: 233; Виноградов 1990: 23; Гинзбург 1987: 188]. Сегодня это понятие входит в лексикон литературоведения, ему посвящаются статьи [Алпатова, Киселева 2015], диссертации [Комарда 2006], научные конференции, например, «Карамзин и карамзинизм в современном сознании» (Ульяновск, 2015).

Таким образом, субстантивная часть дериватов от фамилии Карамзин представлена солидным набором и отличается широкой известностью.

Менее популярно наречие *по-карамзински*, его активно использует Н. Эйфельман: *Ах, еще раз вздохнем мы по-карамзински; Пушкин заставит своего Гринева сказать по-карамзински: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»; Карамзин ходатайствовал чисто по-карамзински: прямо объявил императору, что сути дела не пред-*

ставляет; по-карамзински думавший Александр Тургенев (эти факты приведены в Национальном корпусе русского языка).

Конечно, можно предположить и глагольные дериваты типа *карамзинить*, *карамзинствовать* или *карамзинничать*, наречия и предикативы типа *карамзинисто*, *карамзинно* (вспомним пушкинское *кюхельбекерно*), но найти их не удалось.

Итак, приведенных фактов, как кажется, достаточно для того, чтобы убедиться: дериваты от фамилии *Карамзин* представлены в языке его современников, исследователей его эпохи и современных журналистов (что особенно показательно). Активизация их использования в современных текстах связана с юбилеем, вызвавшим к жизни мемориальные события (от традиционных чтений до современного пикника) и публикацию текстов, так, в большинстве литературных журналов появились рубрики «Год Карамзина», «Кодекс Карамзина» и т.п. С позиций дериватологии можно сказать, что деривационная парадигма [Земская 1978] фамилии реализована в случае Карамзина максимально, при этом она оказалась многоступенчатой (*карамзинист* → *карамзинистский* → *антикарамзинистский*). Это может говорить только о том, что фигура Карамзина, его наследие востребовано в наше время, поскольку его значимость в русской культуре несомненна.

Литература

- Алпатова Т. А., Киселева И. А. Судьба традиций карамзинизма в творчестве М.Ю.Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2015. – №6. – С. 67–74.
- Балдин А. Новый Буквоскоп // Октябрь. 2016. №4.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. – М., 1990.
- Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. – Л., 1987.
- Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словобразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения. I–VIII. – М., 1978. – С.63–77.
- Зиновьева Е. О государственной судьбе // Нева. 2016. №8. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2016/8/o-gosudarstvennoj-sudbe.html>
- Комарда Т. Г. Карамзин и карамзинизм в литературном сознании современников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
- Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М., 1987.

Пищикова Е. Спрятаться в домике с абажуром // Газета.ру. 4.08.2016. http://www.gazeta.ru/column/evgeniya_pishchikova/9747371.shtml

Трифопова Т. Д. Отономастические дериваты с суффиксом -к- в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Тула, 2000.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Ruthenia: объединенное гуманитарное издательство. <http://www.ruthenia.ru/document/534313.html>

Эйдельман Н. Я. Последний летописец. – М., 1983.

Т. В. Губернская, А. В. Кузьмина, А. М. Четырина
Санкт-Петербург

Карамзин в языковом сознании современных студентов

Юбилейные даты великих – это всегда возможность удивиться более очевидной с течением времени исторической ценности их трудов; удивиться тому, как напоминает о себе их безусловная роль в жизни страны и народа; удивиться тому, как по-новому в наши дни звучат их высказывания. Трудно переоценить то, что сделал Н. М. Карамзин для развития русской культуры. Не сомневаемся, что в каждой статье, представленной в этом сборнике, можно будет увидеть благодарный взгляд на его творчество, а широта и разнообразие затронутых тем подчеркнут масштабность деятельности этой выдающейся личности.

Цель нашего исследования – выявить, зафиксировать и описать то, что реально знают о Н.М. Карамзине современные студенты. Для выявления обозначенного фрагмента языкового сознания этой осенью была проведена серия ассоциативных экспериментов.

В качестве респондентов выступили 400 студентов 1–2 курсов РГПУ им. А.И. Герцена. Поскольку нам была интересна разница ассоциативной памяти представителей гуманитарных и негуманитарных факультетов, в ассоциативном эксперименте приняли участие 2 группы студентов: 200 представителей филологического факультета и 200 студентов таких негуманитарных факультетов, как факультеты биологии и физики, экономики, физической культуры, технологии и предпринимательства.

Испытуемым предъявлялся список, включающий в себя 10 известных имен, среди которых было и имя Н.М. Карамзина. Студентам необходимо было в ходе направленного ассоциативного эксперимента

ответить, кто эти люди, а в ходе свободного ассоциативного эксперимента – привести ассоциации, связанные в их сознании с этими именами. В каждом ассоциативном эксперименте, направленном и свободном, приняли участие 100 студентов. Полученные данные представлены отдельно в каждой группе опрошенных студентов в виде двух ассоциативных полей (авторская орфография и пунктуация сохраняются).

Студенты негуманитарных факультетов

Из 100 студентов, принимавших участие в направленном ассоциативном эксперименте, где требовалось ответить, кем являлся Н.М. Карамзин, отказались отвечать 8 респондентов. Полученные ответы нашли отражение в следующем ассоциативном поле:

КАРАМЗИН: писатель 60; русский писатель 17; историк 12; революционер 5; русский историк 3; критик, литератор, реформатор русского языка 2; автор новых слов, непонятный!, великий писатель, великий русский писатель, герой Достоевского, знаменитый русский литератор, кто?!, музыкант, общественный деятель, писатель и историк, писатель 18 века, писатель - сентименталист, поэт, прозаик, публицист, российский историк, российский писатель, русский писатель 19 века, русский полководец, русский художник, советский писатель, филолог 1 (8 отказов).

Большая часть студентов этой группы на вопрос о том, кто такой Н.М. Карамзин, дала ответ *писатель (60) и русский писатель (17)*. Если прибавить к ним все единичные реакции с опорным словом *писатель (великий писатель, великий русский писатель, писатель 18 века, писатель и историк, писатель-сентименталист, российский писатель, русский писатель 19 века, советский писатель)*, то получается, что такой ответ был дан практически каждым из опрошенных (90 человек). Реакции *автор новых слов, знаменитый русский литератор, критик, реформатор русского языка, поэт, прозаик, филолог* дорисовывают портрет Н.М. Карамзина-писателя, хранящегося в языковом сознании студентов негуманитарных факультетов.

Однако в анализируемом ассоциативном поле находит отражение и другая грань личности Н.М. Карамзина: 16 ответов объединены

ключевым словом *историк* (12 реакций *историк*, 3 реакции *русский историк* и единичная реакция *российский историк*).

Конечно, встретились и курьезные реакции. Во-первых, 5 человек полагают, что Н.М. Карамзин был *революционером*. Во-вторых, любопытны единичные реакции *советский писатель*, *герой Достоевского* (очевидно, Карамазов), *музыкант*, *русский полководец*, *русский художник* (вероятно, Крамской). В-третьих, отдельную группу реакций (к счастью, единичных) составляют крайне эмоциональное *кто?!* и орфографический шедевр *безпонятий!*

Связанные с именем Н.М. Карамзина ассоциации, полученные в результате опроса этой группы студентов, образуют следующее поле:

КАРАМЗИН: *«Бедная Лиза» 20; книга «Бедная Лиза» 13; «История Государства Российского» 4; история России 3; буква Е, книги, сентиментализм, сказки 2; автор произведения «Бедная Лиза», автор произведения «История Государства Российского»; ассоциаций нет, с творчеством знаком мало; Бедная Лиза, «Горе от ума», дебаты и дискуссии, денежная реформа, заставляли читать в школе, история, крестьяне, крестьянство, литра, написал «Бедную Лизу», «Наталья, боярская дочь», не знаком, «Недоросль», «Недоросоль», недросль, «Остров Борнгольм», писал «Историю Государства Российского», поэмы, «Путешествие из Петербурга в Москву», русский, Санкт-Петербург, стихотворения, уроки литературы, честно нет ассоциаций, чтение, что-то в ЕГЭ встречалось вроде, что-то писал, школа, школьное время 1.*

Ядро выявленного фрагмента языкового сознания формируют ассоциации, отсылающие к известной всем еще со школьной скамьи повести Н.М. Карамзина *«Бедная Лиза»*: *«Бедная Лиза» (20)*, книга *«бедная Лиза» (13)*, а также единичные реакции *Бедная Лиза*, *написал «Бедную Лизу»*, *автор произведения «Бедная Лиза»*. Таким образом, о «Бедной Лизе» вспомнили 36 респондентов, т.е. каждый третий.

В околядерное пространство входят также такие ассоциации, как *«История Государства Российского» (4)* и *история России (3)*, которые перекликаются с единичными реакциями *автор «Истории Государства Российского»*, *писал «Историю Государства Российского»* и *история, крестьянство, крестьяне*.

Интересно в языковом сознании студентов негуманитарных факультетов раскрываются литературоведческие термины, связанные с

особенностями произведений Н.М. Карамзина: *книги (2)*, *сентиментализм (2)*, *сказки (2)*, *поэмы, стихотворения*.

Какие же это произведения, кроме уже упомянутой повести «Бедная Лиза» и многотомного труда «История Государства Российского»? Трое из опрошенных полагают, что Н.М. Карамзин является автором пьесы «Горе от ума», еще трое считают, что он написал пьесу «Недоросль». Правда, последние трое студентов название этой пьесы написали по-разному, подарив нам, кроме хорошо знакомого всем классического написания, такие орфографические варианты, как «Недоросль» и *неДросоль*. Еще один респондент ассоциативно соотносит имя Н.М. Карамзина с «Путешествием из Петербурга в Москву».

Отметим, что в пределах анализируемого поля проявились единичные ассоциации, связанные со школьной жизнью: *заставляли читать в школе, литра, уроки литературы, что-то в ЕГЭ встречалось вроде, школа, школьное время*.

В некоторых случаях отдельными респондентами очень необычно оформлялся отказ приводить какие-либо ассоциации: *честно нет ассоциаций, не знаком; ассоциаций нет, с творчеством не знаком*. На фоне таких реакций-объяснений особо приятно было встретить выходящие за рамки школьного образовательного минимума реакции *«Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», буква Е*.

Студенты филологического факультета

Какие ассоциации связаны с именем Н.М. Карамзина в языковом сознании студентов-филологов? Рассмотрим результаты направленного эксперимента:

КАРАМЗИН: *писатель 40; русский писатель 27; историк 17; русский писатель 18 века 4; писатель 18 века, русский поэт 3; достояние русской литературы, друг Пушкина, известный русский писатель, историк-философ, историограф, классик русской литературы, критик, литератор, научный деятель, открыватель русского сентиментализма, педагог, писатель-сентименталист, писатель и историк, реформатор, русский историк и писатель-сентименталист, русский писатель и историк, ученый, философ 1(2 отказа).*

В сознании современных студентов Карамзин прежде всего является писателем, что доказывают 80 реакций: *писатель 40, русский*

писатель 27, русский писатель 18 века 4, писатель 18 века 3, русский поэт 3, известный русский писатель, литератор, писатель-сентименталист. О Карамзине-историке говорит 21 реакция: историк 17, историк-философ, писатель и историк, русский историк и писатель-сентименталист, русский писатель и историк.

Пожалуй, именно в этом ассоциативном поле мы видим максимально широкий круг реакций, отражающих действительный масштаб личности Н.М. Карамзина: студенты-филологи называют его *писателем, историком, поэтом, историком-философом, историографом, критиком, литератором, научным деятелем, педагогом, реформатором, ученым, философом*. Отдельного внимания заслуживают три единичные реакции, которые очень точно характеризуют место и роль Н.М. Карамзина в истории литературы: *достояние русской литературы, классик русской литературы, открыватель русского сентиментализма*.

Отдельно нами был проведен опрос среди студентов-филологов 2 курса, которые в рамках вузовского образования уже ознакомились с творчеством Н.М. Карамзина. Вот то ассоциативное поле, которое было получено в результате свободного ассоциативного эксперимента:

КАРАМЗИН: *«Бедная Лиза» 28; «История Государства Российского» 23; литература, сентиментализм 10; история 8; книга 6; история России, классик, конспекты, Россия, русская литература, XVIII век 3; Лиза, «Наталья, боярская дочь» 2; Александро-Невская лавра, анализ текста, боялась не сдать, был в ополчении, в каком-то смысле НАЧАЛО НАЧАЛ, в шаге от литературного языка, ВЕЛИКОЕ, «Вестник Европы», Гончарова, длинные произведения, дом в Царском Селе, его последователи, Е, задание, задание на дом, зачет, карамзинисты, карета, классицизм, лес, литературное поле, литературный язык, много путешествовал, много слез, много чувств, наука, о Европе, общество, образование, Ольга Михайловна, пара, парик, первый историк и последний летописец, переводил Шекспира, повесть, почетный академик, простудился на Сенатской и вскоре умер, риторика, розовый цвет, романтизм, русский язык, руслит, сентименталист, Симбирск, сырая земля, теория сентиментализма, толстые книги, том, Тropicин, ученый муж, Шведова, школа, экзамен, эпоха Просвещения 1(8 отказов).*

Ядро данного ассоциативного поля образуют реакции «Бедная Лиза» (28) и «История Государства Российского» (23). Околоядерная

зона формируется ассоциациями, связанными с микротемой «история»: *история 8, история России 3, XVIII век 3.*

Отметим, что количество реакций «Бедная Лиза» приблизительно одинаково у студентов-филологов (28) и у студентов негуманитарных факультетов (20), чего нельзя сказать о реакции «Истории Государства Российского»: у студентов-филологов она встречается 23 раза, а у студентов других факультетов – только 4.

Интересны единичные реакции студентов-филологов, поскольку пунктирно передают основные этапы жизни и творчества Н.М. Карамзина: рождение (*Симбирск*) и смерть (*простудился на Сенатской и вскоре умер, Александро-Невская лавра*), его труды (*«Наталья, дочь боярская» 2, «Вестник Европы», о Европе, переводил Шекспира*), масштаб его деятельности (*в шаге от литературного языка, его последователи, карамзинисты, почетный академик, ученый муж*), слова А.С. Пушкина об этом великом человеке (*первый историк и последний летописец*), некоторые запомнившиеся факты биографии (*был в ополчении, дом в Царском Селе*) и даже портрет Н.М. Карамзина кисти известного художника (*Тropicин*). Наконец, выделяется (не только потому, что максимально видна на уровне графики) отдельная группа ассоциаций, которая не требует дополнительного комментария: *ВЕЛИКОЕ и в каком-то смысле НАЧАЛО НАЧАЛ*.

Отличает это ассоциативное поле от уже рассмотренных полей и то, что группа реакций, раскрывающая суровые будни учебы, отражает период как школьной, так и (что закономерно) студенческой жизни: *конспекты 3, анализ текста, боялась не сдать, Гончарова, задание, задание на дом, зачет, Ольга Михайловна, пара, руслит, Шведова, школа, экзамен 1*. Чтобы избежать двусмысленности понимания некоторых ассоциаций, отметим, что Ольга Михайловна Гончарова и Светлана Олеговна Шведова являются преподавателями филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, читающими курс русской литературы.

Таким образом, осуществленное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Ядерная часть полученных в ходе проведенных экспериментов ассоциативных полей вне зависимости от профиля обучения студентов (гуманитарного или технического) практически совпадает и позволяет увидеть то общее «знание», которое объединяет представителей одного культурного пространства: Н.М. Карамзин вос-

принимается современной молодежью прежде всего как *писатель*, а наиболее частотной ассоциацией, связанной с его именем, является, конечно, «*Бедная Лиза*».

2. Разница между студентами негуманитарных факультетов и студентами-филологами максимально полно проявляется в пределах именно единичных ассоциаций, изучение которых способствует выявлению «ассоциативных обертонов», свойственных той или иной группе молодых людей.

Г. А. Жуковская
Санкт-Петербург

От поступков к характеристике героя (на материале повести Н.М. Карамзина «Моя исповедь»)

Николай Михайлович Карамзин прежде всего известен просвещенному читателю как историограф, создавший многотомный труд «История государства российского». Однако немалый вклад внес он в литературу, написав множество сказок, стихов, поэм, повестей. Порой историки и литературоведы оценивают его односторонне, хотя Н. М. Карамзин был многогранной личностью.

Повесть «Моя исповедь», написанная Карамзиным в 1802 году и малоизвестная читателю, неоднозначно трактовалась как его современниками, так и потомками вплоть до наших дней. Очень часто она рассматривается как выражение иронического и сатирического отношения к пустой жизни богатого барича и к дворянскому образу воспитания [Погодин 1866]. Такой же точки зрения придерживается Ф. З. Канунова, которая пишет: «Это — почти единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы и затаптывается в грязь высокое назначение человека. Нам кажется, что «Мою исповедь» нужно рассматривать в ряду многочисленных материалов «Вестника Европы» об образовании, о воспитании гражданского, патриотического долга, об обязанностях дворянина и т. д.» [Канунова 1966: 287].

Существенные литературоведческие исследования были проведены Ю. М. Лотманом, который рассматривал данную повесть как

значительный этап в эволюции писательского мышления и мастерства: «Повесть Карамзина направлена и против “Эмиля”, и против “Исповеди” Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а следовательно, внутренней значительности человеческой личности» [Лотман 1961: 31–32].

Это своеобразное письмо к издателю журнала «Вестник Европы» до сих пор вызывает исследовательский интерес. Исповедь начинается словом так и заканчивается им же: «*Более сорока лет живу на свете и никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих. Великое слово «так» было всегда моим девизом*» — «*Я совершил свое предопределение и, подобно страннику, который, стоя на высоте, с удовольствием обнимает взором пройденные им места, радостно вспоминаю, что было со мною, и говорю себе: так я жил!*»

Что и какими средствами пытался передать читателю Н. М. Карамзин с помощью слова *так*? С точки зрения современного русского языка это слово имеет различные значения, реализующиеся в словосочетаниях и в контексте в целом. Большой толковый словарь предлагает несколько вариантов значений слова *так*. Однако, на наш взгляд, в контексте повести «Моя исповедь» отражаются следующие значения, характеризующиеся с помощью различных семантических групп глаголов глагольных словосочетаний:

I. Местоим. нареч.: 1. Именно таким образом, не как-нибудь иначе; 2. В таком состоянии, положении, виде и т.п., как есть. 3. *Разг.* Без особенной причины, надобности, без определенной цели, намерения. 4. В такой степени, до такой степени, настолько. 5. *Разг.* Без последствий, безрезультатно. 6. Без особых усилий. **II. частица.** 1. Ничего особенного, о чем стоило бы говорить. 2. Следовательно, значит, стало быть. 3. Употр. для подчеркивания, выделения при противопоставлении, сопоставлении. **III. союз.** 2. Употр. при противопоставлении; но, однако [Большой толковый словарь].

Все указанные выше значения реализуются автором в повести и являются основанием для той или иной характеристики личности героя, совершающего какие-либо поступки и действия.

С помощью каких же семантических групп глаголов характеризуется граф NN как личность? И современники Н. М. Карамзина, и сегодняшние литературоведы неоднозначно оценивают героя.

В повести можно выделить две семантические группы глаголов, характеризующие действия: 1) героя шутника, повесы, тирана; 2) ге-

роя себялюбца, эгоцентриста. В целом, автор дает следующую оценку графу устами самого героя: «*О характере моем говорили ужасы*». Первая семантическая группа употребляемых в тексте глаголов свидетельствует о том, что герой мог (в противовес окружающим) намеренно выбрать амплуа скучающего отрицателя существующих критериев и жизненных устоев своего времени или просто веселого, беззаботного, ни о чем не думающего при совершении различных поступков молодого человека. Такая характеристика графа автором повести дается посредством глаголов и глагольных словосочетаний: *делал всякие проказы, заставлял плакать, зевал, слушал равнодушно, слушал холодно, представил карикатуру, заставил всех смеяться, ссорил приятельниц, слезы веселили меня, вздумалось столкнуть с лестницы гофмейстера, укусил ногу папы, нарочно ронял на землю (дам), стрелял бумажными шариками, играл роль беспечною,, выгонял дворника, пил так усердно с британцами, спешил уверить ее (Эмилию) в своей чувствительности, удалось разорить женщин, не омрачился раскаянием, хотел повторить все дела свои*. Глаголы, вступая в синтагматические отношения с другими единицами языка, приобретают целостное значение тех действий, с помощью которых герой характеризуется как не вполне уравновешенная личность, то есть, с одной стороны, как шутник и повеса, а с другой – как тиран, но беззлобный, забавляющийся.

Другая группа глаголов и глагольных словосочетаний при реализации в контексте дает возможность посмотреть на героя еще с одной стороны, не только как на шутника и тирана, но и как на эгоиста или даже эгоцентриста: *делал всякие проказы – и не был сечен, занимал деньги, пришла мысль жениться, сделался ростовщиком, сносил все равнодушно, спешил поразить умы, удивлял своею философиею, наделал много шума, летел к женщине, друзьям (когда разорился), хотел громкой славой, сравнивал себя с ловеласами, покоился на лаврах*.

Шум вокруг себя, самолюбование – философия жизни скучающего героя, поскольку он не находит стоящего дела, которое бы захватило его и где бы он смог реализовать свою энергию и знания (а он образован) по-настоящему. «*С одной стороны, искусство нравиться, с другой – искусство притворяться и самого себя обманывать не дают засыпать сердцу*», – так характеризует свою жизнь граф NN.

Герой «Моей исповеди» значительно отличается от многочисленных персонажей других произведений Н. М. Карамзина.

По прочтении повести создается впечатление, что герою скучно, что он умнее, чем думают окружающие, что он не может найти себя (хотя и не ищет). Невольно встает вопрос: а не прототип ли это Печорина или Онегина? Подводя итоги реализации в тексте значения великого слова так, можно отметить, что это 1) и совершение поступков без особой причины или надобности, 2) и действия без особых усилий, 3) и без каких-либо серьезных последствий, 4) и действия, поступки, о которых не следовало бы говорить, 5) и противопоставление себя окружающим.

Литература

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов / [Электронная версия].

Канунова Ф. З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // XVIII век. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. – М.; Л., 1966. С. 286–290.

Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х годов. // Ученые записки ТГУ. – Вып. 104. Труды по русской и славянской филологии, IV, 1961. – С. 3–57.

Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. – Ч. I, М., 1866.

С. Ю. Данилов
Екатеринбург

Образ автора литературного письма (аксиологические заметки)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиция и динамика»)

«Авторы помогают согражданам лучше мыслить и говорить» [Карамзин 1964 (1802): 187]. Сформулированный Н. М. Карамзиным принцип поднялся над ситуацией нехватки в России образованных, знающих свет и трудолюбивых писателей. Двойственность образа автора в «Письмах русского путешественника» и масочность поведения писателя, отмеченные в работе Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского,

утверждают место писателя в фундаменте современной литературы [Лотман, Успенский 1984].

Литературное письмо и литературный дневник у Н. М. Карамзина не противопоставлены, текст послания может создаваться не один день, содержать описание перемещений и т. п. Другими словами, текст письма делится на небольшие части, удобные для чтения, внутренне целостные. Жанровое единство «Писем русского путешественника» обеспечивается, кроме всего прочего, этикетной рамкой, ключевым элементом которой является обращение к друзьям: «*Все вокруг меня спит. Я и сам было лег на постелю; но, около часа напрасно ожидав сна, решился встать, засветить свечу и написать несколько строк к вам, друзья мои!*»; «*Вчера в семь часов утра приехал я сюда, любезные друзья мои, и стал вместе с своим спутником в трактире у Шенка*»; «*Итак, ваш друг уже в Саксонии! — Осьмого числа отправил я к вам свой пакет из Берлина и думал еще пробыть там по крайней мере неделю; но l'hottepropose, Dieudispose*»; «*Простите, друзья мои! Ясная ночь вызывает меня из комнаты. Беру свой страннический посох — иду смотреть на засыпающую природу и странствовать глазами по звездному небу*». Приведенные примеры свидетельствуют о варьированности этикетной рамки, что позволяет преодолеть потенциально опасную «холодную вежливость» и подчеркивает ключевую для русской культуры ценность неформального общения с близкими по духу, общности интересов (ср. персональность [Дементьев 2013]).

Этикетная рамка в «Письмах...» не оторвана от содержания письма, во-первых, по категории тональности: «*Что принадлежит до моего сердца... благодаря судьбе! оно стало повеселее. То думаю о вас, моих милых, — но не с такою уже горестию, как прежде, — то даю волю глазам своим бродить по лугам и полям, ничего не думая; то воображаю себе будущее, и почти всегда в приятных видах. — Простите! Будьте здоровы, спокойны и воображайте себе странствующего друга вашего рыцарем веселого образа!*»; во-вторых, тематически: «*Мы затракали — постиллион хлопает бичом — простите — простите до Парижа!*».

В современной России жанр литературного письма развивается в том числе в ключе находок Н. М. Карамзина. Яркие примеры дает «Вечерняя Медуза» — самая короткая, по заявлению авторов, газета. Выпуски «Вечерней Медузы» приходят подписчикам на электронную почту по будням, имеют в теме письма характерный для публицисти-

ческого текста заголовок, отсылающий к «новости или событию дня»: «*Вечерняя Медуза*». 16 сентября. Мы достигли дна; «*Вечерняя Медуза*». 23 сентября. Похмелье после выборов; «*Вечерняя Медуза*». 26 сентября. Бастрыкин подал в отставку. Или нет. В экстренных случаях выходят «*Ночная Медуза*» и «*Дневная Медуза*». Электронное сообщение состоит из дополнительного, более объемного, заголовка (26 сентября. *Отставка Шреддингера и другие противоречивые новости*), коротких новостных блоков с гиперссылками на полные тексты и дополнительные материалы. Этикетная рамка задается автоироничной подписью, в которой стандарт и экспрессия по тональности и теме поддерживают целостность послания (в скобках — заголовок последней новостной заметки материала. — С. Д.): (Скорее забыть, чем вспомнить) *Ваша незлопамятная редакция; (Урок шестой: география) Ваша школьная редакция; (Напоследок об экономике) Ваша запасливая редакция; (Поехали!) Ваша просто космос, а не редакция; (И напоследок) Ваша гендерно разнообразная редакция; (Тайна №6) Ваша таинственная редакция*. На общем фоне нейтральным и повторяющимся выглядит блок *Ваша дорогая редакция*. Присутствующий в нем элемент похвалы может восприниматься и негативно, но использован, скорее, как сигнал автоиронии, противостоящей «холодной вежливости».

Искренность, человечность и подчеркнутая соотнесенность автора и адресата послания проявляются и в стандартных для СМИ (обычно строго формальных) жанрах:

*«Дневная Медуза» Ошибка! И извинения
Нехорошо вышло*

Друзья, в «Дневной Медузе», которая была только что отправлена, оказалась ошибка. По какой-то неведомой причине мы записали Дмитрия Гудкова в число тех, кто попал в новый парламент. Это не так. Дмитрия Гудкова в Госдуме не будет.

*Простите, это какое-то наваждение после бессонной ночи.
Ваша извиняющаяся редакция*

Названные черты работают на единство образа автора, актуализируют персональность как важнейшую коммуникативную ценность русского общения, то есть издатели «Вечерней Медузы» в условиях электронной коммуникации следуют вектору, заданному Н. М. Карамзиным.

Литература

- Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. – М., 2013.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л., 1984.
- Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. В 2-х. томах. Т. 2. – М., Л., 1964. – С. 183–187.
- Лотман Ю. М. Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л., 1984. – С. 525–606.

С. Л. Михеева
Чебоксары

Оценочное поле художественного текста

Художественный текст открывает перед словом возможности для проявления самых разнообразных его свойств – начиная от реализации заложенных в слове лексических и грамматических компонентов семантики и заканчивая формированием его потенциала, что также касается развития лексического значения слова, приращения его смысла, и развития его морфологии. Наиболее ярко эти тенденции проявляются в области оценочных слов (или слов с оценочным значением). Категория оценки обоснованно считается одной из текстообразующих категорий [Папина 2002: 267–324]. Семантика оценки в художественном тексте является одним из маркеров присутствия наблюдателя, поскольку оценка не может существовать безотносительно к субъекту оценки, она всегда кому-то принадлежит, всегда отражает чью-либо шкалу измерений «что такое хорошо и что такое плохо». В художественном тексте создается некое оценочное поле – та часть общего смысла текста, которая является «конденсатом» оценочных представлений всех субъектов текста. Это та часть смысла текста, благодаря которой читатель получает представление о внутреннем мире героев и действующих лиц в тексте. Это то, что по-настоящему очеловечивает смысл прочитанного.

Оценочное поле художественного текста – та часть общего смысла текста, в которой воплощается субъективная реакция воспринимающего

и рефлексирующего субъекта на события и положения дел как во внешнем мире, так и в мире внутреннем, психическом. Оценочное поле может быть соотнесено с содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информацией [Гальперин 1981: 27–28]. Оно может быть репрезентировано комплексом собственно языковых средств – как с собственно оценочным значением, так и элементами со «скрытым» смыслом. Оценочное поле формируется, как и любой другой тип информации или пласт смысла в тексте, на основе такой организации внутритекстовых связей, как семантические текстовые поля. Основное средство здесь – регулярная повторяемость ключевых слов, что служит созданию единства, целостности и связности текста [Валгина 2003: 46].

Оценочное поле наиболее полно и открыто проявлено в текстах, где используется форма повествования от 1-го лица. Объективно это объясняется естественной оценочной деятельностью рефлексирующего сознания: наблюдаемый мир и происходящие в нем события, включая события и внутреннего плана, должны быть параметризованы и категоризованы, каким-либо образом объяснены. В общем-то, в этом и заключается суть оценочной деятельности человека – в стремлении по возможности наиболее конкретно и точно описать, охарактеризовать явление, предмет, событие и т.п., подводя объект оценки под какие-либо эталоны.

Бытующие в художественной словесности традиционные формы и жанры повествования от 1-го лица, разработанные и получившие распространение в пору становления и расцвета сентиментализма, позволяют автору изобразить изнутри сам процесс оценивания, процесс формирования оценки, рефлексию говорящего в ходе оценочной деятельности. Наблюдать это можно практически во всех жанрах, соотносимых с повествованием от 1-го лица – это и дневник, и эпистолярный жанр, послание, путевые заметки.

«Записки русского путешественника» Н. М. Карамзина изобилуют оценочными суждениями, которые касаются самых разнообразных сторон жизни, впечатливших наблюдателя-путешественника. В авторском вступлении к произведению есть пояснение, настраивающее читателя на восприятие и понимание текста: *Пестрота, неровность в слоге есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного русского путешественника: он сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, – и*

описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутах, карандашом.

Путевые заметки, как уже было отмечено, изобилуют оценочными суждениями, касающимися буквально всего: это и оценка местности, через которую проезжает наш герой (*Я рад, что из Мемеля не согласился ехать водою. Места, через которые мы проезжали, очень приятны. То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то маленькие рощицы и кусты, как будто бы в искусственной симметрии расположенные, представлялись глазам нашим*); оценка его собственного внутреннего состояния – перемены в настроении, мысли, возникающие под впечатлением каких-либо событий в пути (*Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое*); оценка людей, их поведения, часто соотносимые с национальностью человека (*Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл свое горе. Хозяин, пожилой человек, у которого добродушие на лице написано, с видом искреннего участия расспрашивал меня о моем путешествии*).

Примечателен следующий фрагмент, где рассказчик сообщает о «запуске» процесса оценивания: *Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, произвела в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне на глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал такую радость, какой со времени нашей разлуки, милье! еще не чувствовал. Скоро открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен! <...> Что принадлежит до города, то он велик, но нехорош. Дома почти все маленькие и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садов и пустырей много. Объектом внимания становятся внешние ориентиры – город, его вид, детали. Оценивая все это, человек естественно соотносит признаки и свойства со своими представлениями о нормах и эталонах. Особенно значимыми оказываются оценки, которые, как уже говорилось, затрагивают национальность: *Между тем вышли на берег два немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить русский народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», – отвечали они. «А когда так, государи**

мои, – сказал я, – то вы не можете судить о русских, побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками.

Подобные тексты, как правило, насыщены самыми разнообразными средствами выражения различных аспектов оценки как текстообразующей категории, среди которых преобладают прилагательные, наречия и слова категории состояния с качественно-характеризующим значением: *Выехав из Митавы, увидел я приятнейшие места. Сия земля гораздо лучше Лифляндии, которую не жаль проехать зажмурясь. <...> Отъехав пять миль, остановились мы ночевать в корчме. Двор хорошо покрыт; комнаты довольно чисты, и в каждой готова постель для путешественников. Вечер приятен.*

Тот оценочный ключ, который задается в начальных фразах произведения или его фрагмента, втягивает в поле своего действия последующую информацию, когда прочтение и интерпретация текста или его части оказывается обусловленными, predeterminedными именно заданной оценкой. Приведем более объемный фрагмент из текста Н.М. Карамзина, где выделены слова и выражения, формирующие оценочное поле со знаком «минус»: *Вчера, любезнейшие друзья мои, приехал я в Ригу и остановился в «Hotel de Petersbourg». Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вам известна: надлежало еще идти сильным дождям; надлежало, чтобы я вздумал, к несчастью, ехать из Петербурга на перекладных и нигде не находил хороших кибиток. Все меня сердило. Везде, казалось, брали с меня лишнее; на каждой перемене держали слишком долго. Но нигде не было мне так горько, как в Нарве. Я приехал туда весь мокрый, весь в грязи; насилу мог найти купить две рогожи, чтобы сколько-нибудь закрыться от дождя, и заплатил за них по крайней мере как за две кожи. Кибитку дали мне негодную, лошадей скверных. Лишь только отъехали с полверсты, переломилась ось: кибитка упала в грязь, я с нею. Илья мой поехал с ящиком назад за осью, а бедный ваш друг остался на сильном дожде. Этого еще мало: пришел какой-то полицейский и начал шуметь, что кибитка моя стояла среди дороги. «Спрячь ее в карман!» – сказал я с притворным равнодушием и завернулся в плащ. Бог знает, каково мне было в эту минуту! Все приятные мысли о путешествии затмили в душе моей.*

Вся информация, заключенная между предложениями *Дорога меня измучила* и *Все приятные мысли о путешествии затмили в душе моей*, с одной стороны, подчинена представлению единой микротемы фрагмента – темы осенней непогоды; с другой стороны, на глазах читателя разворачивается процесс оценочной деятельности субъекта, связанной с его восприятием погодных условий и неприятностей, возникших в связи с этим.

Оценочное поле текста опирается на шкалу измерений отдельного субъекта, и она может быть сугубо индивидуальной. В то же время эта шкала может быть стандартизирована, в этом случае формируемое на ее основе оценочное поле приобретает стабильность, предсказуемость. Например, оценку осени как грустного, не слишком приятного времени года, особенно если осень дождливая и холодная, наблюдаем в текстах самых разных авторов. Для сравнения можно обратиться к рассказам «Прощание с летом» К. Г. Паустовского и «Полотенце с петухом» М. А. Булгакова из цикла «Записки юного врача». Нужно добавить, что в названных произведениях также используется форма повествования от 1-го лица.

Оценочное поле художественного текста, таким образом, – это вариант репрезентации оценочной деятельности человека средствами художественной словесности. Оно является неотъемлемой (иногда самой важной) частью общего смысла текста, без которой невозможно представить воплощение художественного образа.

Литература

Валгина Н. С. Теория текста. – М., 2003.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. – М., 2002.

Ю. О. Кальниченко
Санкт-Петербург

Споры о стиле Карамзина: Лотман vs Набоков

Творчество Николая Михайловича Карамзина – реформатора и создателя новой системы литературного синтаксиса в противовес старым формам книжного синтаксиса литературной традиции XVIII в. –

оказало большое влияние не только на ближайших последователей писателя (Жуковского, Батюшкова, а также Пушкина), но и на авторов XX века (Акунин).

Интересно было бы в этой связи сопоставить мнение двух выдающихся личностей XX века, по-разному оценивающих стиль Карамзина и его вклад в реформирование русского синтаксиса, – В. В. Набокова и Ю. М. Лотмана.

Сложное, неоднозначное восприятие Набоковым литературы XIX в. прослеживается как в художественных произведениях писателя, так и в его эссе, «Лекциях по русской литературе», где Набоков дает подчас весьма субъективные оценки творчеству писателей, резонирует на все особенности их стиля. Гоголь, Чехов, Толстой входят в список авторов, шедевры и творчество которых писатель принимает, других – Достоевского и Горького – он открыто критикует, у третьих (Тургенева) отмечает достоинства наряду с недостатками, которые не позволяют называть их произведения шедеврами. Отдельно от всех стоит Пушкин, чье влияние на развитие русской литературы несравнимо ни с кем другим. Для оценки набоковского подхода к Карамзину, имя которого в «Лекциях по русской литературе» не упоминается ни разу, стоит сказать несколько слов об отношении Набокова к стилю Александра Сергеевича Пушкина.

Творческим ориентиром для писателя и героев его произведений служит «чистейший камертон Пушкина». Герой Набокова Годунов-Чердынцев «вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона – и уже знал, что именно этот звук от него требует» [Набоков 1990]. Свой жизненный ритм герой романа «Дар» сверяет с ритмом пушкинской эпохи, в его окружении присутствуют персонажи пушкинских произведений. Но «звуки творчества» Карамзина не слышны для Набокова.

Влияние Пушкина обнаруживается во всем творчестве Набокова: от стихотворений-подражаний до «кабинетного подвига» – перевода «Евгения Онегина» на английский язык с обширным комментарием. И именно в комментариях к роману мы встречаем оценку Набоковым стиля Карамзина.

Так, говоря о «поистине замечательном реформировании русского литературного языка» [Набоков 1999], Набоков высоко оценивает легкий карамзинский синтаксис – его отказ от инверсий, тяжеловесных конструкций и чудовищных союзов.

Отмечая его «французскую ясность изложения», возможную после избавления от устаревших церковнославянских формул и архаических немецких конструкций, стилист Набоков тем не менее беспристрастен и субъективен в своих суждениях. Хотя он и считает стихотворения Карамзина очаровательными и изящными, проза Карамзина, на его взгляд, является «чопорной и бесцветной» [Набоков 1999]. В этой связи Набоков спорит с современниками, опровергая точку зрения о Карамзине как о русском Стерне: «быта русского хранитель», на его взгляд, не обладает насыщенным, чувственным и фантастическим стилем английского поэта в прозе.

В отличие от Набокова, не занимавшегося специальным изучением творчества Карамзина, Ю. М. Лотман (отметим, также автор подробного комментария к роману «Евгений Онегин») посвятил Карамзину многие годы своей творческой жизни. Поэтому оценка стиля Карамзина, его вклада в литературу, в реформирование литературного синтаксиса дана Лотманом в другом ключе – общей оценки его личности. Как полагает Лотман, Карамзин, «всю жизнь выковывывавший себя», завещал русской культуре не только свои произведения и не только созданный им новый литературный язык – «он завещал ей свой образ, свой человеческий облик, без которого в литературе пушкинской эпохи зияла бы ничем не заполнимая пустота» [Лотман 1987]. По определению Б. Ф. Егорова, Лотман создал биографию души, сосредоточив внимание на духовной эволюции Карамзина, становлении его личности, «самосотворении» [Егоров 1987: 8].

И Набоков, и Лотман отмечают важную роль Карамзина в истории русской культуры, значимость его исторических концепций. Жизненный и творческий путь Карамзина, по мнению обоих авторов, вписан в русскую и европейскую историю, в атмосферу общественной жизни конца XVIII – начала XIX в. Это была «школа, без которой человек пушкинской эпохи, бесспорно, не стал бы тем, чем он сделался для истории России» [Лотман 1987].

Говоря о творчестве Карамзина, и Лотман, и Набоков вспоминают имя известного русского поэта и баснописца Ивана Андреевича Крылова. «Самые спокойные русские писатели» Крылов и Карамзин, по мнению Лотмана, являются антиподами друг друга [Лотман 1987]. Однако как «простодушные» одного, так и «нежность» другого обращены в произведениях широкому читателю.

Категоричный в своих взглядах Набоков отмечает, что не Карамзин, а именно Крылов (и вслед за ним Грибоедов) первым превратил разговорный, «приземленный русский язык в литературный, окончательно утвердив его в поэтических образах», возникших после карамзинской реформы [Набоков 1999].

«Реформатор языка и Колумб русской истории» Карамзин, по мнению Лотмана, создает в русской культуре образ не только писателя и человека, но и что не менее важно – русского читателя. Введенный Карамзиным язык, как отмечает Набоков, «распахнул французские застекленные двери и через них хлынул здоровый воздух деревенской России» [Лотман 1987].

Все это подтверждает, что и личность Н.М.Карамзина, вклад в русскую культуру и сам его стиль до сих пор остаются актуальной научной проблемой.

Литература

Егоров Б. Ф. Биография души. Предисловие // Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М., 1987. – С. 7–10.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М., 1987. Электронный ресурс: <http://www.libros.am/book/read/id/305515/slug/sotvorenie-karamzina>

Набоков В. В. Дар. – М, 1990. Электронный ресурс: <http://litbook.net/book/43410/dar/>

Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. – СПб, 1999. Электронный ресурс: http://www.libtxt.ru/chitat/nabokov_vladimir/39254-kommentariy_k_romanu_evgeniy_onegin/104.html

Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – М., 1977

II. Динамические процессы в языке, речи и тексте

В. А. Белов
Череповец

Синонимы в словаре и речи (на примере синонимов к слову *ошибка*)

Современный лингвистический корпус открывает доступ к большому количеству высказываний, позволяющих установить, является ли общность значений синонимов случайной, ситуативной или постоянной, языковой.

Целью исследования является изучение механизма, используя который слова могут быть признаны синонимами. Гипотеза состоит в том, что синонимичность единиц устанавливается путем сравнения обозначаемых высказыванием ситуаций.

Методика исследования заключалась в том, что первоначально с помощью психолингвистического эксперимента (в ходе которого 116 испытуемых подбирали синонимы к словам-стимулам) был определен круг потенциальных синонимов, далее использовались корпусные данные для установления их синонимичности.

Ранее корпусный анализ синонимов, как правило, касался разбора их сочетаемости, что позволяет установить особенности значения единиц [Stubbs 2001; Лауфер 2008; Андреева 2011; Позднякова, Суворина 2014]. Однако возможности корпусного исследования синонимии значительно шире, и они могут быть связаны, во-первых, с установлением частотности единиц и случаев их употребления в одном контексте. При этом слова могут сближаться в контексте, или, напротив, противо-

поставляться. Во-вторых, с установлением типичных сочетаний, где лексемы реализуют свое значение. В-третьих, с реализацией того или иного значения многозначного слова или омонима.

Проведем анализ синонимических отношений на примере синонимического ряда (СР) с доминантой *ошибка*, который представлен во всех синонимических словарях, кроме «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». В МАС *ошибка* толкуется как неправильность в работе, вычислении, написании или неправильное действие.

Обычный состав СР – синонимы *ошибка, погрешность, оплошность, промах*. По результатам эксперимента, потенциальными синонимами стали *неудача, пометка, недочет, косяк, опечатка*. Далее на примере слов *пометка, недочет* и *косяк* рассмотрим, могут ли эти слова стать системными «постоянными» синонимами.

Ошибка – пометка

Эта пара синонимов не встречается в словарях синонимов, хотя она присутствует в результатах эксперимента по подбору синонимов.

В МАС слово *пометка* толкуется как исправление от руки в тексте и недостаток или *ошибка*. В корпусе первое и второе значения распределены примерно одинаково. Первое значение чаще реализуется в сочетаниях типа *(на)писать + пометка* и связывается с процессом письма: *Все прежние мои рассказы, которые вы читали, написаны без пометок* [НКРЯ].

Второе значение реализуется в свободных сочетаниях, в ситуациях, которые не предполагают письменной деятельности. Например, в предложении *Допустив пометку в самом начале, дальше Алина элементы делала медленно* [НКРЯ] описывается выполнение спортивных действий по гимнастике. В этом значении слово *пометка* сближается с *ошибкой*, которая толкуется, в том числе и как неправильное действие.

Кроме того, *пометка* во втором значении имеет дополнительную характеристику незначительности, которая наследуется от первого значения. Так, в высказывании *Это была не ошибка, а пометка. Я не придавал этому никакого значения, это не сбilo мой настрой* [НКРЯ] дается противопоставление синонимов: *пометка* здесь – несерьезная *ошибка*, которой субъект не придает особого значения.

В целом слово низкочастотно: 231 употребление в основном подкорпусе. Низкая частотность слова, вероятно, связана с тем, что сейчас мало пишут от руки. Скорее всего, в будущем слово все реже будет

употребляться в первом значении, второе значение, наоборот, будет развиваться. Соответственно, будут усиливаться синонимические связи со словом *ошибка*.

Анализируемые слова можно назвать синонимами: в высказываниях, которые не касаются процесса письма, слова *ошибка* и *помарка* представляют практически тождественные ситуации, хотя и имеющие некоторые отличия. В словарях синонимов эта пара не фигурирует из-за влияния первого значения слова *помарка*, которое пока доминирует в толковых словарях.

Ошибка – недочет

Слово *недочет* также не фиксируется в словарях как член СР. В МАС представлено два значения: недостаток, обнаруженный при подсчете, и погрешность, ошибка (обычно во множественном числе). Оба значения описывают схожие ситуации, предполагающие, что субъект совершает какие-то расчеты и допускает при этом некоторые ошибки. Второе значение описывает ситуацию с редукцией компонента *совершать расчеты*.

В обоих значениях *недочет* близок к *ошибке*, которая также содержит в значении семантический компонент *неправильность в вычислениях*. Второе значение, кроме того, может сохранять дополнительные характеристики (по отношению к доминанте), унаследованные от первого значения и связанные с ведением расчетов.

Слово *недочет* низкочастотно: в основном подкорпусе насчитывается всего 932 употребления, большая их часть во втором значении слова.

В конкретных текстах слово часто используется для ситуаций, не предусматривающих каких-то расчетов. Например, ситуация не предполагает никаких математических действий: *Иногда мне казалось, что даже в бессознательном состоянии с легкостью смогу исправить любой недочет английской речи* [НКРЯ].

Скорее всего, в таких контекстах проявляется отличительный признак, связанный с незначительностью ошибки и возможностью ее исправить.

В контекстах слова *ошибка* и *недочет* могут выступать как синонимы, т.е. могут заменять друг друга: *Впрочем, все эти ошибки на фоне чудовищного безобразия остальной макулатуры — лишь отдельные недочеты в целом вполне добротного труд* [НКРЯ].

Таким образом, указанные слова могут быть синонимичны в тех высказываниях, где слот *совершать расчеты* не выражен или выражен

неявно; в таких контекстах слово *недочет* оказывается синонимично слову *ошибка*.

Указанные слова могут быть признаны синонимами, хотя в словарях синонимов связи между ними не установлены.

Ошибка – косяк

Жаргонное слово *косяк* в значении *ошибка* в толковых словарях (даже выпущенных в 2000–2010-х годах) отсутствует. Однако, как показывает корпус, это новое значение слова вышло за пределы жаргона и сленга, встречается в разговорной речи и даже активно используется в письменном дискурсе. Это объясняется доступностью большого количества СМИ, различных форм интернет-общения, выполняющих роль «социальных лифтов», позволяющих словам быстро переходить из жаргона в письменные тексты.

От слова *ошибка* синоним *косяк* отличают дополнительные характеристики. Слово *косяк* в силу своего жаргонного происхождения используется для усиления негативного отношения к самому субъекту и его действию: *Если слесарь или электрик регулярно допускают косяки в своей работе, их увольняют* [НКРЯ].

Итак, можно признать анализируемые слова *помарка*, *недочет*, *косяк* синонимами к слову *ошибка*, несмотря на то, что они не представлены в словарях синонимов. Синонимичными их позволяет считать общность обозначаемых ситуаций: все указанные слова можно свести к исходной ситуации, выражаемой доминантой: субъект, осуществляя некоторую деятельность, совершает неправильные действия.

Общая схема для многих синонимических отношений заключается в том, что доминанта представляет наиболее общую ситуацию, а другие синонимы делают ее конкретной. Например, за счет значения слова *недочет*, которое в узусе употребляется в значении незначительной ошибки.

В ходе анализа этого ряда также можно сделать вывод о том, что словари отстают от речи: они не включают некоторые слова-синонимы в СР, считая семантическую связь между ними недостаточно сильной.

В целом синонимические связи оказываются значительно шире, чем они представлены в словарях синонимов. Более того, данные синонимических словарей не отображают силу синонимических связей: например, слово *погрешность* представлено во всех словарях как главный синоним слова *ошибка*, но в результатах эксперимента эта реакция низкочастотна (1 реакция, 1 %). Напротив, некоторые несловарные синонимы оказываются частотными реакциями (*помарка*, *неудача*).

Литература

- Андреева Е. Г. Асимметрия лингвокультур: мораль и нравственность vs. morality // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2011». – СПб., 2011. – С. 74–79.
- Лауфер Н. И. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 6(13). – М., 2007. – С. 353–358.
- Плунгин В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 7–20.
- Позднякова Е. М., Суворина Е. В. Исследование структуры ментального лексикона: вклад компьютерно-корпусной лингвистики // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М., 2014. – С. 179–236.
- Stubbs M. Words and Phases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Blackwell Published. 2001.

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербург

О некоторых грамматических новациях русской устной речи

Повышение исследовательского интереса к анализу объемных языковых и особенно речевых корпусов, чем несомненно характеризуется современная лингвистика, приводит зачастую к своеобразному «открытию» новых, пока не описанных в лексикографических источниках, единиц, а также к осознанию того факта, что подобное описание сопряжено со значительными трудностями.

Прежде всего, такие «открытия» обнаруживаются при подходе к речевому материалу с позиций активно развивающейся в настоящее время *грамматики конструкций* [Fillmore 1988; Рахилина, Кузнецова 2010], согласно которой именно *конструкция* является основной единицей языка. Под *конструкцией* понимают при этом «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Множество таких единиц, претендующих на статус грамматических конструкций (ГК) и не попавших пока в поле зрения лексикографов, выявляет анализ материала Звукового корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) [Богданова-Бегларян и др. 2015]. Приведем здесь несколько таких грамматических новаций, которые еще только ждут своего лексикографического описания.

вроде (бы) X, sedP:

- *что-то голова так грязниться стала // знаешь / вроде в шапке ходишь // *П а все равно;*
- *представляете себе пушку? #да// #у нее ствол // *П он вроде бы мальчик // *П ствол / да? *П но у него есть дуло.*

В подобных контекстах частица *вроде (бы)* как первый компонент ГК перестает выражать приблизительность, предписываемую ей словарями, и приобретает значение противительности с ожидаемой второй частью конструкции. X и P в большинстве случаев обладают предикативными центрами и являются предложениями или даже цепочкой предложений. Примечательно, что между первой частью X и противопоставленным ей P может быть значительное расстояние, ср.:

- *они пели / слушай(:) / вот / они очень чудесные ребята // они очень прикольные постановочки ставят // вроде бы / самое смешное что *Н блин / вроде бы банальщина / а тут короче знаешь / посмотрел там / тумтумтумтум / разные костюмы / разные эмоции / по-разному на сцене прыгают / блин / уже совершенно другой спектакль короче // немножко по-другому эмоции преподнесли короче / немножко по-другому пару сценок обыграли / приходишь так смотришь / блин / прикольно.*

Семантика данной конструкции описывается в литературе как «обманутое ожидание» [Lakoff 1971], как «отклонение от нормальной картины мира» [Вольф 1986: 104], противодействие «нормальному заключению» [Урысон 2005], «ненормальное следствие» или нарушение «нормального хода событий» [Санников 2008: 248]. Частица служит дополнительным модальным средством (вместе с порядком X и P, где второй компонент всегда оценивается как более важный), усиливает и/или дополняет значение, заложенное в противительной конструкции, позволяет подчеркнуть иерархию X и P. Ближайшая синонимическая замена для *вроде* в этой функции – *казалось бы (казалось бы X, sedP)*. В устной речи обнаруживается еще целый ряд подобных конструкций:

как бы X, *sed P*; *tina X, sed P*; *якобы X, sed P* (показывают отстраненность говорящего от содержания X); *по идее X, sed P*; *в принципе X, sed P* (обозначают несоответствие плана идеального плану реального). Представляется, что данные ГК обладают определенной устойчивостью, могут быть интерпретированы как составные союзы и заслуживают отдельного лексикографического описания.

учитывая что

Конструкция *учитывая что*, не зафиксированная ни отдельно, ни в словарной статье на глагол *учесть/учитывать*, активно функционирует в устной речи в значении союза причины, синонимичного *потому что*, поскольку, так как:

- Алексей / вы извините ради бога / но / мне Максим сказал что вы еще пока здесь / в Питере // *П у меня один вопросик / буквально минутку / я думаю займет // *П у нас тут вот компьютер / который внизу у аналитиков // *П у нас сейчас просто оперативная очень работа / нам через пять дней надо группу выслать на заказ // *П вот / мы обрабатываем информацию / и он у нас конечно *Н зверски(?) тормозит // *П **вот учитывая (...)** **что (...)** Марина (...) аналитик (...) загружается(?) // что / может / ничего *Н // *П по крайней мере.
- на самом деле / я бы очень хотела себя послушать // *П я думаю / что я на работе скину (...) на компьютер // *П а потом послушаю как я говорю // # а скинь у нас тоже / *П интересно знаешь посмеяться // ну () **учитывая / что** там будут записаны / почти сутки // *П там / (...) длинно все очень // # знаешь это к кому надо? Вике в комнату // там очень интересно для исследования.

Эта ГК – лишь одна из активно функционирующего и активно пополняемого в современной устной речи класса составных лексико-грамматических единиц. Ниже приводятся еще примеры того же ряда.

В том плане что

В ходе исследования обнаружилось достаточно много употреблений этой весьма распространенной в нашей устной речи ГК, позволяющих их семантически дифференцировать:

- 1) причинный союз (синонимичен *потому что*, поскольку, так как):
 - *то есть а я (э...э) вот (э...э) то есть вот я () у нас(?) достаточно недоверчиво *Н / жестко в некоторых моментах / да вот ? там бывает там / так далее / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится /*

*намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я все равно это сделаю // *П то есть я (...) то есть я никуда не уйду / то есть я / *В может и отвечу / да ? *В как-нибудь / но потом я все равно это сделаю / то есть и так далее и так далее // вот;*

- 2) пояснительный союз (синонимичен *то есть*; здесь сочинительные отношения выражаются подчинительной конструкцией):

- *Оль / ээ... я хотел бы чуть поподробнее остановиться на том/ м-м-м...вообще как строится работа ээ...с клиентом и вы / как агентство / вообще что вы говорите клиенту / в том плане/ что ...к-какие це-цели / какие ки-ти-ай [А. Цверов, О. Старченко. ПодкастSocialMediaClub // podfm.ru, 2011] (пример из устного подкорпуса НКРЯ).*

В ряде контекстов с пояснительным значением этого союза замена его на *то есть* оказывается почти невозможной, уместнее оказывается подстановка на место *в том плане что* конструкции *я имею в виду, что*. Последнее, впрочем, только затрудняет грамматическую интерпретацию, ср.:

- *(э-э) н... (у-у) ну нет ! это я в том плане что / (э-э) хорошо / что там его тут же где-то кто-то там чего-то все-таки повязали / *П ну / наверно рядом находящиеся сообразительные мужчины.*

Специальная словарная статья на эту конструкцию в словаре русской повседневной разговорной речи может восполнить несомненную лагуну, которую выявляет анализ существующих толковых словарей литературного языка.

Единственно что

Интерес для лексико-грамматического анализа представляет также ГК *единственно что*. В ОРД встретились контексты ее употребления, в которых ее значение можно приблизительно определить как ‘хотя, разве что, не считая того что, кроме того что’:

- *ну невозможно пройти мимо белых грибов // единственно что вот мы в этот раз/ там было очень многобе... / много медведей / когда мы зашли далеко на... / на остров / и вот все в этих белых грибах;*
- *то есть я не была занята ни кастрюлями ни магазинами это единственно что южный рынок покупала для души себе что хотела.*

Видно, что перед нами еще одна составная служебная единица современной речи, требующая специальной статьи в словаре повседневной русской разговорной речи.

Q? – P – что ли?

Разновидность вопросительной ГК с частицей *что ли* представляют собой высказывания, в которых говорящий задает вопрос собеседнику, потом сам же на него отвечает и словно бы для верности переспрашивает: *так, что ли?* Получается своеобразная синтаксическая конструкция-триада <вопрос – «самоответ» – переспрос>. Вопросы при этом могут вводиться самыми разными вопросительными словами:

- *где ? в кафе что ли ?*
- *почему / двести грамм что ли ?*
- *а из чего он ? из морковки что ли ?*

Подобные конструкции-триады соседствуют в корпусном материале с теми, где, независимо от предмета вопроса, первая часть неизменна: это всегда *что*, усиливающее вопрос, о чем бы ни шла речь далее. Получается вполне устойчивая разговорная ГК *что (...)* *что ли?* Таких примеров в материале исследования чрезвычайно много:

- *а что из «Юбилейного» не дойти что ли?*
- *и что ж? сейчас по-другому что ли?*
- *а первое образование что у него / биологическое что ли?*

Формальным вариантом этой ГК можно, по-видимому, считать ту, в которой на месте первого *что* стоит разговорное *чего*:

- *так а чего / мало что ли?*
- *если вы пишете например сочинение / то вы можете (...) в диалоге в виде черточек / да? сказать / что (э) подходит один жлоб и говорит ну ты чего / чисто по жизни тут вообще торчишь что ли? ну (...) они так разговаривают / (...) но в литературной речи вы использовать это (...) не можете.*

В последнем примере говорящий прямо вербализует оценку данной ГК как разговорной: *в литературной речи вы использовать это (...) не можете.*

Еще один вариант конструкции *что/чего (...)* *что ли?* представлен в высказываниях, где вопрос к собеседнику перерождается в риторический со значением фактического отрицания того, о чем формально спрашивается, ср.:

- *чего / мне жалко что ли?* (= 'не жалко');
- *что плохо что ли в лагере вон?* (= 'не плохо');

- *сколько полноценная моделька будет стоить / в результате? # я что / помню что ли *Н* (= 'не помню').

Видно, что практически всегда в таких ситуациях говорящим «обсуждается» предикат высказывания, хотя и выраженный самыми разными средствами (*жалко/плохо, помню*).

Разновидностью конструкции *что/чего (...)* *что ли?* можно считать также ГК, где вопрос по какому-то конкретному поводу превращается в экспрессивный риторический вопрос-удивление (недоумение, возмущение), ср.:

- *что / серьезно что ли? *П # ну да / а что ты мне глупые вопросы задаешь ?*
- *ты чего / слегка ошалел что ли?*
- *ну как так? ну е-мое / ну что / дебилы что ли?*

Подобные риторические вопросы, включающие в свой состав *что ли*, возможны и без начального *что/чего*:

- *ты вообще офигел что ли? я только пришла на смену и я сломала;*
- *о да // все расписал // # дурак что ли? # вообще идиотизм;*
- *или уходи отсюда / нечего здесь устраивать истерик бабских // *П совсем уже что ли? # *Н свою тупую.*

Подобные коллокации очень распространены в нашей разговорной речи, особенно такие как *серьезно что ли?*, *с ума сошел что ли?* и ГК с контактными глаголами: *не знаешь что ли?*, *не видишь что ли?* и под.

Список подобных грамматических новаций, выявленных при анализе устной речи, можно продолжать, но и приведенных примеров достаточно, чтобы поставить задачу создания как грамматики, так и специальных словарей русской устной повседневной речи, в которых найдут описание все подобные единицы.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 357–372.

Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–106.

- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. – М., 2010. – С. 18–82.
- Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М., 2008.
- Урысон Е. В. Союз но, или что такое «обманутое ожидание»? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М., 2005. – С. 469–481.
- Fillmore, Ch. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language, Vol. 64. – № 3, 1988. – Pp. 501–538.
- Lakoff, R. If's, and's and but's about Conjunction // Studies in Linguistic Semantics. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – Pp. 114–149.

Р. И. Воронцов
Санкт-Петербург

К вопросу о типологии ономастических словарей: современные тенденции

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-04-00318
«Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»

Ономастические словари представляют весьма обширный пласт в составе отечественной лексикографии. По данным В. А. Козырева и В. Д. Черняк, по состоянию на 2015 год именам собственным (ИС) было посвящено более 10% всех словарей русского языка: 373 издания из почти 3000 словарей, описанных учеными [Козырев, Черняк 2015: 322–351]. В это число входят разнообразные издания, отличающиеся друг от друга и по предмету описания (антропонимы, топонимы и т. д.), и по аспекту описания (исторические, этимологические, грамматические и т. д.).

Среди русских ономастических словарей находим довольно много изданий, вышедших недавно, уже в XXI веке (более 50 %), что говорит о востребованности данного словарного типа и его активном развитии. Одним из факторов такого положения дел является то, что ономастические словари способны удовлетворять интеллектуальные и практические потребности различных адресатов: от узкого специалиста-филолога до самого широкого круга читателей.

В известной книге В. Э. Сталтмане «Ономастическая лексикография» [1989], обобщившей огромный опыт лексикографирования ИС, утверждается, что для описания ономастики необходимы «словари, ох-

ватывающие, с одной стороны, все возможные разряды онимов, с другой, лексикографирующие каждый класс онимов в разных аспектах» [Сталтмане 1989: 16]. Добавим к этому и третий тезис: для того чтобы отвечать требованиям современного общества, словари ИС должны в полной мере удовлетворять запросы всех возможных адресатов.

Строго говоря, словари ИС представляют не столько лексикографический тип (который должен обладать известной однородностью), сколько некую параллельную лексикографическую систему, во многом аналогичную системе апеллятивных словарей, но и противопоставленную ей. Как среди апеллятивных, так и среди ономастических словарей выделяются следующие типы: исторические, этимологические, нормативные, авторские и др.

Если среди апеллятивных словарей центральное место занимают толковые, то среди ономастических словарей таковых нет: ИС выражает лишь единичное понятие, не имея полноценного значения, подлежащего толкованию. Лексикографическое описание онима всегда аспектно. Даже те из словарей ИС, которые носят наиболее обобщенные названия (например, «Словарь русских личных имен» А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой и А. Г. Рыжковой [1995]), являются по своей сути аспектными (или многоаспектными) словарями. Так, указанное издание – это, прежде всего, словообразовательный словарь, демонстрирующий деривационный потенциал русских антропонимов.

Особое место ИС занимают в авторской фразеологии и, следовательно, в авторских словарях: онимы могут составлять как часть словника, так и весь его объем. По словам Л. Л. Шестаковой, «в последнее десятилетие интерес к вопросу словарного описания литературной ономастики заметно вырос» [Шестакова 2011: 129]. При этом в различных изданиях реализуются различные принципы лексикографирования: от простой регистрации онимов в текстах автора до подробного энциклопедического описания. Ср.:

ОВИДИЙ [Назон Публий О. (43 до н. э. – 18 н. э.) – рим. поэт; *тж* в знач. *нарш.*] Привратник, царственно ленив, Встал, и звериная зевота, Напомнила твой образ, скиф! Когда с дряхлеющей любовью Мешая в песнях Рим и снег, Овидий пел арбу воловью В походе варварских телег. *ОМ914 (94.2)*; <...> Мне синь небес и глаз любимых синь Слепят глаза. – Поэт, не будь в обиде, Что времени мне нету на латынь! Любовницы читают ли, Овидий?! *Цв915 (I,243.2)*. [Григорьев и др. 2005]

ИАНА – в древнегреч. мифологии – богиня охоты, девственница. Аллегорическое имя используется в перифразе, придающем иронический оттенок повествованию: И там есть дамы – просто чудо! Дианы строгие в чепцах, С отказом вечным на устах. «Тамбовская казначейша» – 1, «Сашка» – 1. [Гильбурд 2006]

Традиционно ономастические словари делятся на разновидности, определяемые предметом описания – классом или подклассом ИС. В конце 80-х годов прошлого века существовавшая на тот момент лексикографическая практика позволила исследователю заключить, что лексикографы сосредоточены на материале антропонимов и топонимов, а словарей других классов исключительно мало [Сталтмане 1989: 69]. Сегодня, четверть века спустя, ситуация не выглядит принципиально иной.

Фундамент ономастической лексикографии составляют словари личных имен и географических названий, описываемых с точки зрения различных аспектов. Тем не менее, сегодня издан ряд словарей, посвященных онимам других разрядов. Отметим книгу М. Э. Рут «Словарь астрономов: звездное небо по-русски» [2010], в которой в популярной форме описываются русские названия звезд и созвездий – как научные, так и народные. Ср.:

ГОНЧИЕ ПСЫ. Небольшое созвездие Северного полушария. Расположено близко к зениту, поэтому видно в России круглый год. На звездных картах появилось достаточно поздно, в XVII в., благодаря польскому астроному Яну Гевелию <...>.

УТИНОЕ ГНЕЗДО. Плеяды. Название распространено на Русском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке и является одним из вариантов воплощения образа гнезда (см. *Гнездо*). *Посмотришь – кучка звездочек, Утиное Гнездо. На утино гнездо с утятками похоже (Арханг. обл., Вилегодск. р-н).* <...>

Важной разновидностью ономастических словарей являются издания, описывающие псевдонимы и прозвища. В. Э. Сталтмане отмечала, что «составление научных словарей прозвищ у нас – дело будущего» [Сталтмане 1989: 75]. Сегодня данная лакуна заполнена целым рядом научных и популярных изданий – около 20 словарей прозвищ и псевдонимов, большая часть которых издана на рубеже XX–XXI веков [Козырев, Черняк 2015: 333-335]. Наиболее представительным по описываемому материалу является «Большой словарь русских прозвищ» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [2007]. Ср.:

КУРОПАТКА, -и, ж. 1. *Ряз. (Мещер.). Шутл.* Прозвище женщины. *Пошуми Анне Куропатке, может, подойдет.* Сл. Мещ. 1, 201. < Ср. **куропатка** – 1. *Твер.* О женщине маленького роста. 2. *Яросл.* О кроткой женщине. 3. *Волог.* О стройной аккуратной женщине. СРНГ 16, 140. 2. *Шк. Шутл.-ирон.* Учительница физкультуры (очень подвижная, много прыгает). *Успокойте куропатку: мы на десять минут задержимся и подвалим, к старту успеем.* (Запись 2002). ВМН 2003, 73. 3. *чаще мн. [Салтановские] КУРОПАТКИ.* *Колл.* Прозвище жителей села Салтаново (Костром.: Лен.) (Картотека ТЭ). < Прозвище с неясной этимологией. Воронцова 2002, 206.

Довольно разнообразную (хотя и небольшую) группу составляют так называемые словари ономастической лексики, описывающие деривационный потенциал ИС. При этом описываются не только словообразовательные, но и семантические дериваты онимов.

Большой интерес здесь представляют словари, лексикографирующие процессы апеллятивации – приобретения ИС признаков имени нарицательного. Среди них – как научные издания, так и популярные справочники и сборники очерков. «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [2006] является сегодня наиболее полным изданием, фиксирующим на основе контекстных употреблений результаты такого процесса, как ономастическая метафора. Ср.:

БАСТИЛИЯ. <...>Тюрьма (до XV в. – крепость) в Париже. <...> <<Твердыня феодально-абсолютистского строя. В 1789 г. была взята восставшим народом>>. 1. Тюрьма вообще; всякое место заточения и угнетения человека. <...>. 2. Непрístupная крепость, твердыня. 3. Гнет, жестокость, подавление человека. 4. Оплот реакции, консерватизма, догматизма. ♦ **Взять Бастилию.** Одержать победу, добиться крупного успеха. <...>

В то же время семантические дериваты от ИС могут образовываться и по модели метонимии. Словари эпонимов – ИС, дающих наименование предмету, – описывают такие метонимические взаимосвязи, как «предмет – его изобретатель», «предмет – место, где он был открыт/изобретен/создан» и проч. Подобные словари весьма востребованы; они редко бывают ориентированы на читателя-специалиста: преимущественно это научно-популярные или учебные издания. Ср.:

МАНСАРДА. Чердачное помещение, оборудованное для жилых нужд; названо по имени Ж. Ардуэн-Мансар. **Жюль Ардуэн-Мансар** Jules Hardouin-Mansart (1646–1708) – французский зодчий, при-

дворный архитектор Людовика XIV, внучатый племянник Франсуа Мансара, один из крупнейших представителей стиля барокко во французской архитектуре. <...>Службу при дворе Людовика XIV Жюль начал с проекта по расширению дворца в Сен-Жермен-ан-Ле, затем завершил строительство Версаля. Самыми известными творениями Ардуэн-Мансара стали такие парижские достопримечательности, как Собор инвалидов, а также площадь Побед и Вандомская площадь. <...> [Блау 2010]

Подводя итоги, отметим, что существующая сегодня система словарей ИС – это хорошо разработанный комплекс изданий, переживающий в последние годы период активного развития. Основные тенденции развития ономастической лексикографии сегодня обусловлены не только стремлением ученых к всестороннему описанию системы ИС и аспектов ее функционирования, но и фактором адресата – интеллектуальными и практическими потребностями пользователей. Создание социокультурной типологии ономастических словарей – дело ближайшего будущего.

Литература

- Блау М. Г. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий: словарь-справочник. – М., 2010.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. – М., 2007.
- Гильбурд А. М. Словарь собственных имен в поэмах М. Ю. Лермонтова. – Сургут, 2006.
- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен. – М., 2005.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. – СПб., 2015.
- Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – М., 2006.
- Рут М. Э. Словарь астронимов: звездное небо по-русски. – М., 2010.
- Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. – М., 1989.
- Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. – М., 1995.
- Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. – М., 2011.

Текстовые функции местоимений с частицей *вот* (на примере прозы И. А. Крылова)

Местоимения с неизменно ударной частицей *вот* (*вот что, вот как* и под.) представляют систему указательных местоимений, частные функции которых определяются характером вопросительных слов, на базе которых они образованы: указание на лицо («вот кто»), место («вот где»), признак («вот какой»), количество («вот сколько»), причину («вот почему») и т. д. Они зафиксированы в литературе, начиная с XVIII в: ни в Историческом подкорпусе НКРЯ, ни в Словаре русского языка XI–XVII вв. в 17 тт. подобные единицы не представлены. Разговорным субстратом этих местоимений являются вопросно-ответные единства, типа «Что? – Вот что». Это позволяет предположить, что до появления в художественных текстах и публицистике они использовались исключительно в разговорной речи. Однако в XVIII в. данные местоимения употребляются в художественной литературе уже систематически, разнообразно проявляя свои конструктивные и текстообразующие возможности.

Особенность данных местоимений заключается в том, что, будучи указательными местоимениями, «пустыми словами», «шифтерами», они выполняют в тексте преимущественно анафорическую функцию, устанавливая отношения кореферентности с предшествующим или последующим текстом, формируя при этом разные как по объему, так и структуре единицы: простое предложение, сложное предложение, текст. Тем самым они осуществляют связность текста, проявляют свою текстообразующую способность. Например: *Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству – вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству.* («Похвальная речь» – здесь и далее примеры из прозы И. А. Крылова). Или: *Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал, а что всего чуднее, то это и самому ему было не известно* («Каиб»).

С другой стороны, данные местоимения являются единицами с постоянным коммуникативным статусом [Апресян 1988], поскольку

всегда рематичны. При их изолированном произношении логическое ударение способно дифференцировать местоимения по разрядам: ударение на частице свидетельствует, что мы имеем дело с указательным местоимением, ударение на базовом местоимении – свидетельство его вопросительного характера. Сравни: *Вот что ты думаешь?* – *Вот что ты думаешь*. Будучи акцентоносителем и сохраняя свою рематичность в любых синтаксических структурах, они выделяют коммуникативный центр структур, их включающих.

Это ведет к появлению сегментированной конструкции: местоимение с его антецедентом становятся целью высказывания, а часть, содержащая само местоимение, за исключением его самого – темой. Например: *Золото и серебро блистали повсюду; картины, резьба, зеркала придавали великолепный вид сим комнатам, которые за минуту пред тем казались мне пустыми сараями; словом, пышность сего дома могла поравняться с пышностью первейших дворцов в Европе. «Вот что я тебе дарю», – сказал мне милостивый Маликульмульк («Почта духов»)*. В рамках такой структуры автор выделяет важную с его точки зрения информацию и актуализирует ее, подчеркивает ее коммуникативную ценность.

Проза И. А. Крылова оказывается исключительно интересной с точки зрения использования таких местоимений. Это касается прежде всего «Почты духов» И. А. Крылова в силу того, что именно в этом тексте мы встречаем системное употребление данных языковых единиц.

XVIII в. – время формирования литературного языка, выработки его норм и выразительно-изобразительных средств в ходе взаимодействия, взаимопроникновения двух языковых стихий – архаичной книжной, восходящей к церковнославянской традиции, и разговорной. Вклад И.А. Крылова в этот процесс безусловен. Он «стремился использовать в языке прозы все исторически сложившиеся выразительные ресурсы русского литературного языка, широко привлекая в то же время и средства языка разговорного» [Горшков 1982: 155]. И хотя стиль этого произведения демонстрирует смешение высокой лексики, пародирующей «одический» стиль, с разговорной, обиходной лексикой, наблюдения над особенностями функционирования местоимений с частицей *вот* свидетельствуют, что их употребление в разных стилях определялось в первую очередь художественной целесообразностью.

Считается, что для функционально-стилевой характеристики местоимений большое значение имеет их избирательность в разных

функциональных типах. Так, в книжных стилях, и прежде всего в официально-деловом и научном, находят применения местоимения «таков», «таковой», «какой», «иной» «некто», «нечто», «некий»; в разговорном – «этакий», «всяческий», «такое-сякой», «кое-кто», «кое-кто» и др. [Голуб 2004: 319]. Вместе с тем местоимения с частицей *вот* равно употребляются как в «высоком» книжном стиле, так и при стилизации разговорной речи. Различия определяются коммуникативными задачами, которые ставит перед собой автор. Именно задачи определяют, в рамках какого стилистического пласта и как будут использоваться эти местоимения. Основная коммуникативная установка в данном произведении, его текстовая доминанта, или «фокусирующий компонент художественного произведения» [Якобсон 1985: 59] – разоблачение общественных пороков – в соответствии с идеями Просвещения. Именно этой доминанте подчинено системное употребление данных местоимений как в «книжном», так и «разговорном» стиле.

«Книжный» стилистический пласт характеризуют конструкции, имеющие достаточно устойчивую структуру, для которой характерно исключительно анафорическое употребление. При этом первая часть сегментированной конструкции – это всегда развернутый текст, состоящий из нескольких предложений и большого количества слов (в среднем – 410, раскрывающих тот или иной общественно значимый порок. Вторая часть, содержащая актуализатор типа *вот что*, представляет некий «вывод», оценку этого порока. Например: (в первой части описываются порочный государь, порочные придворные, порочное духовенство и т.д.) *Вот сколь велико человеческое ослепление, мудрый и ученый Маликульмульк!* Или: (первая часть посвящена теме необразованности дворян). *Вот, премудрый Маликульмульк, каким образом рассуждает о науках большая часть дворян; ...искренности и чистосердечию, которых они лишены и вместо которых оные употребляют.* Или: (первая часть посвящена описанию лицемерия в дворянской среде) *Вот, почтенный Маликульмульк, какие главнейшие причины вежливости и учтивства, которые столь много уважаются между здешними согражданами и коими они не иному чему одолжены, как искренности и чистосердечию, которых они лишены и вместо которых оные употребляют.*

В данных фрагментах местоимения благодаря анафорической функции наиболее полно реализуют себя как межфразовое средство связи, указывая на связь с предшествующим контекстом. Что касается функции актуализации антецедента, то на уровне значительного по

объему текста границы соотносимой с местоимением информации формально не определены, а значит, с трудом могут осознаваться при чтении. В связи с этим падает степень актуализации этой информации, поскольку ее выделение опирается лишь на семантику. Вместе с тем возрастает роль оценки, содержащейся в части, включающей местоимение.

В «разговорных» пластах, разоблачающих негативное поведение, обычаи, привычки, свойственные дворянству, наблюдается определенное разнообразие. Отметим некоторые черты. Сами сегментированные структуры – небольшие по объему. При этом они функционирует не только на уровне текста, но и на уровне простого предложения, в связи с чем их функция актуализации проявляется наиболее ярко, причем, не только в качестве анафоры, но и в качестве катафоры. Например: *Вот какое дурачество – шадить мать* («Почта духов») При этом местоимение *вот какой*, употребляемое и в «книжном», и в «разговорном» блоке, выполняет функцию катафоры/анафоры не само по себе, а вместе с существительным, которое оно определяет, что усиливает экспрессивность высказывания, так как с информативной точки зрения *вот какой* оказывается избыточным. Смотри также: «*Низко ходить на поклон к своему судье!*» – *вот какой вздор!* («Почта духов»). Антецедентом в этом фрагменте выступает чужая речь. Экспрессия создается также благодаря восклицательной интонации обеих частей высказывания. Используется также повтор оценочной части: *Вот какой делается она набожною! Вот какая притворщица!.. А я со сто раз видал совсем тому противное, что она изволит рассказывать!* («Почта духов»). При этом *вот какой*, *вот какая* в данном употреблении в значительной степени теряют анафоричность, сближаясь по значению с частицей, участвующей в формировании восклицательного предложения. Когезия текстов с местоимениями типа *вот что* в пределах «разговорного» блока ослаблена, однако их экспрессивность, оценочность не только сохраняется, но усиливается, в том числе за счет использования лексического повтора и восклицательной интонации.

Наряду с анафорой, встречается и дейксис: *Блондовая косынка (во время сих разговоров спит и храпит: хрр, хрр, хрр)* *Аглинская шляпка: Вот как спокойно почивает наша любезная соседка...* («Почта духов»). Очевидно, что при имитации разговорной речи автор стремится передать и усилить ее эмоциональность, передать свойственную разговорной речи непринужденность и ситуативность.

Таким образом, мы видим, что И.А. Крылов преднамеренно и стилистически умело использует данное языковое средство, которое позволяет ему осмеять пороки общества, дать им соответствующую оценку, в конечном счете – выразить свое отношение к изображаемому.

Литература

- Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 10–22.
Горшков А. И. Язык предпушкинской прозы. – М., 1982.
Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М., 2004.
Якобсон Р. О. Избранные работы. – М., 1985.

О. А. Гассельблат

О проблеме языкового синкретизма

Обсуждение проблемы языкового синкретизма имеет длительную историю. В лингвистике термин синкретизм появился как попытка разрешения проблем переходности, полисемии, нейтрализации и других «языковых изъянов», по словам Л. Ельмслева. Понимаемый изначально как «нерасчлененность, свойственная неразвитому мифологическому сознанию», лингвистический синкретизм в отечественной науке исследуется прежде всего как явление совмещения дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, совпадения в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме, характерное для ранних эпох. Исследователи полагают, что «синкретизм языкового знака» порождается через развитие переносных значений в зависимости от контекстных смыслов или влияния альтернативной культуры и включает в себя «диалектическую противоположность противопоставленных маркированных оппозиций» (например, в древнерусском языке это язычество || христианство). «Оставаясь одним и тем же, он [языковой знак. – О.Г.] постоянно меняет свой смысл!» [Колесов 2004: 44].

При этом все исследователи говорят о том, что нельзя считать достаточно определенным круг явлений, относящихся к понятию синкретизм. «Явление семантического синкретизма <...> должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предпо-

лагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [Трубачев 1976, 168]. Необходимо уточнить, что явление синкретизма свойственно не только языку, но и речи, что отражено в исследованиях по полисемии [Панькин 1975; Литвин 1984]. Все это свидетельствует о синкретизме как существенном реальном и потенциальном свойстве множества языковых единиц — свойстве, реализуемом и в современной речи. Это явление можно рассматривать на всех языковых уровнях, на которых существуют значимые, а, следовательно, и потенциально многозначные, единицы» [Зубова 1989: 57].

Поэтому само определение синкретизма как «смешения независимых разнородных элементов» [Пименова 2011], «исконной нерасчлененности, характерной неразвитости состояния какого-либо явления», «общего свойства языка» [Степанов 1975, Зубова 1989: 56, Колесов 2004], и рассмотрение его признаков: наличия маркированных оппозиций, контекстуального проявления – позволяет отнести к понятию «семантический синкретизм» и явления другого порядка: **когнитивный синкретизм**. С этой точки зрения рассматривается пересечение, совмещение противопоставленных содержательных речевых средств, при помощи которых вербализуются когнитивные авторские установки, характеризующие содержание сознания, художественную картину мира автора.

В лингвистике растет число работ, посвященных синкретизму текста [Зубова 1989, Штайн 2005, Маслова 2015, Муратова 2015]. Исследователи отмечают семантическую емкость и синкретичность структур, создающих многоплановость текста. Представляется, что творчество Иосифа Бродского может быть наглядной иллюстрацией такого типа семантического синкретизма, при котором смешение разнородных, диалектически противопоставленных единиц происходит на текстовом уровне, но отражает синкретичность художественной картины мира автора, поскольку стиль – всегда следствие состоявшихся изменений по линии «язык – мышление» [Колесов 2004: 28].

Представляется важной чертой поэтического мира Иосифа Бродского наблюдаемая в его текстах внутренняя недифференцированность зон монотеизма (в первую очередь, христианства) и политеизма (античности). В текстах поэта часто пересечение античных и христианских мотивов на разных уровнях (лексическом, семантическом, концептуальном и т.д.). Исследуя структуру концепта «Религия» на

примере творчества И. Бродского, на лексическом уровне мы можем искусственно дифференцировать лексемы зон монотеизма и политеизма, но в тексте языковые единицы обеих зон «вплетены» в общую канву, создают неповторимую дискурсивную форму и сознанием поэта не разделяются. Здесь можно отметить многие значимые для художественной картины мира поэта тексты: поэма «Зофья», «Большая элегия Джону Донну», «Новый год на Канатчиковой даче», «Письмо в бутылке», «На смерть Т. Элиота», «Прощайте, мадемуазель Вероника», «Литовский ноктюрн», пять стихотворений из «Подражания сатирам, сочиненным Кантемиром», «Anno Domini», «Второе Рождество на берегу незамерзающего Понта...» и др.

В стихотворении «Anno Domini» описывается ситуация Рождества. Поэт выбирает античный топос – дворец Наместника. Зоны античности и христианства репрезентируются следующими лексемами:

Зона христианства	Зона пересечения	Зона античности (архаическая)
лат. «Лето Господне»	Anno Domini (Лето Господне)	Наместник (3 словоупотр.)
Рождество		Орел имперский
Отец, мой сын	Цинтия	Вожди племен
Образ Творца	дворец	нетопырь
Волхвы		
Младенец		
Звезда		
Купель		
Нимб		
Непорочное зачатие		
осел		

В первую очередь, следует отметить, что название стихотворения дается автором на латинском языке «Anno Domini», что в переводе означает «Лето Господне». Это одна из наиболее цитируемых библейских цитат (Исайя 61:2), которую поэт как будто прячет. В тексте смешиваются античные и библейские мотивы. Поэт создает, как во многих своих «новых» мифах, свою интерпретацию евангельского со-

бытия. Как можно заметить из таблицы, автор сохраняет центральные фигуры: *младенец, волхвы, звезда*. При этом как инвариант Святого семейства в тексте выступают писатель, его сын и Цинтия: *И я, писатель, повидавший свет, / пересекавший на осле экватор, / смотрю в окно на спящие холмы / и думаю о сходстве наших бед:/ его не хочет видеть Император, / меня – мой сын и Цинтия*. Упоминание *осла и экватора* (экватор ассоциируется с пустыней) отсылает к сюжету бегства Святого семейства в Египет. Женщина с римским именем Цинтия прообразует в символической системе текста Деву Марию. Инвариантом вертепа становится дворец Наместника, который для читателя ассоциируется с дворцом Ирода из евангельского текста. Но в представленной интерпретации местный властитель безопасен для младенца, не интересуется им. Наместник болен и сам страдает, его пугают не соперники (опять мотив переворачивания), а способность любить: *Если бы любил? / Невольно зябко поводя плечом, / он гонит прочь пугающие мысли*. В стихотворении отсутствует семантика радости о рождении Спасителя, который победит смерть, что является яркой чертой рождественских стихотворений Иосифа Бродского. Вместо этого поэт утверждает неминуемую смерть в результате греха и гордыни: *И мы, / мы здесь и сгинем. Горькую судьбу / гордыня не возвысит до улики, / что отошли от образа Творца. Все будут одинаковы в гробу*. Фигуры волхвов представлены инвариантом «чужие гости», «вождей племен» можно представить как авторский инвариант пастухов (общий семантический компонент «водить»), они сильно пьяны, заняты поглощением пищи и в таком состоянии, по-видимому, абсолютно глухи к возможным голосам свыше о приходе в мир Спасителя. Замена подвергаются и другие атрибуты рождественского сюжета: вместо нимба – ореол лжи, вместо утверждения непорочности зачатия – сплетня: *И гости, не коснувшись головы, / нимб заменяют ореолом лжи, / а непорочное зачатие – сплетней, / фигурой умолчанья об отце...* Соответствие евангельскому сюжету можно отметить в ситуации, когда Иосиф Обручник до общения с ангелом подозревает Марию в нарушении верности. Над всем происходящим *теплится звезда* – постоянный атрибут рождественских стихотворений поэта, на Востоке мира наступает заря. Здесь усматривается параллель с библейским представлением о Мессии, который придет с Востока. С другой стороны, слово *тэплитсья* в толковом словаре С.И. Ожегова определяется как «гореть слабым пламенем, слабо светиться». *Теплится свеча. Теплится*

надежда (перен.: еще есть, не совсем пропала). *Жизнь чуть теплится в ком-нибудь* (перен.: очень слаб, близок к смерти). Это означает, что звезда вот-вот погаснет, исчезнет. Упомянутый в этой же строке враг может символизировать как болезнь наместника, так и врага рода человеческого – дьявола, одно из разрушающих действий которого на человека по библейскому тексту – это болезнь. Поэт в этом стихотворении создает не менее драматичный сюжет рождества, переплетая в нем единицы противоположных смысловых зон – античности и христианства, создает симбиоз, в котором эти зоны взаимосвязаны и слиты в структуре текста. Подобный семантический синкретизм и мотив «переворачивания ситуации» характерны для поэзии Иосифа Бродского.

«Стихотворение на смерть Т.С. Элиота» написано Бродским 12 января 1965 года. В тексте поднимается тема «Поэт и Бессмертие», которая является связующей для обеих зон: античности и христианства.

Зона христианства	Зона пересечения	Зона античности
Ангелы	Бессмертие	Музы
Католик	Память	Эолийская нимфа
Рождество		Нарцисс
Бог		Маги
Адам		Аполлон
Ева		Лира
Небо		Эол
		Гораций Флакк
	Царство тьмы	

В лексемах *бессмертие, память, Царство тьмы* происходит семантическое пересечение эксплицитного характера. В художественной речи и христианском дискурсе эти лексические единицы имеют различное смысловое наполнение. И. Бродский в стихотворении утверждает тему бессмертия не в религиозном христианском ключе («продолжение существования души после смерти тела», СПЦК), а в античном (несмотря на религиозность Т.С. Элиота, он уходит в Царство тьмы). Вслед за Горацием Флакком поэт утверждает бессмертие только в стихах в этом мире. В стихотворении перед Элиотом преклоняется Аполлон с лирой и

торжествуют Музы. Представляется неслучайным то, что И. Бродский вводит в текст античные лексемы, созвучные с именем Элиот – *Эол, эолийская нимфа*. Эолида – родина греческой лирической поэзии, в ней жили Терпандр, Алкей, Сапфо. Таким образом, в стихотворении, посвященном религиозному христианскому поэту, вместо свойственного упования на вечность в Царстве Божьем, И. Бродский предоставляет ему бессмертие поэтическое, в котором автор не сомневается.

Такой же сложной синкретической формой представляется текст стихотворения «Письмо в бутылке», в котором аккумулярованы языковые средства различных предметно-понятийных зон. В тексте представлены репрезентанты античной, христианской, научной сфер.

Зона античности	Зона пересечения	Зона христианства	Зона пересечения	Зона научных представлений
Сирены	Левиафан	Звезды		Цельсий
Улисс		Дух		Ньютон
Двуликий Янус		Небосвод	Архимед	Линдберг
Ундина		Голубок (Ковчег)		Попов Маркони
Язычник		Бог	Толстой	Эдисон
Певец (Арион)	Шекспир	Душа		Морзе
	Добро и Зло	Свет		Фарадей
	там	Спасенье	«Великое может быть»	Фрейд
	Мир иной	Смирение		Адье
		Лик		А. Эйнштейн
		Преподобный отец Франциск		Бойль Марриотт
		стигмат		Кеплер
		Вечный Рим		Мендель
		Добродетели		Дарвин
		Ева	яблоко	Ньютон
		Грядущее		Фейербах
		Незримый		Кант
		Свет небес		

По словам Льва Лосева, «автор инвентаризирует все, что входит в окружающий его идеологический универсум» [Бродский 2012: 498]. В схеме представлены «точки пересечения» зон, проявляющиеся в лексических значениях слов, семантические компоненты которых могут относиться к разным семантическим полям. Так, в семантическую структуру слова *Архимед* входит сема «древнегреческий» и сема «ученый». В семантике слова *яблоко* присутствует семантический компонент «библейский запретный плод» и компонент «открытие Ньютона». Подобную ситуацию можно проследить и в других лексемах зон семантического пересечения. Таким образом, переплетение предметно-понятийных зон происходит не только в результате соположения лексем в контексте, но и на глубинном семантическом уровне, когда внутри одного слова присутствуют семы, относящиеся к противоположным понятийным зонам. Можно предположить, что поэт не случайно вплетает в ткань текста подобные языковые единицы, а именно, активизирует авторские окказиональные семантические связи между лексемами на основе их оппозиции. Подобный синкретизм текста не может не отражать когнитивный синкретизм художественной картины мира поэта.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – 576 с.
- Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n38474/1.pdf>
- Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1989.
- Бабайцева В. В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 446.
- Береснева В. А. Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания: дис. ... д-ра филол. наук. – Киров, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-aspekty-lingvisticheskogo-sinkretizma-kak-kategorii-obshchego-yazykoznanija#ixzz4mxatw5x6>
- Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л., 1989.
- Колесникова Т. В. О понятии синкретизма в языкознании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mx.pglu.ru/lib/publications/university_reading/2008/iv/uch_2008_iv_00025.pdf

- Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб., 2004. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yadi.sk/d/sqw_I9BT0X_Le
- Пименова М. В. К вопросу о лексико-семантическом синкретизме. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yadi.sk/d/sqw_I9BT0X_Le
- Муратова Е. Ю. Семантический синкретизм языкового знака в поэтическом тексте // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир, 2015.
- Павлюковец М. А. К вопросу о синкретизме в лингвистической теории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sinkretizme-v-lingvisticheskoy-teorii>
- Штайн К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка: Сб. ст. Научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005.

В. П. Гредель
Санкт-Петербург

Прошлое и будущее в романе Е. Замятина «Мы»

Роман «Мы» Е. Замятин представляет как предупреждение «об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства» [Замятин 1988: 540]. Общество Единого Государства демонстрирует вариант развития цивилизации, где люди (нумера) полностью порабощены Государством, которое превращает человека в винтик огромной государственной машины. В этом обществе человеку не нужно думать о будущем, Государство решило все человеческие проблемы (образование, профессиональная реализация, искусство, религия, и т.д.). Для этого созданы Научное Бюро, Бюро Хранителей, Музыкальный Завод, Институт Государственных Поэтов и Писателей, Операционное, Медицинское Бюро и др. Не имея возможности выбора, нумера следуют всем продиктованным сверху распоряжениям, теряя при этом собственную личность и, как следствие, душу. Распорядок их дня и личное время полностью регулируются Часовой Скрижалью Единого Государства, не допускающей личного пространства. Создавая роман «Мы», Е. Замятин предвидел проблему ограничения личной свободы человека, с

которой в будущем столкнется человечество. По мнению В.Г. Шпак, в Советском Союзе это уже обнаружилось: «Зеленая Стена – “Железный Занавес”, Бюро Хранителей – НКВД, власть Благодетеля – тоталитарное правление Сталина, Часовая Скрижаль – “Краткий курс истории ВКП (б)”» [Шпак 2001: 145].

В исследованиях романа «Мы» абсурдность быта и бытия Единого Государства, которое изображает Е. Замятин, рассматривается если не всесторонне, то достаточно широко. Однако привлекаются для иллюстрации наиболее яркие образы. При этом опускаются более завуалированные факты, например, тот, что все, что так или иначе связано с прошлым человечества, отвергается обществом Единого Государства как нерациональное и ненужное в отличие от элементов культуры нумеров. Это подчеркивается и выбором эпитетов, характеризующих явление или предмет прошлого как устаревший, лишний, нерациональный, примитивный: *древний* и от него субстантивированное *древние* для называния жителей прошлого, *дикий* (используется с пренебрежительным оттенком), *звериный* (крайняя степень пренебрежения), *старинный* (носит более нейтральный характер). Среди них в тексте чаще всего употребляется эпитет *древний* и производные от него: прилагательное *древний* – 74 раза, существительное *древние* – 39 раз, по 1 разу – наречие *древне*, превосходная степень прилагательного *древнейший* и существительное *древность* (например, *Древний Дом*, *древний Бог*, *древнее «ты»*, *древняя болезнь сновидений*, *древняя ласка*, *древняя мечта*, *древний анекдот об Аврааме*).

Нумера носят униформы, противопоставляемые одежде человека прошлых эпох, которыми шокирует I-330 персонажа Д-503, Строителя космического корабля «Интеграл», ведущего записи: «в фантастическом костюме *древней эпохи*: *плотно облегающее черное платье*», «*Она была в легком, шафранно-желтом, древнего образца платье. Это было в тысячу раз злее, чем если бы она была без всего*». Такой наряд позволяет полностью захватить внимание Д-503, ведь стремление Единого Государства уравнивать всех и каждого дошло до полного абсурда: все нумера лысые: «*Циркулярные ряды благородно шарообразных, гладко остриженных голов*». Именно поэтому демонстрация женственности I-330 производит неизгладимое впечатление на Д-503, в котором начинает просыпаться «древнее» чувство страсти.

Записи Д-503, восхваляющего общество Единого Государства, описывают высокий технический прогресс. Архитектура возможного

будущего симметрична, все постройки состоят из стекла, которое покрывает полностью землю под ногами, а также отделяет Зеленой Стеной город-государство от мира природы. Архитектура Единого Государства воплощает идеи конструктивизма и функционализма, начинавшие свое развитие в реальности в 20-м году XX века. Такие архитектурные проекты ориентировались, в первую очередь, на «наиболее рациональное расположение требуемых помещений в смысле их утилизации <...> и наиболее конструктивное использование взятого для постройки сооружения материала» [Шпак 2001: 147; Дмитриевская 2010: 46-47]. Как подчеркивает В.Г. Шпак, Е. Замятин интересовался новыми течениями в архитектуре начале XX века, связанными с утопическими идеями. Возможно, поэтому корабельный архитектор Замятин создает на страницах своего романа здания определенного типа [Шпак 2001: 148]. Подземные поезда и летательные аппараты – аэро – являются средствами передвижения и также сделаны из стекла (в отличие от древних железных поездов и аэропланов). На улицах города стоят звукозаписывающие устройства, дабы передавать всю информацию о номерах в Бюро Хранителей, выявляющих и устраняющих недовольных властью Государства. Высшим же достижением цивилизации становится космический корабль «Интеграл». Именно с помощью «Интеграла» Единое Государство планирует подчинить «благодетельному игу разума» «неведомые существа, обитающие на иных планетах» [Замятин]. Однако в повествовании сохранены некоторые реалии, присущие жизни человека начала XX века. Так, персонажи пользуются перьями и чернилами для письма, читают обычные книги, а для воспроизведения звука пользуются граммофонами (при наличии также фонолекторов, фантастических приборов, созданных для устранения потребности образования у номеров).

Не только материальная, но и духовная сторона прошлых эпох человечества подвергается резкой критике. Выстроенная мораль, основанная на логике, чувствах человека, связанных с семьей, другими людьми или своей собственной личностью, порождает у номеров недоумение и непонимание, в результате чего таких номеров устраняют. Допустимым оказывается лишь восторженное и благоговейное отношение к Единому Государству и его достижениям, а также поклонение Благодетелю как номеру из номеров. Свобода, к которой стремится революционное движение МЕФИ, возглавляемое I-330 и ставящее целью уничтожение Зеленой Стены, противоречит логике

Государства: «*“Освобождение”?* Изумительно: до чего в человеческой породе живучи **преступные инстинкты**». Свобода приписывается неразвитости цивилизации, ее зачаточному развитию, где люди еще не осознали важность коллективного блага, возможного только посредством подавления блага личного: «*Да и откуда тогда было бы взяться государственной логике, когда люди жили в состоянии свободы, т.е. зверей, обезьян, стада*».

Однако, на наш взгляд, главное в замятинском романе состоит в том, автор интуитивно сумел увидеть невозможность сводить основной вопрос философии к тезису: материализм vs идеализм. Развитие науки обнаружило необходимость включать в основной вопрос философии проблему понимания категории информации. В этом понимании неизбежно сталкиваются сторонники безудержного технического прогресса и гуманистического антропоцентризма. В эту проблематику, как и его современники, Е. Замятин напрямую не включился. Однако он, по нашему мнению, интуитивно к ней подошел, вскрыв коренную суть абсурдности Единого Государства. Наиболее наглядно это обнаруживается при описании пространства Зеленой Стены с ее обитателями. Некое подобие стада проживает за Зеленой Стеной, обладая шерстью, но сберегая горячую красную кровь, тем самым отличаясь от номеров и заявляя при этом: «*С вами хуже: вы обросли цифрами, по вас цифры ползают, как вши*».

Оказавшись в изоляции от центра человеческого прогресса и прячась от власти Благодетеля в туннелях, а затем и в лесах, эти люди регрессировали к первобытно-общинному строю, не смогли или не захотели воздвигать собственную цивилизацию. Свои проблемы они связывают с соседствующим Государством, вспоминая прошлую Двухсотлетнюю Войну, гонения и дальнейшие трудности в вынужденной жизни в лесах. Можно понять их желание присоединиться к более развитой в техническом плане культуре. Остановившись в развитии на этапе общины и поклонения языческому культу, единственно возможный путь для них захват территории города-государства, жители которого никогда не были за Зеленой Стеной и понятия не имеют о том, что там проживают другие существа.

Отрицание прошлого опыта, накопленного человечеством, Е. Замятин доводит до абсурда, когда практически любое явление или предмет Государства восхваляется только лишь в противовес прошлому аналогу: «*Один из Зона*

щелкнул по нему синеватой искрой **электрического кнута**; он тонко, по-щенячьи, взвизнул. <...> **Каким безобразным орудием был древний кнут – и сколько красоты...**» [там же]. Такое гиперболизировано отрицательное отношение к прошлому позволяет Е. Замятину наглядно указать, к каким последствиям приводит забвение человечеством своей истории. Отрицая прошлое, человечество теряет свое человеческое лицо, подменяя все цифрами. В то же время цивилизация, основанная на стремлении к единению с природой, также являет собой тупиковую ветвь развития, забывая технический прогресс и «*обрастая шерстью*».

Для Л. Н. Дмитриевской мир цивилизации, воплощенный в Едином Государстве, и мир природный – непримиримые вечные враги [Дмитриевская 2011: 114]. Оторванность от прошлого опыта и отказ от технологий будущего как варианты развития человечества обречены на провал.

Литература

Дмитриевская Л. Н. Пейзаж, интерьер в романе Е. Замятина «Мы»: образы двух миров. // Литературный календарь: книги дня. – 2010. – № 2. – С. 40–66.

Дмитриевская Л. Н. Портретные описания как способ создания образа мира и образов героев в романе Е. Замятина «Мы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2011. – № 3. – С. 110–116.

Замятин Е. И. Мы [Электронный ресурс]. http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения 15.09.2013).

Замятин Е. И. Сочинения. – М., 1988.

Шпак В. Г. Синтетизм в системе художественного мышления: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001.

Т. В. Губернская, А. В. Кузьмина, А. М. Четырина
Санкт-Петербург

Псевдословарь «Говорим по-русски» как образец наивной лексикографии

В. В. Жириновский, одна из самых одиозных фигур в российской политике, в последние годы часто делает широковещательные заявления о том, что ЛДПР уже двадцать лет борется за принятие закона о защите

русского языка. Один из примеров такой борьбы – внесенный в 2013 г. Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части защиты русского языка» ([http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/FC9F0B9D0252A79343257B19002C8B82/\\$File/227062-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/FC9F0B9D0252A79343257B19002C8B82/$File/227062-6.PDF?OpenElement)). В этом проекте предлагалось ввести штрафы в качестве наказания как юридических, так и физических лиц за использование в речи «иностранных слов и выражений, не соответствующих нормам русского литературного языка и имеющих общеупотребительные аналоги в русском литературном языке». В 2014 г. законопроект был рассмотрен госдумой и отклонен, но ЛДПР продолжила работу в этом направлении, и в 2015 году к двадцатипятилетию партии был издан так называемый словарь «Говорим по-русски» (http://ldpr.ru/static/uploads/1718c84fc5_Blok_GPR.pdf).

Жанр данного словаря определяется создателями как карманный словарь на каждый день. Карманный словарь – это указание не только на размер книги (покетбук), но и на объем словника: 32 страницы, 507 слов (псевдосинонимических рядов).

Трогательное примечание о том, что «словарь подготовлен с использованием материалов, размещенных в сети Интернет в открытом доступе», уже дает приблизительное представление о методах создания данного словаря. Указания на авторство отсутствуют, зато представлены целых два вступления В. В. Жириновского, призывающих сохранять русский язык.

Наиболее острый вопрос, возникающий при анализе данного словаря, – это вопрос об отборе слов в словник. В него, в частности, включено значительное количество эллинизмов и латинизмов, вошедших в язык давно:

Генезис – происхождение

Гений – талант

Гуманизм (humanus) – человечность

Квинтэссенция – суть

Максимальный (maximal) – предельный, наибольший

Менталитет (mentality) – умонастроение, склад ума, разум

Ментальный (mental) – умственный

Менторский (mentor) – назидательный, наставительный

Момент (moment) – миг

Моментальный (*momentary*) – мгновенный
Монумент (*monument*) – памятник
Натуральный (*natural*) – естественный, природный
Сакральный (*sacral*) – тайный

Попадают в словник и лексемы пассивного словарного запаса, явно устаревшие слова, главным образом архаизмы:

Дуэль (*duel*) – поединок
Ловелас – соблазнитель
Пионер (*pioneer*) – первопроходец
Реляция (*relatio*) – донесение
Трактат (*tractatus*) – рассуждение, толкование
Фавор (*favor*) – благосклонность
Фортуна (*fortuna*) – удача, счастье
Фронда (*Fronde*) – недовольство

Особенно странным выглядит включение лексемы *лента*, слова с оттенком высокой архаичности в переносном значении. Стоит также обратить внимание на то, что у лексемы, у которой в словаре Л.П. Крысина отмечены три значения, здесь имеется только одно, переносное, причем предельно расширенное: *Лента* – вклад.

Под ударом оказывается терминология, как общенаучная, так и межотраслевая и узкоспециальная, то есть такая причина появления заимствований, как специализация понятий для различных целей, воспринимается анонимными создателями словаря как недостаточно. Особенного внимания удостоились экономическая и медицинская терминология:

Инфекция – зараза
Инфицированный (*infected*) – зараженный
Ипохондрия (*hypochondria*) – мнительность, угнетенность
Пальпация (*palpatio*) – ощупывание
Патология – изменение
Протеин (*protein*) – белок
Симптом (*symptom*) – признак
Синдром (*syndrome*) – признаки
Фобия (*phobos*) – страх, боязнь, нетерпимость
Филологическая терминология тоже встречается:
Верлибр (*verse libre*) – белый стих
Императив (*imperative*) – повеление
Парадигма (*paradigm*) – образец, принцип, видение

Рефрен (*refrain*) – повторение, припев
Текстуальный (*textual*) – буквальный, дословный
Лингвист (*linguist*) – языковед

Очевидно, что игнорирование терминологических значений – это кредо анонимных лексикографов.

Вопрос о структуре словарной статьи не встает, так как то, что представлено в данном как бы словаре, словарной статьей названо быть не может.

Без сомнений выделяется только вокабула.

Зона «как бы этимологии» в информативной части представлена нерегулярно, притом указание на язык-источник отсутствует:

Брутальный (*brutal*) – жестокий, грубый
Бутик (*boutique*) – модная лавка
Проформа (*pro forma*) – видимость, формальность
Рандеву (*rendezvous*) – свидание
Резюме (*resume*) – 1) сводка, 2) биография

Может показаться, что везде используется английский вариант написания (ср. фр. *déjà vu, résumé, rendez-vous*), однако использование прописных букв в написании некоторых существительных указывает на спорадическое проникновение орфографии немецкого языка:

Гастарбайтер (*Gastarbeiter*) – рабочий-иноземец

53 слова, то есть 10 процентов лексем, не имеют указаний на этимологию. Для примера представим первые 16 подобных слов:

Бутсы – ботинки
Буфет – забегаловка
Бэби – ребенок
Вахтер – сторож
Вице – заместитель
Вундеркинд – чудо ребенок
Габариты – размеры
Генезис – происхождение
Гений – талант
Госпиталь – больница
Гуглить – искать
Депутат – посланник
Дерматолог – кожник
Десант – высадка
Инвалид – калека

Инженер – создатель

Причины отсутствия указаний на происхождение очевидны только в случае с глаголом *гулить*.

Отметим, что дефис – персона нон-грата в данном словаре. Он везде заменен коротким тире, а в некоторых случаях просто отсутствует.

Некое подобие грамматической зоны обнаружено нами только в одной словарной статье с весьма специфическим заголовочным словом. Ср.: *Сексуальный (-ая) (sexual) – мужественный, женственная*.

Однако здесь на самом деле то, что может быть принято за грамматическую помету, является указанием на тот странный, с точки зрения традиционной лингвистики, факт, что, по мнению наивных лексикографов, это прилагательное в формах мужского и женского рода имеет разное значение. Ср.:

Секс-символ – символ мужественности, символ женственности

Сексапильная (sex appeal) – смазливая

Что касается основной части информативной зоны, то здесь важно отметить, что в лексикографической терминосистеме нет адекватного наименования того, с чем мы имеем дело. Можно было бы условно назвать эту часть зоной аналогов, но этот термин уже используется в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна, поэтому условно назовем это зону зоной субститутов. Отметим только несколько черт.

1. В большинстве случаев при подборе аналогов происходит неоправданное расширение значения слова:

Габариты – размеры

Грант (grant) – дар, дотация, стипендия

Госпиталь – больница

Кювет (cuvette) – канава

Экстерьер (exterior) – внешность

Сужение происходит реже:

Субпродукты – требуха

2. В толкованиях не учитывается многозначность:

Коллектор (collector) – собиратель, сборщик, сборник, приемник

Модель (model) – образец, разработка, копия, схема, натурщица, манекенищица

Пиар (Public Relations) – общественные отношения, связи с общественностью, игра на публику, реклама

Спикер (speaker) – докладчик, оратор, лектор, председатель, динамик
Трейлер (trailer) – грузовик с полуприцепом, автоприцеп, рекламный фрагмент

При этом часто смешиваются значения литературного языка и сниженные, даже жаргонные значения:

Триллер (thriller) – нервотрепка, страшилка, ужастик, приключение

3. Игнорируются стилистические нормы:

Буфет – забегаловка

Дерматолог – кожник

Ламер (lamer) – слабак, убогий

Фрик (freak) – чудака, урод

Шоумен (showman) – затейник, балаганищик

4. Зачастую заимствование объясняется с помощью другого заимствования, иногда даже включенного в словник словаря:

Драйв (drive) – кураж, раж

Прайс-лист (price-list) – список цен, прейскурант

Прейскурант – ценник

Фейс-контроль – отсеив подозрительных, лиц – контроль

Контроль – осмотр

5. Активно используются кальки как средство преодоления чужеродности заимствований:

Скинхед (skinhead) – бритоголовый

В данном случае калька передает лишь внешние свойства, но не отражает сущности явления.

Результат использования калек – активное словотворчество создателей словаря в духе худших шишковских традиций:

Валоризация (valorization) – дооценка, повышение ценности

Виндсерфинг (windsurfing) – ветроскольжение

Геймер (gamer) – игруля, игроман

Интернет (Internet) – Интернет, Сеть

Киднэппинг (kidnapping) – «детохищение»

Консультирование – советование

Лоббист (lobbyist) – продвиженец, толкач

Маунтинбайк (mountain bike) – горный велосипед, велогоры

Спичрайтер (speechwriter) – составитель речей, речепищец

Степлер (stapler) – скрепок, скреплер, сцеплер

Тандем (tandem) – спарка, совместная деятельность

Ток-шоу (talk show) – разговорное зрелище

Данное издание нельзя назвать не только словарем, но даже псевдословарем. Это представленная в словарной форме (Черняк 2015) такая разновидность наивной лингвистики, которую можно считать одновременно и наивной лексикографией, и наивной культурой речи, и языковой политикой (Ефремов 2016). Главная опасность таких изданий заключается в том, что малоквалифицированный читатель может принять подобный текст за словарь.

Литература

- Ефремов В. А. Мифы о русском языке, или о формах наивной лингвистики в интернете // Чуждоезиковое обучение. – Т. 43. – № 4. 2016. – С. 491–496.
- Черняк В. Д. Образ словаря, словарная форма и жанр словаря в современной коммуникации // Русский язык сегодня: Сборник докладов Одиннадцатых Шмелевских чтений. Москва, 23-25 февраля 2015 г. – М., 2015. – С. 355-362.

Н. В. Данилевская
Санкт-Петербург

Слово в гетерогенной структуре автомобильной рекламы

Как известно, *поликодовый текст* – это взаимодействие на одной общей текстовой плоскости кодов разных семиотических систем, если под кодом, вслед за В. Е. Чернявской, понимать «систему условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [Чернявская 2004: 117].

Преимущество гетерогенной организации текста в том, что в этом случае учитываются особенности воздействия на психику человека магии сочетания звука, цвета, изображения, графики и слова. По сути, поликодовый принцип организации рекламного текста есть *механизм текстообразования* в рекламной деятельности вообще.

Сочетание разнородных элементов в рекламном тексте создает особые сложности для рекламистов. Не случайно в одной из своих работ Е. А. Песоцкий сравнивает рекламу одновременно и с искусством, и с наукой, ср.: «реклама – наука творческая, бурно развивающаяся, много экспериментирующая, постоянно рождающая новые нестандартные

методы и формы» [Песоцкий 2003: 193].

Взаимодействие в одном тексте элементов разных семиотических систем действительно запоминается, а значит, достигает цели. Сегодня именно поликодовость является матрицей формально-содержательной организации и одновременно условием успешного функционирования рекламных текстов.

В своем гетерогенном виде рекламный текст служит инструментом трансляции сложной мысли о действительности, включающей в себя не только саму информацию и авторскую интенцию, но и оценочную деятельность автора произведения.

Вместе с тем возникает вопрос о месте и роли вербальной составляющей в этом разнородном единстве. Как показывают наши наблюдения над печатным вариантом авторекламы, главное место в ее поликодовой структуре – какими бы неязыковыми компонентами она ни была насыщена – занимает все-таки вербальный план, т.е. слово, без которого любые неязыковые символы и средства остаются неясными, незавершенными, неоднозначными, что противоречит самой сути рекламы как деятельности.

Слоган является здесь своего рода квинтэссенцией полисемиотики: как бы прошивает смысловой нитью разные семиотические поля текста (оттенки цвета, графику, объем, линии рисунка), делая их элементами единого общего сообщения, придавая ему законченность, понятность, осмысленность.

Рассмотрим сказанное на примере конкретных текстов авторекламы.

Первый пример – реклама с официального сайта «Audi в России». Вербальная часть текста здесь минимальна, всего 4 слова: название марки и ее характеристика – «*Audi A 1. Самый дерзкий*». Остальную информацию об автомобиле несет невербальная часть текста, представляющая собой мультимедийный (компьютерный) коллаж: изображение машины, вокруг которой вращаются городские небоскребы. Вербальная характеристика автомобиля соответствует его графическому представлению: автомобиль потому дерзкий, что ездит настолько быстро, что городские улицы «закручиваются» вокруг него колесом. Кроме того, важна превосходная степень формы прилагательного – *самый дерзкий*, – с помощью которой авторы рекламы выделяют данный автомобиль среди других марок как самый быстрый. Интересно здесь и сочетание цветов: красный, белый и несколько оттенков серого создают

ощущение, с одной стороны, аскетичности и строгости, с другой подчеркивают создаваемый рекламодателями для этой модели образ силы и мужественности. В целом, сочетание графики, оттенков цвета, слов и цифр обыгрывает еще и, как нам кажется, идею всемирно известного соревнования «Формула 1» – борьбы автомобильных гонщиков за право носить звание «Лучший в мире».

Другой пример – реклама с официального сайта «BMW в России». И здесь вербальный текст занимает незначительное место, основную информацию несет невербальный (мультимедийный) текст. Сочетание серо-бело-голубых оттенков и прямых графических линий невербального текста дает ощущение скорости, стремительности, объема: автомобиль изображен внутри узкого, замкнутого пространства, как бы внутри водяного потока, который, благодаря умело организованной графике, наполнен внутренней динамикой и воспринимается адресатом как бескрайняя сила, устремленная в простор. Все это создает ощущение силы движения, безграничности физических возможностей машины и ее красоты, элегантности. Мультимедийное изображение сопровождается слоганом «*Встречаем новую акулу бизнеса*».

Как видно, именно поликодовый характер рассмотренных рекламных текстов усиливает их мотивационные возможности, образно говоря, бьет не в бровь, а в глаз адресата. Однако в этом калейдоскопе цвета и графики вербальному плану принадлежит особое место, на наш взгляд, центральное, определяющее смысл и назначение всех цвето-графических изысков рекламодателя. Рассмотрим это подробнее.

В первой рекламе без слогана «*Самый дерзкий*» вся полисемиотика визуального сообщения не стала бы текстом: изображение машины на фоне искривленных домов оказалось бы непонятным. То же самое следует сказать о втором тексте: слоган «*Встречаем новую акулу бизнеса*» актуализирует и объясняет смысл цвето-графического исполнения рекламы, потому что убегающие вдаль серо-голубые линии и сам прорыв автомобиля на передний план изображения из стремительно уходящего назад узкого пространства воспринимаются как нечто действительно похожее на вырывающуюся из водной стихии акулу только благодаря смыслу, заключенному в слогане. Без вербального слогана красивое изображение машины осталось бы просто яркой картинкой, мало о чем говорящей.

Рассмотрим еще пример. В аэропорту «Шереметьево» в зале ожидания развернут огромный постер, рекламирующий автомобиль класса

Mercedes. При этом постер изображает только переднюю часть автомобиля – капот с эмблемой марки и фарами, а также нижнюю часть ветрового стекла. Такое изображение было бы неясным, если бы не слоган «*Дорога под присмотром*» внизу постера. Именно слоган собирает здесь все невербальные средства рекламы в общий смысловой пучок, который можно сформулировать так: *я, Mercedes, вижу все; мне, Mercedesу, подвластны любые сложности и опасности на дороге; со мной, Mercedesом, вы в безопасности на дороге*. Если представить, что слогана в этом полисемиотическом тексте нет, то последний перестает быть рекламой, так как теряет свою содержательную направленность. Действительно, изображение передней части машины, даже выполненное в красивых тонах и полутонах, еще мало о чем говорит тому, кто на него смотрит.

Все проанализированные изображения и сопровождающие их слоганы подтверждают наше мнение о том, что слоган – вербально выраженное смысловое ядро полисемиотической рекламной аргументации. Более того, именно слоган и есть рекламный аргумент, именно он выполняет аргументирующую функцию всего рекламного сообщения. Тогда как неязыковые знаки – цвет, графика, объем, шрифт, общий дизайн и т.п. – выступают элементами важными, но вспомогательными. Их важность определяется необходимостью самой рекламной коммуникации – реклама не может быть скучной, безликой, как не может быть только призывным сообщением, даже если это выразительная аргументация в пользу чего-либо. Вспомогательный же характер неязыковых элементов рекламы определяется их бессмысленностью, непонятностью для реципиента без вербальной части – слогана.

В подтверждение сказанному приведем пример автомобильной рекламы, где изображение не снабжено специальным слоганом, – яркое и красивое, но коммуникативно пустое визуализированное сообщение.

Так, в специализированном журнале, посвященном рекламе автомобилей марки BMW, на одной из страниц напечатана фотография (возможно, коллаж), на которой на ярком горном фоне изображены два стоящие друг против друга автомобиля BMW разных моделей. Это красивое изображение занимает всю страницу и находится внутри относительно большого (в 1,5 стр.) вербального текста, описывающего достоинства данных моделей. Однако без прочтения всей статьи содержание этого изображения не вполне понятно, потому что оно не сопровождается слоганом. «Немой» характер этой визуальной рекламы особенно ощущается, если мысленно вынуть ее из окружающего

Глагольная лексика с семантикой приема пищи и его результата в русской языковой картине мира

В «Речи, произнесенной на торжественном собрании императорской Российской академии» Н.М. Карамзин пишет о «естественном, беспрестанном движении живого слова к дальнейшему совершенству: движении, которое пресекается только в языке мертвом». «Живое слово» и выражаемые им оттенки мысли находят свое отражение в производном слове, в частности, в слове, обозначающем прием пищи и отношение к еде.

Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич описывают пищу как «конгломерат ценностных и культурных доминант» [Астафурова, Олянич 2014: 30]. Отношение человека к еде и его характеристика с точки зрения индивидуальных пищевых предпочтений, разборчивости в еде, времени приема пищи и т. п. подробно представлены в диалектах [Вендина 1998; Березович 2007: 30–33; Леонтьева 2008; Пьянкова 2008; Кудряшова 2014]. Е. Л. Березович отмечает редкое использование наименований со значением «характеристика человека по отношению к еде» в литературном языке и, наоборот, частотность слов с данной семантикой в диалектах, что говорит об особом взгляде на прием пищи в народной традиции, связанном с его ритуальностью и обрядовостью [Березович 2007: 31]. «Ритуальность происходящего на кухне», «социализированная среда кухни» также отмечаются Т. Н. Астафуровой, А. В. Оляничем, которые соотносят данные составляющие с метафорой разоблачения таинственности и / или интриги (*кухня писателя, политическая кухня*) [Астафурова, Олянич 2014: 26]. Таким образом, «аксиологизация отношения к еде», по верному замечанию М. Л. Ковшовой, в какой-то мере закономерна [Ковшова 2016: 232].

Кулинарно-гастрономический, или пищевой, код может использоваться для обозначения ментальных действий («кулинарные» глаголы *переварить, разжевать*) [Гак 1993: 29], тех или иных проявлений интеллекта человека (*котелок не варит, мозги кипят* и др.) [Леонтьева 2008: 212–225], качеств человека, его характера (например, в донских говорах *жором жрать* означает «издеваться, мучить кого-либо» [Кудряшова 2014: 109]; в вятском говоре *масляный язык* – «коварный,

текста: все очень красиво, завораживающе, но нет тех слов, которые завершили бы смысловую целостность восприятия изящных автомобилей на фоне яркого экзотического пейзажа.

Таким образом, можно утверждать, что слоган – один из важнейших строевых элементов автомобильной рекламы, а именно **ее** аргументативное ядро. В общем тексте рекламы слоган – тот необходимый композиционный фрагмент, который выступает смысловым фокусом, собирающим в единое целое и неделимое пространство невербальные элементы – цвет, графику, объем, определяя их содержание и назначение в каждом конкретном тексте. Во многом только с помощью слогана завершается в рекламе процесс аргументации.

Заканчивая анализ роли и места слогана в автомобильном рекламном тексте, подчеркнем:

- 1) слоган является одним из важнейших композиционных фрагментов текста автомобильной рекламы;
- 2) слоган играет роль концентрирующего смыслового элемента, объединяясь вокруг которого, все невербальные (иносемиотические) элементы рекламного текста приобретают содержательную определенность, а сама реклама получает изобразительную, структурную и смысловую завершенность;
- 3) в автомобильном рекламном тексте слоган выполняет следующие функции:
 - концентрированно выражает основную рекламную идею,
 - фокусирует основное рекламное содержание,
 - завершает процесс аргументации, выражающийся невербальными средствами лишь опосредованно,
 - завершает процесс диалога между текстом и адресатом, обеспечивая последнему точность и завершенность понимания всех использованных в тексте неязыковых единиц,
 - концентрирует основную долю всей воздействующей силы рекламного сообщения.

Литература

- Песоцкий Е. А. Современная реклама. Теория и практика. Изд. 2-е, переработ. и доп. Ростов-н/Д., 2003.
- Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Силь: сб. науч. ст. – СПб., 2004. – С. 33–41.

льстивый язык» [Пьянкова 2008: 13]), сферы межличностных отношений, экономических и социокультурных сторон деятельности человека и мн. др. (*совесть, среда заела; с потрохами съест* и т. д.) [Юрина, Живаго 2015].

Глаголы с семантикой поглощения пищи являют собой яркий пример оценочного отношения к еде и опосредованно эксплицируют отношение человека к внешним событиям. Разделим условно такие глаголы на три семантические группы, определяемые по нарастанию степени приобретения «социального» признака.

Первую группу составляют глаголы, обозначающие непосредственное поглощение пищи субъектом действия. Здесь проявляются два вида оценочного отношения: с одной стороны, это количественная оценка (много – немного), например, глаголы *умять* и *подкрепиться*, с другой – качественная, в частности, гедонистическая (глаголы *чревоугодничать* и *гурманить*). Следует отметить, что глагол *чревоугодничать* в современных контекстах приобретает несколько отличное от словарного, употребляющегося в религиозном дискурсе, значение «вкусно поесть»: *Дать настояться минут 15-20 и можно чревоугодничать* (Гуляш пивной // Кулинарные рецепты от «Едим дома!» EdimDoma.ru); *На этой неделе мы будем чревоугодничать. Я расскажу, где можно выпить правильное кофе в Берлине, а также заделюсь впечатлениями дилетанта о винах Северной Италии* (Отдых на озере Гарда: Malcesine // lukaround.com). Самой частотной формой употребления является инфинитив, который дает возможность обозначить отношение к действию (часто со связкой *перестать, нельзя, не следует* и т. п.). «Языковой эксперимент и рефлексия над ним», «выразительный, объемный, часто противоречивый портрет нашего современника» отличают современный текст [Черняк 2014: 159]. Таким языковым экспериментом является сейчас расхожее слово *гурманить*: *Снова пятница – время гурманить* (Кулинарные записки на livejournal.com).

В контекстах с глаголами *умять* и *подкрепиться* действие часто локализовано на линии времени, в редких случаях может обозначать привычки, узуальные характеристики субъекта действия, который имеет конкретно-референтное прочтение. Акцентируется внимание на самом действии, не предполагаются явно отрицательные последствия.

Во 2-ой группе рассматриваемые глаголы (сюда относятся глаголы, образованные на основе словообразовательных формантов *на-...-ся* и

об-...-ся, такие как *наестся (обьестся), нажраться (обожраться)* и т. п.) имеют двойственную семантику в связи с возможной сменой актантов и приобретением метафорического осмысления ситуации. «Базовые ситуации, – пишет Л.Н. Оркина, – представляют собой основу для метафорического осмысления реального хода событий, имеющего место в действительности <...>. Такими базовыми ситуациями могут служить, с одной стороны, происходящие в физическом мире события, с другой – не имеющие своего денотата в мире физическом, но являющиеся мыслимыми, построенными в воображении говорящего моделями некоторого положения дел» [Оркина 2010: 205]. Метафорическое осмысление задает смену оценки, «задействует» иную аксиологическую шкалу. На этом уровне основной является соотнесение с нормой, ее превышением и, как правило, негативным результатом (подробнее см. [Димитриева 2016а]), а также привлекается эстетическая, утилитарная и др. оценки. Особый интерес представляет в таких случаях объект, который имеет значение «материальные артефакты/духовные ценности»: *...судья свисток дает финальный, все аплодируют: и киевский плененный люд, и люди высшей расы в униформе, покорители, что занимают на трибунах лучшие места... все очарованы, наелись быстротечной, сгорающей мгновенно, невозстановимо неподражаемой футбольной красотой* (С.Самсонов. Одиннадцать); *В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных проходимцев и превратились в несознательный сброд, в скопище разнузданных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало, вот уж подлинно, пусти свинью за стол, а она и ноги на стол» – о, я пройму, я пристыжу их!* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Это, как правило, абстрактные существительные, классы предметов. Если употребляется наименование единичного конкретного объекта, то он имеет событийное толкование: *Днем, чтоб не сидеть без дела, мы сходили в администрацию и в фельдшерский пункт, собрали статистику для социологического отчета, потом по очереди пили чай с Аликом, Толиком, Григорием Ивановичем, потом скоблили подаренные Аликом хорошие, но невыделанные олени шкуры, а потом, когда надоело и скоблить, и болтать, ушли гулять берегом моря, и было хорошее чувство, что все мы наелись Колгуевом досыта и самое время улетать* (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий). В примере *Колгуев* – это не столько наименование острова в Баренце-

вом море, сколько наполненность времени пребывания на этом острове разного рода событиями, действиями. Субъект действия-состояния имеет конкретно-референтный характер и совпадает с субъектом, выражающим оценку происходящему событию, переносное действие темпорально немаркированное.

В 3-ей группе, представленной глаголами с формантом *за-...-ся* (*заесться, зажраться*), глаголы редко используются в контекстах в своем прямом значении. В высказываниях с такими глаголами во главу угла ставится морально-этическая оценка. Субъект действия имеет обобщенный характер, указывается его социальный статус, и характерной чертой этого социального ранжирования является приобретение негативно оцениваемых черт, причем субъект действия и субъект оценки в основном не совпадают, за исключением случаев рефлексии героя повествования (подробнее см. [Димитриева 2016б]): *Работа профессионального грабителя тяжела и опасна. Одно дело – тырить мелочь из карманов зазевавшихся граждан, и совсем другое – очищать сундуки зажавшихся богатеев от нечестно нажитого золота* (П. Головин. Игрушки // Хулиган, 15.07.2004).

Итак, глаголы со значением приема пищи развивают метафорические значения, связанные с определением социального статуса человека.

Литература

- Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Витальные потребности: от знака к дискурсу // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел, 2014. – С. 19–33.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М., 2007.
- Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1998.
- Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 22–29.
- Димитриева О. А. Норма и результат приема пищи: глаголы *наесться* и *объесться* // Научный диалог. – 2016а. – №2 (50). С. 21–35.
- Димитриева О. А. Национально-культурная коннотация и характеризованные способы глагольного действия // Инновации в образовательном процессе: сб. тр. науч.-практ. конф. Вып.14. – Чебоксары, 2016б. – С. 195–199.
- Карамзин Н. М. Речь, произнесенная на торжественном собрании император-

- ской Российской академии // Карамзин Н. М. Избранные сочинения. – Том 2. – М.; Л., 1964. – С. 233–242.
- Ковишова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М., 2016.
- Кудряшова Р. И. Наименование ненасытного человека средствами донского диалекта // Известия ВГПУ. 2014. №2 (87). С. 106–110.
- Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. – Екатеринбург, 2008.
- Оркина Л. Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке. – СПб., 2010.
- Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: Автореф. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
- Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2014. – №1. – С. 158–165.
- Юрина Е. А., Живаго Н. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №3 (35). – С. 107–121.

М. В. Дудорова, М. В. Слаутина
Екатеринбург

Оппозитивные смыслы в семантическом пространстве рождественского рассказа

(на материале рассказа Л. Авиловой «Отчего не поют ангелы»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»), а также при поддержке программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Важной жанровой чертой рождественского рассказа (далее – РР) является оппозитивный принцип организации повествования. В семантическом пространстве произведений данного жанра значительную роль играют такие оппозиции, как *добро – зло*, *богатство – бедность*, *грех – праведность* и др. Они располагаются по двум линиям противопоставления – «горизонтальной» и «вертикальной», что создает особый эффект объемности пространства и повествования.

На пересечении этих линий находится феномен *рождественского чуда*, которое интерпретируется, как правило, как мистическое событие (сны, видения, появление ангелов и т. п.), но может иметь реальный, даже бытовой характер (счастливая случайность, удачное стечение обстоятельств и т.п.). Переживание рождественского чуда в душе героя приводит к полному его перерождению: происходит переоценка жизни, осознание своей греховности, смена ценностных приоритетов. Такова психологическая интерпретация чуда в РР – возможность возрождения греховной, эмоционально мертвой души.

Земное пространство в РР представлено точечным («внутренне ограниченное пространство: дом, комната, палата и т. п. Это пространство какого-либо определенного места, имеющего обозримые границы, пространство наблюдаемое» [Бабенко 2004: 173]), детальном описанным, наполненным людьми, вещами, событиями. Важную роль в его формировании играет оппозиция *богатство – бедность*, причем акцент делается на последнем. Так, в рассказе Л. Авиловой «Отчего не поют ангелы» противопоставлены детская в богатом доме и комната в избе бедной семьи: «В **просторной** детской, *освещенной висячей лампой*, был большой беспорядок: по столу и по полу валялись книги и игрушки, стулья стояли кверху ножками...»; «Кругом, в *тусклом освещении маленькой коптящей лампы*, чернели **тесные** стены избы».

Эмотивное пространство также организовано как система противопоставлений. Мальчик Боря, главный герой рассказа, накануне Рождества переживает непонятное состояние, в котором сплетаются ожидание праздника и печаль об умершей матери («Большие синие глаза его были *мечтательны*, а личико выражало *грусть и ожидание*»). Ощущение дисгармонии воплощается в типично детском вопросе «Отчего не поют ангелы?» и неприятию взрослого объяснения няни: «Ах, Борюшка, поют-то они высоко, далеко». Таким образом, эмотивный комплекс, связанный с этим героем рассказа, составляют эмоции *грусти, ожидания и надежды*. Пограничное эмоциональное состояние представлено и в текстовом противопоставлении эмоций *умиления и тоски*: «Боря припоминал рассказ о рождении Христа. И маленькая душа его исполнялась умиления и непонятной, смутной тоски».

Противоположный эмотивный фон создается при описании бедной семьи Бориного друга – Миколки: «Мать глядела на него большими глазами, в которых как бы замерло *отчаяние*... На полу и на другой лавке лежали еще взрослые и дети и не то спали, не то томились каким-то

непонятным *страданием*»; «[Миколка] не ответил и только поглядел на него глазами, полными *страдания*». Если для Бори ощущение дисгармонии компенсируется надеждой на рождественское чудо, то для Миколки и его семьи праздника как бы не существует вовсе. Эмотивный комплекс, отражающий состояние Миколки и его семьи, составляют эмоции *отчаяния и страдания*. Интересно отметить, что оба героя практически одинаково объясняют свое состояние: «...на улице предпраздничная суматоха, и люди не прислушиваются, а все бегут куда-то и бегут, и у всех свое спешное дело, своя личная забота...» (Боря); «Праздник теперь, кому до нас дело!» (Миколка).

Противоположные эмотивные комплексы имеют, тем не менее, пересечение – объединяющим элементом служит эмоция сочувствия: няня жалеет осиротевшего мальчика, Боря сочувствует семье Миколки, а сам Миколка отказывается от леденцов, объясняя: «...уж я как-нибудь. Пусть уж едят махонькие. Пуще всего их жалко». Жалость является одновременно и предпосылкой для дальнейшего перерождения героев.

Небесное пространство не детализировано, оно обозначено символически через образы света и песни ангелов, хотя о его существовании мы узнаем с первых строк рассказа: «...хозяин комнаты, семилетний Боря, стоял у окна и смотрел на небо», ангелы «высоко, далеко». Небесное пространство представлено не как пространство космическое, а как пространство вертикально ориентированное и связанное с метафорическим осмыслением неба (небо = рай – место обитания ангелов, душ и т. д.). Детское сознание предельно конкретно, поэтому небесное пространство в восприятии главного героя «заселено» ангелами, душами ушедших людей, которые находятся рядом с Богом: «Так где они там мертвые-то, няня? Так все около Бога с ангелами?». Взгляд ребенка направлен вверх, в небо, откуда ангелы наблюдают за земными событиями. На взаимную связь земного и небесного указывает также перцептивное действие: «И тогда, правда, ангелы пели? И всегда в эту ночь ангелы поют?» (поют = я слышу). Небесное пространство отдалено, но эта возможность слышать песни ангелов подчеркивает необычность праздника Рождества, когда небесное сближается с земным, проникает в земное существование.

В детском сознании ангелы уподобляются людям и испытывают человеческие эмоции: «Ангелы за людей радовались», «Ангелы-то добрые». С образами ангелов, как и в целом с праздником Рождества, связана эмоция радости («Как им не петь, милый: этакая радость,

этакий праздник великий»), которая образует эмотивную оппозицию земной тоске, страданию и безысходности.

Феномен рождественского чуда проявляет себя и в том, что в особых мистических условиях праздника Рождества возможно сближение пространственных пластов: к Боре приходит его умершая мать и разговаривает с ним, а в финале он видит чудесный свет («*Вдруг мягкий, ровный свет озарил комнату <...> Ни свечи, ни лампы в детской не горело, а свет разливался – голубоватый, ласкающий*») и слышит шелест крыльев ангелов и ангельскую песню («*И тогда послышалось что-то... Какие-то звуки, тихие, нежные, стройные... Какая-то мелодия. Которую нельзя было ни уловить, ни запомнить*»).

Таким образом, рождественский рассказ строится в системе противопоставлений разных уровней: лексический уровень представлен использованием как языковых, так и контекстных антонимов, на уровне художественного пространства реализуется противопоставление открытого – закрытого, вертикального – горизонтального, земного – небесного пространственных образов, в эмотивном пространстве рассказа взаимодействуют положительные и отрицательные эмоции. Подобная структура поддерживает ключевое для жанра событие рождественского чуда, когда сближается отдаленное, когда недоступное становится воспринимаемым, когда земные горести отступают перед горним светом.

Литература

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М., 2004.

А. И. Дунев
Санкт-Петербург

Лексикографическая интерпретация методической терминосистемы

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

При первом взгляде на современное положение дел в методической науке обнаруживается парадоксальная ситуация: при общем упадке методики, утрате ее доминирующей роли в школьной практике препода-

вания дисциплин наблюдается рост новых терминологизированных слов и словосочетаний. Положение дел, при котором специалисты не понимают друг друга, в школе приводит к тому, что учителя нередко просто отказываются обсуждать методические вопросы. А выступления на совещаниях и педсоветах превращаются в придумывание новых терминов, многословное и непродуктивное объяснение того, что хочет сказать педагог. Современный учитель, сталкиваясь с методической терминологией, оказывается заложником ситуации, сложившейся в научном методическом дискурсе.

В качества материала исследования используются термины методики преподавания русского языка, хотя некоторые идеи и выводы можно экстраполировать и на методические терминосистемы других школьных предметов, в частности литературы. Для удобства мы называем их *методические термины*.

Одну из важнейших проблем преподавания русского языка в современной школе можно образно назвать «терминологическим лабиринтом методики». За последние два десятилетия терминологический аппарат значительно обновился и разросся. Увеличение количества методических терминов, связанное с интеграцией в методику педагогических, философских, психологических и других научных концепций, ведет к необходимости обновления и упорядочивания терминологической базы современной методики.

Например, в прошлом веке не было таких терминов и терминологических сочетаний, как: *текстоцентризм; когнитивная стратегия обучения языку; смысловоречетворчество*. Появились и термины, связанные с социальными, аксиологическими, техническими и технологическими изменениями в условиях проведения уроков русского языка: *рабочая программа по русскому языку; поликультурная среда при обучении русскому языку; технология укрупнения дидактических единиц в обучении русскому языку* и т.п. Конечно, можно сказать, что рождение многих терминов определила не собственно методика, а смежные с ней области: педагогика, лингвистика, психология и другие, но эта терминология используется в практике преподавания языка в школе.

Новые стандарты добавили сложные и малопонятные термины, значение которых чаще всего размыто: *метапредметная основа русского языка; универсальные учебные действия по русскому языку; метод проектов в обучении русскому языку; личностные результаты обучения русскому языку; технологическая карта урока русского языка*.

Особенность методики как науки заключается в ее прикладном характере и зависимости от смежных научных областей. Однако это никоим образом не решает проблему построения терминологии методики русского языка.

Изменение терминологии обусловлено не только развитием методической науки, но и сменой условий обучения языку в российской школе. Возникновение и открытие новых понятий влечет за собой расширение и изменение круга практически значимых терминов.

В традициях лексикографического представления терминов методики преподавания русского языка их описание в широком кругу педагогических и дидактических понятий. В эпоху интернета создается впечатление, что словари и справочники утрачивают свое значение. Достаточно набрать в поисковой строке слово, и сразу же получаешь исчерпывающую информацию.

Заделом в работе над методическими терминами стал «Глоссарий методических терминов и понятий» [Глоссарий 2015]. Его можно считать первым этапом работы. Ведущие методисты по русскому языку написали развернутые статьи об основных понятиях методики. Для создания статей был предложен общий план, что не отменяло авторского индивидуального подхода к раскрытию термина, понятия.

Общая идея и структура представления словарной статьи в соответствии с планом:

- Термин-слово
- Происхождение
- История появления и использования
- Дефиниции
- Иллюстрации явления и комментариев примеров
- Стратификация (типологии и классификации)
- Цитаты, отражающие употребление термина
- Особенности употребления термина с примерами
- Производные термины
- Связь с другими понятиями и терминами

Из всех статей «Глоссария» выделены термины, представляющие терминологическое поле методики. Актуальная терминологическая лексика становится основой для построения терминологического

словаря тезаурусного типа. Основные (онтологические) понятия методики позволяют объединить термины по гнездовому типу.

Перед созданием «Глоссария» были проанализированы существующие лексикографические издания, большинство из которых отражает научную парадигму второй половины прошлого века и не включает новейшую терминологию [Азимов, Шукин 2009; Львов 1999; Сыров 2012; Методический словарь 1996].

Идея построения лексикографической модели позаимствована из лексикографического опыта коллег по кафедре. Теоретические положения лексикографической теории представлены в трудах В. А. Козырева и В. Д. Черняк [Козырев, Черняк 2000; 2004; 2014; Черняк, Черняк 2009], работах И. С. Куликовой и Д. В. Салминой (обычно они работают в тандеме). Основным источником идей – «Обучающий словарь лингвистических терминов» [Куликова, Салмина 2009], в нем предложены основные типы толкования в зависимости от характера терминов. Еще один источник идей – работы Н. В. Козловской, исследующей процессы терминологизации слова и функционирования термина в философских текстах [Козловская 2011; 2012].

Опыт работы с В. Д. Черняк и коллегами над словарем «Русская речевая культура» стал отправной точкой в описании терминологии.

Цель словаря методических терминов – представить методику обучения родному языку. Словарь должен раскрыть метаязык современной методики.

Актуальность определяется новым этапом развития методической науки в связи изменением реалий преподавания русского языка и литературы. Стройность терминосистемы отражает статус науки. Существующие словари не отражают связь терминов методики русского языка и литературы.

Предлагаются следующие идеи построения терминологического словаря:

1. Тезаурусный тип словаря. Тезаурус – совокупность терминов, включенных в систему на основе различных семантических отношений.
2. Тематический способ группировки терминов позволит подчеркнуть взаимообусловленность терминосистемы. Словарь, организующий термины по тематическому принципу, имеет больший обучающий потенциал, что ориентирует его на практическое использование основными адресатами – учителями и студентами.

3. Опора на базовые термины, формирующие методику как науку. Базовые термины понимаются как слова и словосочетания, называющие понятия, которые являются «точками опоры» для научной области знаний в определенный период развития науки.
4. Диалогичность представления терминосистемы в словаре. Один из способов для реализации этой категории – привлечение к освещению терминов ученых, которые представляют разные научные школы и направления методической науки.
5. Адресованность учителю-словеснику.

Опора в построении лексикографической модели методической терминосистемы на понятия «базовые термины» ограничивает круг описываемой лексики и актуализирует методический аспект использования.

Признаки базовых терминов:

1. Активность (частотность в научно-учебной литературе).
2. Актуальность (частотность в современной литературе и практике преподавания).
3. Обучающий характер обозначаемого понятия (необходимость при изучении). Зная содержание базового термина, обучающийся сможет понять и использовать производные термины.
4. Адаптивность (используется в разных научных концепциях).
5. Связь с другими областями науки.

Базовые термины представляют фундамент, основу науки, включают в себя терминологию из близлежащих областей. Методический потенциал понятия «базовые термины» заключается в его адресации обучающимся, тем, кто осваивает эту науку. В противопоставлении определений «базовый» и «ключевой», применяемых по отношению к термину, проявляется различие ориентации. Базовые термины позволяют освоить, изучить и применить достижения, полученные в определенной научной области, а ключевые ориентированы на создание и представление научной концепции.

И. С. Куликова, Д. В. Салмина в статье, посвященной определению характера базового термина, делают вывод: «Базовый термин имеет статус термина в значении “основополагающий” для терминов теории языка в любом типе специальных текстов и с добавлением компонентов ‘концептосоздающий’ и ‘концептофиксирующий’ – для

центральных терминов собственно научного исследования. В этом последнем случае он может заменяться словосочетанием **ключевой термин**, что стимулировано формированием композиционного компонента публикаций и квалификационных работ “ключевые слова”» [Куликова, Салмина 2016: 29].

В «Обучающем словаре лингвистических терминов» отмечается методический аспект понятия «базовые термины»: «Базовые термины должны быть усвоены как обязательные и войти в активный профессиональный словарь студента, то есть первокурсник должен не только правильно употреблять их в специальной речи, но и уметь давать им дефиницию, устную и письменную» [Куликова, Салмина 2009: 6].

Наряду с базовыми, в словарь должны быть включены производные термины, имеющие прикладной характер. Производные термины могут не иметь дефиниций, а быть представлены только словоупотреблениями.

Основной адресат словаря методических терминов – учителя-словесники и школьные методисты, находящиеся в новых условиях обучения филологическим дисциплинам.

Другими адресатами словаря могут быть: преподаватели русского языка и литературы; студенты, изучающие методику преподавания филологических дисциплин; учителя, преподаватели и методисты других предметных областей с учетом метапредметного характера наших дисциплин.

Многофункциональность терминологической системы отмечает Н. В. Козловская: «Термин – особый языковой знак, функционирование которого очень наглядно отражает взаимодействие когнитивной и коммуникативной функций языка. Термин участвует в формировании мысли, в классификации и моделировании объектов и явлений действительности. Термин сам по себе является орудием познания мира. В то же время термин выполняет важнейшую коммуникативную функцию: не только служит для взаимопонимания внутри научных сообществ, но и обеспечивает общение представителей разных специальных областей» [Козловская 2012: 108]. Передать все многообразие функций термина в словаре не представляется возможным, однако потенциал терминологической системы может быть осмыслен только в том случае, если мы можем представить всю систему в целом.

Литература

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. (предшествующее и частично повторенное издание: Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь).
- Глоссарий методических терминов и понятий (русский язык, литература): Опыт построения терминосистемы / Под общей ред. Е.Р. Ядровской, А.И. Дунева. – СПб., 2015.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: пособие для вузов. – М, 2004.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – СПб., 2014.
- Козловская Н. В. Термины в философской интерпретации Павла Флоренского и в работах современных лингвистов // Современная русская лексикография. – СПб., 2011. – С. 108–120.
- Козловская Н. В. Термин в философской интерпретации П.А. Флоренского // Мир русского слова. – СПб., 2012. № 3. – С. 55–61.
- Куликова И. С., Салмина Д. В. Обучающий словарь лингвистических терминов. – СПб.; М., 2009.
- Куликова И. С., Салмина Д. В. К вопросу о терминологическом статусе словосочетания «базовый термин» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Выпуск № 2(21), 2016. – С. 20–32.
- Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов пед. вузов и колледжей. – М., 1999.
- Методический словник. Толковый словарь терминов методики обучения языкам / сост. Р.К. Миньяр-Белоручев. – М., 1996.
- Сыров И. А. Современный русский литературный язык и методика его преподавания: учебный словарь: учебное пособие / отв. ред. И.А. Сыров. – М., 2012.
- Черняк В. Д., Черняк М. А. Базовые понятия массовой литературы: Учебный словарь-справочник. СПб., 2009.

М. Б. Елисеева, Н. И. Максимова
Санкт-Петербург

Вопросы детей при восприятии художественного текста

Работа осуществлена при поддержке гранта РНФ 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка»

Авторы статьи опираются на труды представителей рецептивной эстетики, исходящих из идеи, что произведение реализуется только в процессе встречи, контакта литературного текста с читателем. Основные идеи рецептивной эстетики восходят к тезису йенских романтиков об активно участвующем в творчестве читателе; «рецептивно-эстетический подход... соединяет... пассивное восприятие с активным пониманием...» [Яусс 1995: 56]. В. Изер считал, что «интерпретация есть нечто, что протекает естественным образом, потому что люди вообще не могут жить без постоянного процесса интерпретирования... Интерпретирую, следовательно, существую... но сами формы, которые принимает интерпретация, никак нельзя назвать естественными» [Изер 1999: 78]. Детские вопросы – это способ получить интерпретацию, пояснение текста взрослым. Е. В. Абрамовских пишет, что «главным отличием рецептивной эстетики от других литературоведческих дисциплин является поворот к читателю» [Абрамовских 2012: 414]. Ребенок – образец такого читателя, активно участвующего в творчестве писателя. Эта активность была названа А. В. Запорожцем «содействием» [Запорожец 1948: 36]. Вопросы ребенка о прочитанном – один из способов проявления содействия.

Первые вопросы в речи детей появляются от 2 до 2,6 лет [Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016: 47], а о прочитанном дети обычно начинают спрашивать после 3–3,5 лет, так как «первое восприятие произведения читателем включает его первичную эстетическую оценку, предполагающую сравнение с прочитанным прежде» [Яусс 1995: 56], и для того, чтобы возникли вопросы о прочитанном, ребенку необходим и жизненный, и эстетический опыт, хотя бы минимальный.

Детские вопросы можно классифицировать: 1) по каналу восприятия текста: вопросы при аудировании и самостоятельном репродуцировании; 2) по отношению ко времени процесса чтения: вопросы

по ходу чтения и отсроченные; 3) по объекту, на который направлены вопросы: о содержании произведения или о значении слов.

Материалами для анализа были дневниковые записи одного из авторов статьи (М. Б. Елисеевой), отражающие особенности семейного чтения ребенка (1996 года рождения), а также начальные этапы самостоятельного чтения этого же ребенка. Кроме того, анализировались анкеты родителей (95 анкет), собранные Н. И. Максимовой. Анкета для родителей была вывешена для заполнения в социальной сети «ВКонтакте» в сообществах, посвященных чтению и детской литературе, и заполняли ее заинтересованные родители.

Первый тип вопросов – о содержании произведения. Это вопросы о «моральном облике» героев («плохой» или «хороший?»); о мотивах поступков героев; о сходстве между героями разных произведений; о степени реальности или вымышленности событий; о развитии сюжета, судьбе главных и второстепенных героев («волнительных ситуациях») и концовке произведения. Родители отмечают, что ребенок просит объяснить «исторические факты или имена», «уточняет действия героев». К сожалению, примеры конкретных вопросов есть только в дневниковых записях: *А почему мама мышонка позвала кошку?; Почему Волька отказывается от всего, что ему дарит Хоттабыч?; А почему гномы себя так плохо вели в норке у хоббита? Давай то, давай это, и даже пожалуйста не сказали!»; А не похожа эта Барбацуца на Круэллу? Барбацуца, хоть страшней по виду, но получше ее.*

Важнейший вопрос ребенка: хорошо ли кончается: *Когда начала читать повесть Г. Мало «Без семьи», спросила, как кончается. Я сказала, что хорошо. Спустя несколько дней, Лиза, удивленно: «Как же хорошо, если уже почти все умерли!»* Ребенка интересует и судьба второстепенных героев: *В конце чтения книги про Незнайку спросила, куда же пропал Булька, найдется ли он; Спрашивала, превратится ли скворец обратно в принца («Академия пана Кляксы» Я. Бжехвы).*

Второй тип вопросов – о значении слов. При чтении взрослого значение многих агнонимов понятно ребенку из микро- и макроконтеста, поэтому дети, как правило, задают вопросы о значении только тех слов, без которых неясен сюжет. Иногда новые слова привлекают внимание ребенка сами по себе: *образок, гордыня, династия, бакалейщик, месть, спозаранку, керосинка, калоши, тужили, чары, очи.*

При слушании чтения взрослого постепенно, по мере осознания ребенком условности и цельности художественного текста, уменьшается количество вопросов, прерывающих чтение.

На начальных этапах самостоятельного чтения содержание уходит на второй план вследствие формальных трудностей процесса чтения, преодолеваемых ребенком [Елисеева 2010], а количество вопросов о значении слов возрастает: *Спросила, что такое «на облачке»: не поняла, почему кучер сидел на облачке. Оказалось, «на облучке». Появляются вопросы о значении знакомых, но не «опознанных», вследствие акцентологических ошибок, ребенком слов: А чего это – ми-мо?; Тормóша... А что это такое – тормóша?*

Есть также вопросы об интонации, свидетельствующие о незнании ребенком функций знаков препинания: *Здесь написано: «Да будет свет!» или «Да, будет свет?»*

Результаты анкетирования родителей следующие: задают вопросы об иллюстрациях – 9,5 % детей; о значении слов – 55,8 %; о содержании – 49,5 %. Анализ ответов взрослых обнаружил также, что многие родители (22 %) не полагаются на самостоятельность детей, не ждут их вопросов, сами предлагая объяснения: *«Явно незнакомые слова разъясняю, не отрываясь от чтения»; «Непонятные слова я сразу расшифровываю»; «Значения я стараюсь объяснять сразу же. Если вижу, что какой-то момент может быть сложным для понимания – спрашиваю, понимает ли он, о чем речь»; «Да, если слово новое, стараюсь объяснить сама его значение. Обсуждаем после прочтения обязательно».* При подобном поведении родителей дети тоже начинают искать в книгах пользу: *«После любит рассуждать о мотивах, морали книги (чему научила книга)».*

Представляется, что современные родители излишне дидактичны и недооценивают такую значимую особенность эстетического опыта, как «добровольный характер эстетического познания мира» (по Р. Ингардену, см.: [Терминология... 1992: 191]). Выразительное чтение взрослого важнее разговоров о прочитанном и может прояснить ребенку сюжет произведения: *Читали по очереди «Сказку о царе Салтане». Когда Лиза сама читала эпизод с гонцом, она никак не могла понять, что же там произошло. Я пыталась ей объяснить. Она не понимала. А потом я просто прочитала сама этот же фрагмент, и Лиза все поняла. Сказала, что если бы у царя был мобильный телефон, такого не произошло бы.*

Интуитивно родители иногда приходят к пониманию значимости самого процесса чтения: «*Задаёт про непонятные слова. По содержанию обычно не задаёт. Я сама спрашиваю: „О чём я только что прочитала?“ – и бывает, что ответить дочка не может. Я делаю вывод, что сюжет для неё не всегда важен, главное процесс, из которого она что-то да вылавливает для себя понятное.*».

Интересно, что действительно непонятное детям и непонятное ребёнку в представлении родителей, – не одно и то же: «*Недавно читали „Дед Мазай и Зайцы“. Много слов поясняла сама по ходу чтения. А некоторые слова, которые мне казались понятными, он сам просил разъяснить*»; «*Редко. Я скорее сама спрашиваю. Например: „Артём, ты знаешь, что такое эффективный?“ И часто он не знает. Или не понял содержания, например, почему герой поступил именно так. Но сын почему-то не спрашивает.*».

Отметим также, что есть разные типы детей – склонные и несклонные к вопросам. Мама пятилетнего мальчика пишет: «*Этот не задаёт. И сердится на старшего, если задаёт тот. У этого чтение – каноничное действие, его нельзя прерывать*». Пассивный лексикон ребёнка пополняется вне зависимости от того, задаёт ли он вопросы о значении слов.

И, наконец, следует помнить о том, что иногда вопросы ребёнка – способ задуматься, путь поиска самостоятельного ответа. Если взрослый не может ответить, ребёнок предлагает вариант ответа сам: *Спросила о строчке из стихотворения Олега Григорьева: почему «начало жизни и конец в курином том яйце»? Я не могла ответить, почему конец. Лиза дважды спросила, а потом предположила: «Может быть, потому что конец яйца – это начало цыпленка?»*

Литература

- Абрамовских Е. В. Роман Ингарден как основоположник рецептивной эстетики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Выпуск № 2–2. – Том 14. – 2012. – С. 414–416.
- Запорожец А. В. Психология восприятия сказки ребёнком-дошкольником // Дошкольное воспитание. – 1948. – № 9. – С. 34–41.
- Елисева М. Б. Ребёнок-слушатель и ребёнок-читатель // Языки и культуры ребёнка. Сборник научно-практических статей. – М., 2010. – С. 21–25.
- Елисева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей

раннего возраста. Нормы развития. Образцы анализа. Комментарии. – Иваново, 2016.

Изер В. Рецептивная эстетика // Академические тетради. – 1999. – № 6. – С. 59–96.

Терминология современного зарубежного литературоведения (Страны Западной Европы и США). Справочник. Вып 1. – М., 1992.

Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

К. Д. Зайдес
Санкт-Петербург

Что ещё можно сказать о метакоммуникативе что ещё?

Устная спонтанная речь носителя современного русского языка является интереснейшим объектом для исследования во многих аспектах лингвистики. С изобретением цифровых носителей появилась возможность изучать устную речь наравне с письменной и открылись пути для фиксации, анализа и возможной кодификации тех слов и «псевдослов», которые до сих пор просто не попадали в поле зрения исследователей. Среди них полноточные и служебные слова, свойственные разговорной речи, а также множество «речевых автоматизмов» – повторяющихся компонентов высказывания с закреплённой за ними функцией в дискурсе. С точки зрения функционального аспекта анализа можно выделить *речевые* (обладающие в большей степени семантикой слова), *условно-речевые* (обладающие в большей степени прагматикой слова, например, вербальные хезитативы, дискурсивы, прагматемы и др.) и *неречевые* единицы (обладающие только прагматикой невербальные хезитативы (а-а, м-м, э-э) и паралингвистические элементы (смех, кашель, вздохи)) [Богданова-Бегларян 2012].

В монологической и диалогической/полилогической речи встречаются разные типы условно-речевых единиц. Настоящее исследование было проведено на материале монологов, входящих в Сбалансированную аннотированную текстотеку (САТ) – один из модулей Звукового корпуса русского языка, большой базы данных современной русской разговорной речи. В САТ входит спонтанная монологическая речь

носителей русского языка разного гендера, возраста, профессиональной принадлежности – медиков, юристов, студентов, преподавателей, «компьютерщиков». Дополняет эту часть блок русской интерферирующей речи иностранцев – китайцев, американцев, французов, голландцев. В корпусе есть данные об *уровне речевой компетенции* (УРК) говорящего (см. подробнее: [Русская спонтанная речь 2016]) и психологических характеристиках (уровень экстраверсии и тип темперамента). Монологи САТ построены по четырем различным коммуникативным сценариям: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений и свободный рассказ на заданную тему (например, «Как Вы проводите свободное время?»). В САТ соблюдается собственно лингвистическая, социолингвистическая и психолингвистическая балансировка текстового материала (подробнее о САТ см: [Звуковой корпус 2013]).

Среди условно-речевых единиц особый интерес представляют *метакоммуникативы* (*метакоммуникативные вставки, конструкции, элементы*). Одним из весьма частотных является метакоммуникатив *что еще* (*сказать*), главной функцией которого является поисковая. Среди поисковых метакоммуникативов выделяются те, которые используются говорящим в ходе гезитационного поиска конкретного слова или выражения (*как это сказать, как это, как его, это самое* и т. д.), и те, что помогают говорящему перейти к следующей мысли/теме (в основном, *что еще сказать*). Последняя метакоммуникативная конструкция может иметь 1) развернутый вид (безличное предложение с модальным словом: *что еще можно сказать*), 2) полуразвернутый вид (инфинитивное предложение: *что еще сказать* или *что сказать*) и 3) краткий вид (неполное предложение с опущенным глаголом, эллипсис: *что еще*):

- *под деревьями растут разные / разного вида растения / (э-э) растения / названия растений я не знаю / поэтому сказать что это я не могу / но какая-то трава / вот ну что еще можно сказать // неба / практически не видно / на картине оно какое-то одноцветное / примерно скорее бело-серо / бело-серого цвета [м., 20, низкий УРК, студ., описание несюж.];*
- *травка // мостик // речка // не знаю что еще сказать // красиво // я люблю ведь // до сих пор [ж., 45, низкий УРК, мед., описание несюж.];*
- *так // ну / что сказать // о рыжем коте / который у хозяев все воровал [ж., 49, низкий УРК, мед., пересказ сюж.];*

- *когда / идет дождь / и на лужах пузырьки / большие / это значит говорит о том что дождь будет идти еще долго долго // что еще // когда мы / там про костер что-то было / про костер [ж., 42, низкий УРК, мед., пересказ несюж.].*

В речи информантов младшей возрастной группы что еще часто подвергается фонетической редукции:

- *потом пришла бабуля так долго возмущалась / Юля что купила за сапоги ребенку / ребенок ходить в них не может / а то что право лево / никто не догадался / в общем / че еще /// бабушка всегда мне готовила всякие вкусности [ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., своб. рассказ].*

Метакоммуникатив что еще употребляется в спонтанных монологах с глаголом в разной модальности:

- *через которое проникало солнышко /// (а-а) [что еще б сказать? (...)] (э э) [ну такая погода нравится / земледельцу / возделывать что-то на земле // скорее всего / все [ж., 22, низкий УРК, юр., экстр., пересказ несюж.];*
- *очень хорошие там бытовые условия / гиды очень хорошо ведут группу / ну что там еще можно сказать // программа хорошая [ж., 43, низкий УРК, мед., своб. рассказ].*

В русской речи иностранцев встречается данный поисковый метакоммуникатив в виде двусоставного предложения:

- *я просто чувствую себя (э-э) очень хорошо здесь // я могу погулять по городу (а-а) / без забота без ... без / как / как сказать // и (э-э) мне просто нравится / что я могу сказать еще // (э-э) может быть (э-эм) // а! // в городе (э-э) здесь тоже пляж <смех> // [угу] // и мне очень нравится (а) загорать [ж., 27, ТРКИ В2, нидерл., интр., своб. рассказ].*

В монологической речи, наряду с самостоятельным употреблением что еще сказать в качестве отдельного предложения, частотно и употребление метакоммуникатива в качестве придаточного предложения после главного я не знаю (1/3 всех примеров):

- *в каждом дереве дупло / как-то он переборщил / дупла / бывают далеко в каждом // просто раз / два / три дупла / на одном даже / два как-то он переборщил с дуплами / многовато // животных не видно / а жаль // ну не знаю / что вам еще сказать по первой картинке [ж., 21, средний УРК, студ., описание несюж.];*

- *природа описывается с самого утра / до самого вечера // (а а) [вот // // <смех> да / наверно / я просто не знаю / вообще / что сказать* [ж., 22, низкий УРК, юр., амб., пересказ несюж.].

В метакоммуникативной конструкции что еще сказать глагольный элемент в речи может заменяться синонимами, такими как рассказать, добавить, описать:

- *вот // что еще / можно так рассказать? здесь же / здесь же рядом / с домом никакого [присутствия человека* [м., 43, высокий УРК, юр., интр., описание несюж.];
- *вот / ну естественно высоты они огромной / (м-м) что бы еще вам такого описать* [м., 21, низкий УРК, студ., описание несюж.].

Рассматриваемая в статье конструкция в спонтанной речи иногда сопровождается обширными метакоммуникативными комментариями по поводу обобщения предлагаемого информантом в монологе описания изображения:

- *и вот как бы такое описание / картинке могу дать // ну и общее / что вывод / что? что такого могу сказать <кашель> связано все это с рыболовством* [ж., 29, низкий УРК, юр., экстр., описание сюж.].

Внутри метакоммуникатива может заключаться и пример самокоррекции информанта, связанный с языковой игрой:

- *солнце светит сквозь листья / красивый лес / не знаю чего еще / <смех> что еще* [ж., 30, высокий УРК, мед., описание несюж.].

Метакоммуникатив что еще по форме является вопросительным предложением, а в устном тексте говорящие склонны размышлять в процессе говорения, что приводит к появлению вопросно-ответной метакоммуникативной формы изложения:

- *ну видимо это середина осени / судя по траве и деревьям // хорошая / ясная погода // - // деревня // - // ну что еще можно сказать? <смех> я не знаю что здесь еще сказать* [ж., 36, низкий УРК, юр., экстр., описание несюж.];
- *лужа какая-то / подорожники цветочки беленькие // ну что тут можно сказать? // больше тут сказать и нечего* [ж., 20, низкий УРК, студ., описание несюж.].

В данном случае наличие ответа самого информанта на вопрос что еще является маркером конца речи. Безусловно, такой вариант завершения речевого сценария характерен для носителей более низкого УРК.

Обычно метакоммуникатив что еще появляется в конце монолога, перед дискурсивным маркером финала все, иногда за 1–2 предложения до него:

- *а если солнышко / садится яркое / то будет жарко // не знаю / что еще // все наверно* [ж., 42, низкий УРК, мед., пересказ несюж.];
- *ну тени наверху они так ну нормально сделаны / хорошо / вот что там еще // облаков вроде не видно // ну я если честно (а) не знаю что и добавить / да / сучья какие-то кривые на этих деревьях / вот я думаю все* [м., 22, средний УРК, студ., описание несюж.].

Но иногда метакоммуникатив встречается уже после дискурсивного маркера финала, являясь своеобразной аргументацией, по какой причине завершился монолог (поскольку сказать больше нечего):

- *скорее всего наверно / прославиться / в большей степени / нежели порыбачить // вот и все // не знаю что еще тут* [ж., 46, высокий УРК, юр., амб., описание сюж.];
- *ну и все // а что? что еще? // - // приятная энергетическая картина* [м., 40, высокий УРК, юр., амб., описание несюж.].

Дискурсивным маркером финала в таком случае может являться и метакоммуникативный комментарий, с помощью которого информант оценивает соответствие монолога некоторым собственным представлениям о нормальном исполнении коммуникативного сценария:

- *(а) зеленые листья / (а) как бы просвечивают от солнечных лучей и создается ощущение / что это даже не картина а фотография / столько хватит / хорошо / не знаю что еще сказать* [м., 22, средний УРК, описание несюж.].

Помимо метакоммуникативной функции, конструкция что еще обладает гезитативной (информант заполняет паузу гезитации, устраняет речевую заминку) и дискурсивной (говорящий планирует свой монолог, решает, нужно ли чем-либо его дополнить). Многие условно-речевые единицы спонтанной речи полифункциональны, т. е. совмещают в своем функциональном поле несколько конкретных назначений. Такое употребление демонстрирует общую тенденцию к закону экономии речевых усилий при продуцировании спонтанной устной речи.

Единица что еще чаще встречается в речи женщин (67 % всех употреблений), информантов с низким УРК (59 %), в монологах-описаниях изображения (71 %), причем при описании несюжетного изображения говорящие прибегают к этой конструкции в 8 раз чаще, чем при описании сюжетного.

Все отмеченные функциональные особенности метакоммуникатива *что еще сказать* войдут в создающийся на филологическом факультете СПбГУ «Словарь прагматем» (подробнее о словаре см.: [Богданова-Бегларян 2014]), поскольку становится ясно, что описание различных частотных функциональных единиц русского языка не менее важно, чем описание собственно семантических его составляющих.

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 3 (27). – С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В. Хезитационные конструкции русской спонтанной речи как один из типов речевых автоматизмов: опыт лексикографического описания // Всемирный Виртуальный Конгресс по русистике и культуре «Планета “Русский язык” в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве». Болонский университет – Италия, МЭСИ – Россия, Мидлбери колледж – США, Университет Сан-Менг – Южная Корея, Национальный университет Аль-Фараби – Казахстан. – Форли, Италия, 2012. – С. 74–78.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб., 2013.
- Русская спонтанная речь. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы (CD) / Сост. Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт / Отв. ред. М. Краузе // Бюллетень Фонетического Фонда. – Бохум (Германия), 2016. (в печати).

Н. В. Козловская
Санкт-Петербург

Признаки окказионального слова в авторском философском термине

Основным объектом исследования в терминоведении являются термин и терминосистема. Взаимодействие логосных и лексисных факторов, обуславливающее многоаспектность термина, вызывает разноплановость и противоречивость его лингвистического описания. С этим связано, в частности, отсутствие единого, принятого всеми без исключения терминоведами, понятия «термин».

Вслед за Л.М. Алексеевой мы понимаем термин как средство вербализации мысли, модель, опосредованно отражающую явление действительности, и код – ввиду его принадлежности к определенной семиотической системе (см.: Алексеева 1998).

Философский термин занимает особое место среди терминов гуманитарных наук – прежде всего, в силу своей когнитивной насыщенности и особой семантической природы.

Одной из самых сложных в изучении русской философской терминологии следует признать проблему определения понятия «авторский термин». Функционирование этих лексических единиц в русской религиозной философии обусловлено особой ролью личности автора и стоящих перед ним предельных онтологических задач: не случайно Н. А. Бердяев назвал философию «раскрытием разумом вселенской истины», а ее основными задачами – «истинное решение проблемы реальности, проблемы свободы, проблемы личности» [Бердяев 1989: 21].

Авторский термин в русской философии конца XIX – начала XX вв. понимается нами как лексическая единица, реализующая авторскую идею и образованная морфологическим, синтаксическим или семантическим способом. Одним из основных свойств авторского философского термина является его принадлежность к авторской, или личностной, философской терминосистеме.

Характеризуя различные виды терминов, А.А. Реформатский отмечал, что они могут быть словами своего языка и заимствованными словами, международными, а также искусственно созданными словами.

Американский терминовед У. Флуд делит термины с точки зрения их образования на три группы (взяты из родного («обычного») языка, заимствования и «those which have been invented» – то есть изобретенные, созданные. К последним Флуд относит термины, образованные от топонимов (полоний, иттербий), от имен богов (торий, ванадий), от названий планет и астероидов (ураний, церий), от имен и фамилий ученых (кюриум, гадолиний, ватт, вольт, Гаусс, джоуль, дальтонизм, никотин, бакелит, менделевизм, фуксия, георгин) (см.: Flood 1960). Подобные единицы в целом характерны не только для научно-технического, но и для философского терминотворчества.

В русском философском тексте представлен особый тип терминов, которые являются специально созданными, сконструированными по различным словообразовательным моделям с использованием морфологического и морфолого-синтаксического способов. Такие термины

являются авторскими философскими новообразованиями и соотносятся, на наш взгляд, с понятием «окказионализм» (индивидуальное новообразование, не вошедшее в общее употребление): *без-местие, бесосновность, братственность, вселенскость, всекачественность, всеприсутствие, временность, всемство, время-пространство, коммюнитарность, ктовость, небесно-земледельческий, самость, падшесть, органосозидание, органотворение, отцетворение, патрофагия, патрофикация, полноорганность, психократия, супраморализм* и др.

На первом этапе исследования авторской философской терминологии мы использовали рабочее наименование «термин-окказионализм», при помощи которого нам хотелось подчеркнуть такие признаки описываемых единиц, как творимость и словообразовательную производность, ср.: «Окказиональное слово по самой своей сути обязательно должно быть производным словом, поскольку окказиональное слово представляет собой результат относительно свободной комбинации, по крайней мере, двух морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова» [Лыков 1976: 11].

Выбор «рабочего» термина, в содержании которого соединяется несоединяемое, был не случаен. Анализ внутренней формы сложного слова «термин-окказионализм» возвращает нас к анализу сущностных свойств философского термина вообще и авторского философского термина в частности. Это сходство философского термина с поэтическим словом, неоднократно подчеркиваемое в работах исследователей, ср. название книги Н.М. Азаровой «Язык философии и язык поэзии: движение навстречу» [Азарова 2010].

Философский термин и поэтическое слово объединяет тенденция к текстовому приращению смысла, расширению семантического объема и многозначности. Попытка подчеркнуть творимость анализируемых единиц, их авторское начало и привела к образованию безусловно неудачного с научной точки зрения понятия «термин-окказионализм».

Отказ от обозначения «термины-окказионализмы» обусловлен лингвистическими причинами: большинство признаков окказионализмов противоречит сущности термина как единицы лексической системы.

Единой, общепризнанной теории окказионализмов в отечественной лингвистике нет, хотя большинство исследователей сходятся в определении основных качеств этих слов: принадлежность к речи, за-

висимость от контекста, функциональная одноразовость и экспрессивность [Лыков 1976, Намитокова 2015, Попова 2005, Фельдман 1957].

Окказионализм тесно связан с определенным контекстом и реализуется только в нем, чего нельзя сказать о философских терминах, которые получают дальнейшее осмысление в трудах многочисленных последователей. Так, узловые философские термины *всеединство, всемство, патрофикация, самость, супраморализм*, безусловно, вышли за рамки определенного контекста и даже конкретной терминосистемы.

Если окказиональные слова выражают в особых языковых формах предельную конкретность соответствующих ситуаций и не претендуют на статус общеупотребительного слова, то философский термин, напротив, стремится преодолеть границы авторской терминосистемы и закрепиться в философском терминологическом узусе.

Тесная связь с контекстом обуславливает такое свойство окказионализма, как функциональная одноразовость, выражающееся в том, что окказиональное слово создается говорящим для того, чтобы оно было употреблено только один раз: «Абсолютная свежесть» окказионального слова передает уникальность ситуации, для которой оно создано, ее предельную конкретность» [Попова 2005: 20]. В специальной литературе отмечается, что абсолютная одноразовость не снимается ни фактом употребления окказионализма одним и тем же автором в разных произведениях, ни фактом употребления одного и того же новообразования разными авторами с целью цитирования. Очевидно, что попадание в философские словари «отменяет» факт одноразовости окказионального по своему происхождению обозначения философского понятия.

Многие лингвисты считают характерной чертой окказионализмов обязательную экспрессивность, эмоциональную окрашенность, эстетическую значимость. На наш взгляд, эти и другие качества в философском тексте не проявляются: мыслитель создает слово не для реализации эстетической функции, не для того, чтобы удивить, поразить или порадовать читателя. Главная цель — поиск наиболее точной формы обозначения нового или переосмысляемого понятия средствами родного языка. Показателен в этом отношении пример со стилистически нейтральным использованием слова «сплошность» в «Душе человека» С. Л. Франка:

«Первое, что мы наблюдаем в душевной жизни, есть присущий ей характер *сплошности, слитности, бесформенного единства*. ... Итак, невыразимый далее момент **сплошности**, слитности, бесформенного

единства есть первая характерная черта душевной жизни. ... Душевная жизнь <...> есть нечто среднее между тем и другим, вернее, есть состояние, не достигающее в логическом отношении *ни того, ни другого*: она есть некоторая экстенсивная **сплошность**, которой так же недостает интегрированности, как и дифференцированности, замкнутости и подчиненности подлинно единому центру, как и отчетливого расслоения на отдельные части. ... Именно отличие душевной жизни от сознания и самосознания, как и признание *степеней интенсивности* единства сознания, помогает уяснить *сплошность*, слитность душевной жизни и там, где на поверхности сознательной жизни имеет место некоторого рода раздвоение» [Библиотека лексикографа 2016].

В данном фрагменте созданное автором по словообразовательной модели «существительные со значением “непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным” с суффиксом *-ость*» слово реализует такие свойства окказиональной лексемы, как авторский характер, преднамеренность создания, соответствие продуктивной словообразовательной модели, а также аналогией с рядом стоящим словом *слитность*. Имеет значение и вхождение в рамках контекста в парадигму других слов такой же модели: интегрированность, дифференцированность, замкнутость и подчиненность; а также принадлежность философскому дискурсу. При этом о функциональной одноразовости, об однократности употребления не может быть и речи: обозначая специальное (в данном случае философское) понятие, созданное слово стремится к росту терминологичности, что видно даже из приведенных выше контекстов.

Следовательно, слово *сплошность* является философским термином, в котором — на словообразовательном и семантическом уровнях — проявляется не окказиональность в строгом смысле этого понятия, но окказиональное начало, или наличествуют некоторые признаки окказиональности.

Поскольку авторские философские термины исследованы очень мало, в работах отечественных лингвистов нет единого понятия для обозначения слов, созданных философами по определенной словообразовательной модели с целью обозначения нового философского понятия в рамках определенной терминосистемы. Л. Л. Шестакова в статье о языке Н. Ф. Федорова называет слова *супраморализм, отщепенство, патрофикация* неологизмами [см.: Шестакова 2010]. Р. Ю. Намитокова пишет об авторских новообразованиях, создавае-

мых с научной целью (протозвезда, звездотрясение И. С. Шкловского; вненаходимость, адресованность М. М. Бахтина).

В научной литературе, посвященной проблемам авторских новообразований, встречаются наименования, в которых подчеркивается фактор преднамеренности создания слова: писательские новообразования, творческие неологизмы, индивидуальные неологизмы, индивидуально-авторские новообразования, произведения индивидуального речетворчества и другие. Особого внимания применительно к философскому терминотворчеству заслуживает предложенный А. А. Аржановым термин эгологизм, который подчеркивает субъективный характер новообразования [см. Аржанов 1968].

Точным и исчерпывающим представляется дефиниция, предложенная Р. Ю. Намитоковой: «Авторские новообразования – это речевые инновации, функционирующие на уровне текста – и не отмеченные в словарях национального языка соответствующего данному автору времени, обладающие в силу своей невоспроизводимости признаком новизны и могущие превратиться в единицы языка при определенных благоприятных условиях» [Намитокова 2015: 55]. Данное определение нельзя безусловно перенести на авторский философский термин как таковой, но высветить его окказиональное начало такая дефиниция позволяет.

В зависимости от степени терминологичности философский термин может находиться на разных участках шкалы «окказиональное – узуальное». Однократно употребленные слова типа *патрофагия* (Федоров), *вселенскость* (Бердяев), которые мы вслед за Ю. С. Сорокиным называем терминологическими глоссами, тяготеют к окказиональности. Слова, обладающие терминологичностью (несущественно, в низкой или в высокой степени), сохраняют только некоторые свойства окказионализмов: творимость, авторский характер, заданность словообразовательной моделью, характерной для философского языка.

К признакам, противоречащим окказиональности, относятся: воспроизводимость (в частности, в термиinoisпользующих текстах), функционирование, выходящее за рамки одного текста, в ряде случаев – лексикографическое представление в терминологических словарях.

Итак, философские термины, относящиеся к охарактеризованному в статье типу, целесообразно называть авторскими терминообразовательными неологизмами: это обозначение, являясь несколько громозд-

ким по форме, отражает все содержательные признаки описываемого класса слов.

Литература

- Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. – М., 2010.
- Алексеева Л. М. Проблема термина и терминообразования. – Пермь, 1998.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1989.
- Бурькин А. А. (сост.). Библиотека лексикографа: электронный ресурс Словарного отдела ИЛИ РАН (Версия 2012 – 2016) [Электронный ресурс] / А. А. Бурькин.
- Лыков А. Г. Современная русская лексикология // Русское окказиональное слово: Учеб. пособие для филолог. факультетов. ун-тов. – М., 1976.
- Намитоква Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века). – Майкоп, 2015.
- Попова Т. В. Неология и неография современного русского языка. – М., 2005.
- Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языковедения. – 1957. – № 4.
- Шестакова Л. Л. О языке произведений Н. Ф. Федорова // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения). Сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. I / Сост. А. Г. Гачева, М. М. Панфилов. – М., 2010. – С. 421–429.
- Flood W.E. Scientific Words. Their structure and meaning. – New York, 1960.

В.А. Козырев, В.Д. Черняк

Русская лексикография в лицах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Интенсивное развитие отечественной лексикографии в последние десятилетия убеждает в том, что словарь – это особый социокультурный феномен, откликающийся на все изменения в жизни и в обществе и выразительно демонстрирующий картину динамических языковых процессов, представляющий «лексикографический отклик» на изменения в языке и в мире.

Обзор огромного массива словарей русского языка (более 3200 лексикографических изданий) позволил сформулировать некоторые общие тенденции, наблюдаемые в отечественной лексикографии конца XX–XXI вв.:

1. Следование традициям лексикографии XIX–XX вв.;
2. Системоцентризм и антропоцентризм;
3. «Настроенность» лексикографии на потребности пользователя, особая значимость «фактора адресата»;
4. Актуализация дидактического потенциала словарей;
5. Стирание жесткой грани между лингвистическими и энциклопедическими словарями.

Очевидна и заметная коммерческая составляющая словарного дела.

Анализ большого массива словарей выдвинул перед нами еще одну актуальную проблему, связанную с создателями словарной продукции. Отметим, что работа лексикографов как субъектов словарной деятельности до сих пор почти не исследовалась. «Фактор адресанта» стимулировал создание новой справочной книги – «Кто есть кто в русской лексикографии». Более 2700 подготовленных нами библиографических справок о составителях и редакторах словарей русского языка позволили увидеть новые ракурсы русской лексикографии – традиции словарного дела и современные лексикографические проекты, их пространственные и временные векторы, связь лексикографической практики с магистральными линиями развития лингвистики, а также оценить «человеческий фактор» в науке о словарях и в практике составления больших и малых словарей русского языка.

«Лексикография в лицах» позволяет обратиться к субъекту словарного дела, нередко даже формально скрытому за названием словаря. Не случайно для многих даже хорошо филологически образованных людей «лицо лексикографии» – это лишь несколько прецедентных имен лексикографов (Даль, Ушаков, Фасмер, Ожегов). Большинство создателей словарей остаются фактически безымянными. Между тем даже беглый обзор собранных сведений о лексикографах конца XVIII – начала XXI вв. позволяет увидеть и становление профессии лексикографа, и ее очертания в наши дни.

Краткая библиографическая справка о словарниках позволяет определить истоки словарного дела, увидеть, как постепенно оно превращалось из сугубо индивидуального труда в коллективные проекты (показательно большое количество исполнителей в наиболее объемных

лексикографических предприятиях, напр., коллектив «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах насчитывает 128 составителей, «Словаря русского языка XI–XVII вв.» – более 300).

Книга приоткрывает неизвестные или малоизвестные страницы истории создания словарей, а также научной биографии многих ученых, связанные с лексикографической деятельностью.

Например, становится очевидным, что начальный этап работы по созданию «Словаря русского языка XI–XVII вв.», издаваемого Институтом русского языка РАН, в полной мере связан с деятельностью с 1934 по 1952 гг. группы Древнерусского словаря и главной редакции Древнерусского словаря в Ин-те языка и мышления им. Н. Я. Марра (ныне Ин-т лингвистических исследований РАН): формирование картотеки, составление словарных статей, редактирование. Руководителем группы Древнерусского словаря, автором «Проекта древнерусского словаря (принципы, инструкции, источники)» (1936 г.) был Борис Александрович Ларин (1893–1964). В составе группы Древнерусского словаря в Ин-те языка и мышления им. Н. Я. Марра работали Борис Леонидович Богородский (1896–1985), Евгения Марковна Иссерлин (1906–1994), Лев Васильевич Успенский (1900–1978), Георгий Логгинович [Логгинович] Гейерманс (1900–1942) и др.; в главную редакцию Древнерусского словаря входили Анастасия Петровна Евгеньева (1899–1985) (она была ученым секретарем главной редакции), Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987), Павел Яковлевич Черных (1896–1970), Борис Иванович Коплан (1898–1942, по другим сведениям – 1941) (ученый секретарь главной редакции), Михаил Дмитриевич Приселков (1881–1941), Борис Александрович Романов (1889–1957), Дмитрий Иванович Абрамович (1873–1955) и др. Все они принимали непосредственное участие в формировании картотеки, составлении словарных статей, редактировании Древнерусского словаря. К осени 1952 года, когда картотека и все подготовленные материалы по 1–3 томам были переведены из Ленинграда в Москву, картотека Древнерусского словаря содержала 1 млн 200 тыс. карточек-цитат (для сравнения: в настоящее время картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» содержит до 1,5 млн словарных цитат).

На основе значимых словарей формировались и формируются лексикографические центры. Кроме общепризнанных лидеров теории и практики русской лексикографии – академических учреждений (Институт лингвистических исследований, Институт русского языка), следует назвать университетские лексикографические центры,

например: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина СПбГУ, Томскую диалектологическую школу под руководством Ольги Иосифовны Блиновой (диалектные словари различных типов: «Вершининский словарь», «Полный словарь сибирского говора», «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», «Полный словарь диалектной языковой личности», «Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья», «Словарь образных слов и выражений народного говора», «Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)» и мн. др.), кафедру современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) под руководством Людмилы Григорьевны Бабенко (толковые идеографические словари русских глаголов, существительных, прилагательных, словари синонимов русского языка и др.).

На протяжении XVIII–XIX вв. формировалась сама профессия лексикографа. Примечательно, что 170 составителей словарей доушаковской эпохи представляют широкий спектр профессий людей, занимавшихся составлением словарей: педагог, философ, историк, географ, ботаник, священник, краевед и даже акушер и пристав. Их перу принадлежали словари различных типов, общей чертой которых был отчетливо выраженный энциклопедизм. Приведем некоторые примеры:

Берында Памва [Памво, в миру Павел] (середина XVI века – 1632) – инок и архитипограф Киево-Печерской лавры; лексикограф, поэт, переводчик, гравер и издатель; автор «Лексикона славенороссийского...».

Амбодик-Максимович Нестор [Нестер] Максимович (1744–1812) – ученый-акушер, педиатр, ботаник, фитотерапевт, геральдист; автор «Анатомо-физиологического словаря...» [56], «Словаря ботанического...» [58] и «Нового ботанического словаря...» [57].

Анненков Николай Иванович (1819–1889) – преп. средних учебных заведений, директор Лесного комитета и Комитета акклиматизации растений при Московском обществе сельского хозяйства (в разные годы); специалист по сельскому и лесному хозяйству, ботаник, флорист-систематик, фенолог; автор справочно-лексикографических изданий: «Ботанический словарь...», «Простонародные названия русских растений».

Берг Федор Николаевич (1839–1909) – литератор, публицист, общественный деятель; редактор журнала «Русский вестник» и газеты «День»; редактор «Словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка».

Минх Александр Николаевич (1833–1912) – офицер, участник Крымской войны, после отставки – мировой посредник, позже – мировой судья в Саратовской губернии; историк, краевед, этнограф, археолог, член Императорского Российского геогр. общества; собиратель материалов по этнографии и фольклору народов, населявших Саратовскую губернию, сведений по археологии и топонимике Саратовского Поволжья; автор книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии»; составитель «Историко-географического словаря Саратовской губернии», переизданного в наши дни.

Естественно, что создаваемые людьми разных специальностей словари, несли заметный отпечаток основной деятельности составителя и сохраняли значительную долю энциклопедизма в толкованиях. В наши дни эта тенденция обнаруживается как в создании словарей, пограничных между лингвистическими и энциклопедическими, так и в активно развивающейся любительской лексикографии. Например: генеральный директор агентства по недвижимости «Профиль» (г. Калининград) Арнольд Алексеевич Безгодов – филолог-любитель, автор словаря «Рифмы и ударения в русском языке»; учитель русского языка и литературы в школах Ярославской и Костромской областей Александр Вячеславович Громов (1922–2012) – краевед, диалектолог-любитель, автор словаря «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»; Нина Федоровна Лазоркина (г. Смоленск) – литературовед-любитель, автор нескольких словарей рифм; учитель русского языка и литературы (г. Челябинск) Наталья Владимировна Статина – краевед, генеалог-любитель, автор региональных исторических словарей фамилий. Перечень лексикографов-любителей легко может быть продолжен. В основном это краеведы, составители добротных региональных топонимических и диалектных словарей.

Однако любительская лексикография в ряде случаев дискредитирует сам статус словаря. В качестве примеров негативного опыта любительской лексикографии могут быть приведены этимологические словари Николая Николаевича Вашкевича – преподавателя Военного института иностранных языков, арабиста, военного переводчика, автора любительских работ в области лингвистики, не признанных специалистами, в том числе монографий («Всемирный периодический закон: введение в смысловую логику: новая этимология, разгадка мифов и легенд, формула души, этимология, язык и физиология, про-

буждение сознания» и под.) и словарей («Словарь этимологических и сокрытых значений», «Идиомы: этимологический словарь от А до Я»). Нельзя не упомянуть и псевдонаучный «Словарь сути слов», якобы объясняющий изначальный, «истинный» смысл слов русского языка. Его редактором является Василий Павлович Гоч, руководитель секты «Школа Причинности», позиционирующий себя как «доктор филологических и технических наук, доктор науки в современном языкознании, профессор лингвистики» и т. п.

В некоторых случаях имена составителей словарей переносят нас в пространство языковых игр. Таковы, например, словари, изданные под псевдонимами Василия Буга, Уоллера Мак-Киенго, Ю.А. Хлестакова.

В краткой информации о научной специализации лексикографа важно, какое место – основное или дополнительное – занимает лексикографическая работа. С этой точки зрения наблюдаются две тенденции: с одной стороны, лексикография на всем протяжении научной деятельности ученого оказывается в центре его научных поисков (такова, например, неустанная лексикографическая деятельность Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караурова, В. В. Морковкина, В. М. Мокиенко, Г. Н. Скляревской, Л. П. Крысина, Л. Л. Шестаковой и мн. др.), с другой стороны, крупные лингвисты на определенном этапе своей работы обращаются к лексикографии, видя в словарной форме возможность представления результатов того или иного этапа исследований. В качестве примера можно привести научное творчество профессора Сакмары Георгиевны Ильенко, которая выдвинула и обосновала принцип лексико-синтаксической координации, ставший одним из основных в изучении синтаксического строя и существенно расширивший информативный потенциал лексикографических изданий. «Лексико-синтаксический словарь» (авторы С. Г. Ильенко и ее ученица И. Н. Левина), который воплощает концепцию лексико-синтаксической координации и впервые представляет в лексикографической форме коммуникативно-структурную природу сложного предложения, – закономерный этап научного творчества профессора С. Г. Ильенко и новое слово в русской лексикографии.

Лексикографические проекты – всегда коллективное дело. От того, насколько коллектив организован единой концепцией, зависит успешность реализации проекта.

Примеров целенаправленной работы крупных лексикографических коллективов немало. Один из наиболее выразительных – плодотворная

лексикографическая деятельность сотрудников Межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина, открытого 1 сентября 1960 г. по инициативе проф. Б. А. Ларина как научная лаборатория по составлению экспериментальных словарей разного типа. Научными руководителями Межкафедрального словарного кабинета были известные лексикографы: Борис Александрович Ларин (рук. в 1960–1964 гг.), Святослав Семенович Волков (рук. в 1964–1965, 1978–1983 гг.), Никита Александрович Мещерский (рук. в 1965–1978 гг.), Александр Иванович Корнев (рук. в 1983–1987 гг.), Ольга Сергеевна Мжельская (рук. в 1987–1997 гг.), Александр Сергеевич Герд (рук. в 1998–2016 гг.). Сейчас научным руководителем кабинета является Валерий Михайлович Мокиенко. Уже при создании Межкафедрального словарного кабинета Б. А. Ларин наметил основные направления научно-исследовательской и лексикографической работы словарной лаборатории (региональная, историческая, писательская лексикология и лексикография) и вместе с коллегами приступил к практической реализации своего замысла: он был автором идеи, руководителем авторского коллектива (до 1964 г.), одним из редакторов и соавтором-составителем «Псковского областного словаря с историческими данными», основателем и соавтором-составителем «Словаря автобиографической трилогии М. Горького», автором идеи «Словаря “Моления” Даниила Заточника». В результате работы по этим направлениям сложилась Ларинская лексикографическая школа. На ее счету уже завершенные проекты: «Словарь русских говоров Низовой Печоры» (рук. Людмила Александровна Ивашко), «Словарь “Моления” Даниила Заточника» (рук. Евгения Марковна Иссерлин), «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (рук. Людмила Степановна Ковтун); продолжающиеся проекты: «Псковский областной словарь с историческими данными» (рук. Ирина Сергеевна Лутовинова), «Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь» (рук. Александр Сергеевич Герд), «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (рук. Ольга Владимировна Васильева), идет работа над созданием «Идеологического словаря М. Горького “Жизнь Клим Самгина”» (рук. Дина Михайловна Поцепня). Сегодня к намеченным Б. А. Лариным направлениям добавились фразеология, паремиология, жаргонология – области, в которых активно работает Валерий Михайлович Мокиенко и его ученики и коллеги.

«Лексикография в лицах» наряду с интенсивной и плодотворной работой отдельных ученых и научных коллективов представляет и

другую сторону словарного дела, особенно отчетливо обнаружившуюся в последние два десятилетия и связанную с новыми техническими возможностями. Популярные, в том числе учебные, словари нередко создаются людьми весьма случайными, не связанными ни с научными коллективами, ни с научными школами. Так, Ольга Дмитриевна Ушакова – автор (или некоторый собирательный образ «лексикографических негров»), указанный на титульном листе более 500 книг издательства «Литера» (Санкт-Петербург): учебных пособий для школьников (главным образом по русскому языку, а также по литературе, английскому языку, химии, физике, географии и мн. др.), различных школьных словариков: толкового, синонимов и антонимов, эпитетов, трудностей русского языка, словариков по орфоэпии, орфографии, морфологии, словообразованию, фразеологии, этимологии русского языка.

Мы остановились лишь на некоторых особенностях «лексикографического ландшафта», которые обнаруживаются при обращении к лаконичным портретам тех, кто этот ландшафт создавал и создает. Эта важнейшая составляющая лексикографического пространства заслуживает дальнейшего изучения.

Литература

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография в лицах. – СПб., 2016.

И. С. Куликова, Д. В. Салмина,
Санкт-Петербург

Художники слова об эстетическом потенциале частей речи (по материалам Национального корпуса русского языка)

*Времена глаголов, местоимения –
все сие требует утонченных действий разума.*

Н. М. Карамзин.

Взгляд писателя и поэта на язык выходит далеко за рамки «бытовой философии языка», определяясь его взглядом на язык как на материал, обладающий определенным эстетическим потенциалом. Способность художника слова видеть скрытые от простого глаза возможности языка распространяется и на основные части речи: существительное, глагол

и прилагательное. Их эстетическая ценность многократно измерена как в художественной практике, так и в ее осмыслении А. Белым, И. Анненским, Б. Пастернаком, В. Набоковым, В. Катаевым, К. Паустовским, И. Бродским и др. Соответствующие контексты предполагают использование общеизвестной лингвистической терминологии в ее собственном значении и осмысление стоящих за ними языковых объектов в ключе, если так можно выразиться, эстетической прагматики.

Наше внимание привлекли представленные в НКРЯ небольшие фрагменты из книги Вадима Шершеневича « $2 \times 2 = 5$ » (1920). Формулировки типа «прилагательное – это обезображенное существительное» шокировали. Парадоксальность авторских оценок поэтического потенциала трех частей речи стимулировала обращение к целому тексту этого теоретика имажинизма, проповедовавшего аграмматичность поэзии: «...имажинизм, как культуртрегерство образа, неминуемо **должен размножить** существительные в ущерб глаголу. Существительное, **существенное**, освобожденное от грамматики или, если это невозможно, **ведущее гражданскую войну с грамматикой**, – вот главный материал поэтического творчества <...> **Существительное** – это тот продукт, из которого готовится поэтическое произведение». «Врагом» существительного – непосредственного воплощения образа – в этой «гражданской войне» объявляется глагол, поэтическая ценность которого полностью отрицается: «Глагол – это даже не печальная необходимость, это просто болезнь нашей речи, аппендикс поэзии <...> Глагол – это твердый знак грамматики: он нужен только изредка, но и там можно обойтись без него». Причина такого отношения к глаголу в его неустранимой грамматичности, которая адекватно оценивается автором: «Глагол есть главный дирижер грамматического оркестра. Это палочка этимологии. Подобно тому как сказуемое – палочка синтаксиса». А потому лозунг аграмматичной поэзии «Долой глагол! Да здравствует существительное!»

Негатив, хотя и несколько смягченный, распространяется и на прилагательное, причем основой аксиологического контекста и этого частеречного термина в тексте Шершеневича – в полном соответствии с поэтикой имажинизма – становится россыпь метафор: «Если глагол пытается дешевой пленить деятельность образного существительного, то прилагательное изображает и живописует заложенное в существительном. Оно является зачастую той лопатой, которая из недр земли выкапывает драгоценные блестики. Основное преимущество при-

лагательного *перед глаголом в том, что прилагательное не подвержено изменению по временам. Как бы скверно ни было прилагательное, мы не должны забывать благородства его крови.* Прилагательное – *ребенок существительного, испорченный дурным обществом степеней сравнения, близостью к глаголу, рабской зависимостью от существительного.* Прилагательное *не смеет возразить ни числом, – ни падежом, ни родом существительному, но оно дитя существительного, и этим сказано многое*». Как и глагол, русское прилагательное, по Шершеневичу, «испорчено» неустранимостью его формально-грамматических свойств, хотя и способно украсить существительное «драгоценными блестками». *Но все же «существительное есть сумма всех признаков данного предмета, прилагательное лишь один признак»* [Шершеневич 1996: 408–412].

Любопытно, как эта теория реализуется в поэтической практике Есенина: *Разрезали бумагу на мелкие квадратики. Начали играть в примитивную стихомашину. – Глагол – пустяк, глагол подразумевается, глагол будет найден после. Пиши существительные, я буду писать прилагательные, – заметил Есенин. Стали наугад соединять его прилагательные с моими существительными. Игра была неудачной* (И. В. Грузинов. Есенин).

При всей тонкости и – надо признать – лингвистической адекватности метафорической интерпретации трех основных частей речи у Шершеневича, позиция автора отражает лишь частный случай и не может быть распространена на теорию поэтики и стилистики языка художественной литературы в целом.

При этом по отношению к существительному и глаголу возможна, если позволительно так выразиться, монограмматическая позиция предпочтения одной из этих частей речи: *Предметы внешнего мира, предметы обихода, имена существительные, теснясь и наседая, завладевали строчками, вытесняя вон менее определенные части речи.* [Б. Л. Пастернак]; *...это такая простая, обычная история, что для пересказа ее не надо даже глаголов: можно обойтись одними существительными* [А. В. Амфитеатров]. Существительное закрепляется как оптимальная языковая форма заглавия: *И потом: что это за безвкусице делать заглавие рассказа из существительного и глагола? <...> Дай мне простое и выразительное заглавие из одного существительного!.. – Из существительного?.. – Да, из существительного* [А. И. Куприн].

Существительному присущи такие важные с точки зрения эстетической прагматики качества, как лаконизм и точность, простота формы

и одновременно смысловая емкость, вещьность и скрытая в слове описательность. Кроме того, это грамматически наиболее самодостаточная часть речи. Однако синтаксическая основа художественного текста – это все же двусоставное предложение с подлежащим-существительным и сказуемым-глаголом с распределением эстетических функций между ними: Существительное – *это изображение*. Глагол – *действие*. По соотношению количества существительных с количеством глаголов можно судить о качестве прозы [В. П. Катаев]. Такая морфолого-синтаксическая модель может мыслиться как идеал простоты художественного языка, как мечтал писать И. А. Бунин: *...совсем, совсем просто. Уж чтобы проще некуда!* Существительное, глагол, точка, ну – *может быть!* – самое необходимое придаточное предложение, по-детски ясное. *Как басня. Как молитва. Как сказка* [В. П. Катаев]. Однако это всего лишь декларация, и у самого Бунина, признанного мастера прозрачной русской прозы, *такой* «совсем-совсем» простоты нет.

Ну а что же с прилагательным? Эта часть речи, грамматически прочно связанная с существительным (его «ребенок», «дитя», по Шершеневичу), с одной стороны, усиливает образительность и выразительность последнего, а с другой – легко подменяет красоту красотой, художественность – псевдохудожественностью. Еще М. Е. Салтыков-Щедрин предостерегал: «С прилагательными именами *надлежит обращаться с большею разборчивостью, нежели та, с которою обращался повар Ноздрева с ингредиентами стола своего барина*» [1868-1883]. Но, пожалуй, наиболее лаконично сформулировал проблему прилагательного как художественного средства К. Г. Паустовский: «*Пусть существительное живет само в своей простоте<...> Я считаю, что существительное требует только одного прилагательного, самого отобранного<...> Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений*» [1958]. Ср. также: *...избыток прилагательных может убить фразу?* [Василий Аксенов]. Таким образом, проблема прилагательного – это проблема ограничения, отбора и выбора.

Иосиф Бродский формулирует проблему-вопрос и сам отвечает на него: *Когда мы научимся употреблять существительные без прилагательных? Это смотря какое существительное. И смотря какое прилагательное* [1990]. Это утверждение Бродского может восприниматься как универсалия, распространяемая поэтом на все области словесного творчества: *Я не называю поэзию Ахмадулиной мужественной, но не*

потому, что это рассердит множество женоподобных особей – просто поэзии смешны прилагательные. Женский, мужской, черный, белый – все это чепуха; поэзия либо есть, либо ее нет. Прилагательными обычно прикрывают *слабость* [И. А. Бродский].

Отношение к прилагательному маркирует художественный стиль или даже стилистику целого художественного направления. Анализируя стиль Бальмонта, Иннокентий Анненский так формулирует свое понимание эстетической ценности этой части речи как средства поэзии символистов: *Большая зыбкость прилагательного, а отсюда и его большая символичность, так как прилагательное не навязывает нашему уму сковывающей существенности, делает прилагательное едва ли не самым любимым словом Бальмонта... Есть у него пьеса «Закатные цветы», где скученность прилагательных красиво символизирует воздушную навислость слоисто-розовых облаков* [И. Ф. Анненский]. Приведем здесь строфу этого стихотворения: *О, краски закатные! О, лучи невозвратные!* Повисли гирляндами облака *просветленные*. Равнины туманятся, и леса *необъятные*, Как будто не жившие, навсегда *утомленные*.

На этом фоне интересно смотрится фрагмент из «Записок психопата» Венедикта Ерофеева. Писатель решает пародийную задачу, перекликающуюся с приведенным стихотворением Бальмонта: *Если хоть одна строка не кончается прилагательным, автор торжественно провозглашается кретином* [Венедикт Ерофеев]. Его стихотворение – приговор не столько прилагательному, сколько неприемлемой для Ерофеева, чья языковая стихия – разговорная речь, традиции его использования; в стихотворении собран, кажется, весь арсенал поэтических эпитетов-штампов. Ограничимся последними строками пародии: *Так не жди же нежданного И не требуй далекого, Навсегда одинокая Дева страстно желанная, Дева смутно-прекрасная, Боязливо-стыдливая, До забвенья ревнивая, До безумия страстная!!!».*

Иосиф Бродский, давший развернутую и тонкую оценку прозы Сергея Довлатова, видит в его стремлении «к лаконичности, к лапидарности» не только преодоление литературной классической традиции, но и конфликт с самой русской ментальностью: *Выражающийся таким образом по-русски всегда дорого расплачивается за свою стилистику. Мы – нация многословная и многосложная; мы – люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных. Говорящий кратко, тем более – кратко пишущий, обескураживает и как бы компрометирует*

словесную нашу избыточность [И. А. Бродский]. Таким образом, вопрос о месте прилагательного в русскоязычном творчестве перерастает у Бродского в философию «завихряющихся прилагательных» как русского национального способа мышления и говорения о мире.

При всей небесспорности предложенного Бродским поэтического видения русской ментальности, это во многом объясняет выявленную по данным НКРЯ ситуацию: прилагательное как категория грамматики значительно больше заботит мастеров слова, нежели другие части речи, становясь при этом своего рода «антигероем» частеречной мистерии, где на ролях бесспорных «положительных» героев подвизаются существительное и в несколько меньшей степени – глагол.

Литература

Шершеневич В. Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы /сост., предисл., примеч. В. Ю. Бобрецов. – Ярославль, 1996.

М.А. Лаппо
Новосибирск

Идеологический компонент значения этнонимов: динамика его отражения в толковых словарях

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Вопрос о прагматическом макрокомпоненте значения языковых единиц тесно связан с дискуссией о словарях активного типа: их разновидностях и назначении, структуре и объеме словарной статьи, соотношении энциклопедической и коммуникативно значимой информации. По Г. Н. Скляревской, учет в словаре прагматического аспекта сосредоточивает внимание «на тех компонентах смысла, которые демонстрируют условия и формы функционирования слова в типовых актах речи», а «выделение этих компонентов в качестве специального объекта лексикографического описания позволит дать более полное и адекватное языковой действительности представление о содержании лексического значения и его структуре» [Скляревская 1995: 70]. Безусловно также, что при подготовке словарей следует руководствоваться

их социальной функцией, названной В. А. Козыревым и В. Д. Черняк: «...именно словарям принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа, в формировании лингвистически компетентного члена языкового коллектива» [Козырев, Черняк 2014: 12].

Необходимо отметить, что непроходимой границы между традиционным словарем и словарем активного типа нет, так как любой словарь эксплицитно или имплицитно фиксирует прагматически значимую информацию, занимая позицию идеолога, пропагандиста своего времени (см. об этом в работах М. Ю. Дымарского [1994], Г. Н. Скляревской [1995, 1997], Е. Ю. Булыгиной и Т. А. Трипольской [2015а, 2015б] и др.).

Тематическая группа номинаций по этническим признакам была осмыслена как необходимый объект для фиксации в словаре довольно поздно. Впервые дефиниции этнонимов в русскоязычном лексикографическом дискурсе встречаются в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» под ред. Ф. Толля (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Справочный энциклопедический лексикон, составляемый под редакцией Ф. Толля, в 12 выпусках или 3 томах. СПб., 1863–1864). В лингвистическом словаре группа этнонимов впервые последовательно была представлена только в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, 1935–1940 (ТСУ). К нашему анализу были также привлечены следующие толковые словари: «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В. И. Чернышева, 1948–1965 (БАС), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, 1981–1984 (МАС), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, 1998 (БТСРЯ), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1997 (ТСОШ), а также разновременные энциклопедические словари и Национальный корпус русского языка.

Анализ данного материала показал, что в структуру прагматического макрокомпонента номинаций по национальному признаку входят идеологический и эмоционально-оценочный микрокомпоненты значения. Отечественный толковый словарь в целом представляет этноним как нейтральную лексему в зоне толкования, а в некоторых случаях в зоне иллюстрации использует прагматически маркированный контекст. Идеологический микрокомпонент выявляется только при сопоставлении зон толкования лексем в разновременных словарях, а эмоционально-оценочный – в ходе анализа иллюстративного словарного материала и всех употреблений в корпусе.

«Идеологизация» тематической группы этнонимов. При определении идеологического микрокомпонента в словарях советского периода следует обращать внимание на идентификатор, или центральное понятие в дефиниции, – слова *племя, народность, народ, нация*. Поскольку в советской науке термин *народность* употреблялся «для обозначения типа этноса, занимающего промежуточное положение между племенем (или союзом племен) и нацией» [Новая российская энциклопедия 2013: 88], использование слова *народность, а не народ* или *нация* маркирует более низкий статус данного этноса в аспекте его развития. Лексемы *нация, народ* и *народность* в ТСУ отождествляются:

НАРОДНОСТЬ <...> (книжн.). 1. То же, что *народ* во 2 знач.

НАРОД <...> 2. То же, что *нация, национальность*.

Однако в толкованиях этнонимов словарь придерживается указанного выше принципа советской идеологии:

БУРЯТЫ <...> Одна из монгольских *народностей* в Сибири.

ЕВРЕИ <...> Одна из *народностей* семитического племени.

ТАДЖИКИ <...> **Народ** иранской языковой группы, составляющий основное население Таджикской ССР.

Указание на место проживания представителей той или иной национальности (или его отсутствие) также становится инструментом манипуляции, показателем идеологизированной информации в аспекте категории «свое – чужое»: «свое» – *Сибирь, СССР*, «чужое» – или *другая страна*.

Следует отметить, что политизированность информации, связанной с национальным вопросом, особенно ярко прослеживается в энциклопедических словарях советского периода. Так, в «Большой советской энциклопедии» [1969–1978] в статье «Нация» говорится: «Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, можно предвидеть, что полная победа коммунизма во всем мире создаст условия для слияния наций и все люди будут принадлежать к **всемирному бесклассовому и безнациональному человечеству** [выделено нами. – М. Л.], имеющему единую экономику и единую по содержанию богатейшую и многообразную коммунистическую культуру»; в статье «Немцы» указывается, что «в ГДР развивается **социалистическая немецкая нация**».

Все рассмотренные нами толковые словари в целом проявляют осторожность в использовании иллюстративного материала в статьях, толкующих лексическое значение этнонимов. Бессистемно, непоследовательно в ТСУ фиксируются те или иные национальные стереотипы:

ЦЫГА'НЕ <...> *Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют.* Пушкин.

ЧЕЧЕ'НЦЫ <...> **Не спи, казак: во тьме ночной чеченец ходит за рекой.** Пушкин. *Чечен ползет на берег, точит свой кинжал.* Лермонтов.

Ср. со следующим примером, где иллюстративный материал не столько отражает какое-либо существующее устойчивое представление о немцах, сколько формирует, навязывает его:

НЕ'МЦЫ <...> *Швейцарские н., австрийские н., германские н. – различные. **Совсем отличны от них н. Поволжья** – граждане Советской страны.*

В БАС можно обнаружить самый богатый, развернутый, по сравнению с другими толковыми словарями, иллюстративный материал в статьях этнонимов, в нем, как известно, используются фрагменты художественных, научных и публицистических текстов. Приведем пример языкового насилия, этнополитического искажения, в котором отрицается возможность существования нации:

ЕВРЕИ <...> *Еврейский вопрос стоит именно так: **ассимиляция или обособленность?** – и идея еврейской национальности носит явно **реакционный характер** не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократов (бундовцы). Ленин, Положение Бунда в партии.*

«**Деидеологизация**» тематической группы этнонимов. Современные энциклопедические словари делают попытку деидеологизации этнонимов: например, в «Краткой Российской энциклопедии» [2003] не дифференцируются категории *народ, народность* и *нация*, этносы любого типа, расы, численности называются *народом*.

Более поздние и современные лингвистические словари, в целом отказавшись от номинации «народность», используют лексемы *нация* или *народ*. Например:

БУРЯТЫ <...> **Нация**, коренное население Бурятской АССР, а также лица, относящиеся к этой нации (МАС).

БУРЯТЫ <...> **Народ**, коренное население Бурятии; представители этого народа (БТСРЯ).

Деидеологизация этнонимов в толковых словарях происходит и за счет постепенного отказа от иллюстративного материала: в МАС примеры носят единичный, непоследовательный характер, в ТСОШ и БТСРЯ иллюстрации при дефинициях этнонимов отсутствуют.

Реидеологизация. В то же время в БТСРЯ совершается семантическая революция, а именно фиксируется развитие семантической структуры этнонимов, появление лексико-семантических вариантов со значением характеристики лица. Например:

ЦЫГАН. Разг.-сниж. О бродяге, попрошайке. Жить цыганом. Больше ничего не проси, и, какой нашелся.

ЧУКЧА. Разг. О наивном, простодушном человеке.

КИТАЕЦ. Разг. Хитрый человек. ◊ Хитер как сто китайцев кто-л. О хитром человеке.

Эти и подобные значения имеют ряд ограничений в употреблении: носят разговорный характер и, как правило, являются синтаксически связанными (как *китаец, жить цыганом, ты чукча?!),* что требует специального пояснения в словарной статье. По нашему мнению, идея вычленения лексико-семантических вариантов со значением характеристики лица парадоксально совмещает две противоположные тенденции (желание отделить национальный стереотип от наименования этноса и лексикографическое закрепление данного стереотипа) и, следовательно, нуждается в дополнительном лингвистическом и/или психолингвистическом изучении.

Итак, лингвистические и энциклопедические словари советского периода демонстрируют тенденцию к идеологическому и языковому насилию, к восприятию народов и лиц, к ним принадлежащих, как имеющих разный уровень развития и степень опасности, относящихся к «своим» или «чужим». Современные лексикографические источники придерживаются нейтральной, предельно лаконичной подачи этнонимов, что выражает идеи равенства народов и толерантного к ним отношения.

Литература

Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М., 1969–1978.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2015б. – Т. 14, № 2. – С. 61–67.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015а. – № 2 (24). – С. 28–40.

Дымарский М. Ю. Словарь как орудие манипуляции общественным сознанием // Проблемы русской лексикографии. Шестые Шмелевские чтения. – М., 2004. – С. 31–34.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1. – С. 5–15.

Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. – М., 2003.

Новая российская энциклопедия: в 12 т. / Гл. ред. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов. – М., 2013. – Т. 11.

Скляревская Г. Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб., 1997. – С. 6–13.

Скляревская Г. Н. Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 63–71.

И. Г. Милославский
Москва

Отражение в языке перемен в жизни: новое именование VS увеличение многозначности существующих

XX век – это время, когда женщины активно стали занимать те позиции в обществе, которые раньше были исключительной привилегией мужчин. Это изменение в жизни общества естественно потребовало и отдельных номинаций для женщин и мужчин, выступающих в одних и тех же общественных ролях. К тому времени в русском языке многие коррелятивные образования от названий профессий-должностей уже были заняты дериватами, обозначавшими исключительно «жен по мужу»: *казначейша, докторша, губернаторша* и т.п. Впрочем, в русском языке издавна существовали и другие соотносительные обозначения: *боярин – боярыня, дворянин – дворянка, крестьянин – крестьянка, император – императрица, государь – государыня* и т.п., где первые члены пар обозначали мужчин, а вторые – женщин, причем в двух значениях, как «женщина, самостоятельно играющая определенную социальную роль» и как «женщина – жена, муж которой играет определенную социальную роль». Иными словами, в этой оппозиции сильным членом было слово, обозначающее «мужчина, играющий определенную социальную роль», а слабым – производное слово, которое обозначало «женщину», имеющую «неясное отношение к социальной роли, то ли

как «самостоятельное», то ли как «жена» мужа, исполняющего эту роль. Эта ущербность языкового выражения в условиях равноправия полов была четко осознана уже в середине прошлого века.

При этом русский язык располагал для необходимой дифференциации не только возможностями суффиксации, но и синтаксическим согласованием, которое использовали для дифференциации по параметру «пол» – «мужской» или «женский» слова общего рода: *наш староста пришел – наша староста пришла; к нашему Жене (Саше, Вале) – к нашей Жене (Саше, Вале)* и т.п. Однако, как стало ясно уже к концу прошлого века, русский язык крайне слабо использовал обе эти возможности. Образования типа *врачиха, агрономша, президентша* оказались не только двусмысленными, но весьма малочисленными, а также скомпрометированными пейоративными проявлениями. Синтаксические возможности оказались реализованными исключительно для словоформ именительного падежа единственного числа, причем в ограниченной степени: *наш декан* (пол неизвестен) – *декан сказал* (пол неизвестен); *наша декан* (женщина) – *декан сказала* (женщина). В других падежах единственного числа (в отличие от слов общего рода) такая дифференциация по полу оказалась вовсе невозможной: *к нашему декану* (пол неизвестен) – **к нашей декану* (невозможно!). Во всех формах множественного как у «исконных» слов общего рода, так и слов, жаждущих разделения на «мужской пол» и «женский пол», такая дифференциация синтаксическим путем совсем не реализуется.

Развитие пошло совсем по-другому, третьему, пути, когда исходные слова, обычно мужского рода, что в данном случае совершенно неважно, расширили свое значение. *Директор, секретарь, председатель, начальник, руководитель, врач, доктор, профессор, преподаватель, хирург* и подобные, прежде обозначавшие лиц мужского ПОЛА по их социальным ролям, стали обозначать лиц обоего пола, без гендерной дифференциации. Иными словами, равноправная оппозиция типа *секретарь* (мужчина) – *секретарша* (женщина), *начальник* (мужчина) – *начальница* (женщина), если и существовала, то сменилась на привативную. Причем слабым членом стало уже производящее, обозначая не только лицо мужского пола, но лицо, пол которого неизвестен, т.е. может быть и мужским, и женским (ср. оппозицию типа *хозяин – хозяйка*, где слабым был второй член, уже не по параметру «пол», а по параметру «самостоятельно» – «в силу замужества»).

В связи с этим особо отмечу не являющуюся исключением оппозицию *учитель – учительница*, где второй член (сильный) обозначает лицо женского пола, а первый (слабый) оставляет характеристику по полу невыраженной: *Он – учитель* и *Она – учитель*; *Мой брат – учитель* и *Моя сестра – учитель*. Последнее соображение показывает ущербность определения РОДА существительного через замену на *ОН – ОНА*; эффективен для такого определения лишь способ согласованных слов: *хороший учитель был*, но **хорошая учитель была* (невозможно).

Можно предполагать, что высказанные соображения имеют ценность не только для весьма заезженной темы о соотношении рода и пола в русском языке. Дело в том, что многие новые явления жизни в современном русском языке также не получают специального, своего собственного именованья, но включаются в качестве одного из возможных частных значений другого уже существующего именованья. Иными словами, вместо появления вслед за новым феноменом нового слова со своим собственным значением происходит увеличение количества значений у уже имеющегося слова. Приведу примеры.

Распространившееся в последнее время «срастание представителей преступного мира с сотрудниками правоохранительных органов» не получило собственного краткого и ясного именованья (кроме, может быть, не гибкого и мало тиражируемого *оборотни в погонах*). Зато расширился круг значений, который может стоять за словом *коррупция*, хотя совершенно ясно, что упомянутое явление весьма существенно отличается от казнокрадства, взяточничества или злоупотребления служебным положением и даже попустительства, а тем более от предательства или измены.

Как и *коррупция*, расширило свое значение слово *провокация* за счет обозначения не только действий, направленных на такую реакцию другого, которая наносит вред ему самому (*не поддавайтесь на провокации!*), но за счет обозначения **любых** действий, направленных на реакцию со стороны объекта, например, *провоцировать ответ* (в медицине или в научной дискуссии).

И слово *художник* в современном русском языке – это не только «живописец», но творец в любой области искусства. И *артист* – это не только «исполнитель ролей в театре», но также в кино, телесериалах, на сценах цирков и концертных залов. И существительное *военный* обозначает и «представитель армии (авиации, флота?)», и «любой

человек в погонах», т.е. «представитель и полиции, и ФСБ, и ФСО, и МЧС». Замечу, что популярное в последнее время гиперонимическое обозначение *силовики* также обладает многозначностью, а своей внутренней формой апеллирует скорее к законам джунглей (тайги), но не к законности и справедливости.

Короче, можно говорить о некоторой тенденции в развитии семантической системы русского языка, который, видимо, дрейфует в сторону высоко контекстуальных языков, таких, в которых существенная часть информации реализуется не за счет различий между самими языковыми знаками, но за счет их контекстуального и конституативного (sic!) употребления. В результате во многих случаях некоторая часть детализирующей информации структурируется языком как излишняя, ненужная (ср. с невозможностью избежать выражения некоторых грамматических характеристик в тех или других языках). Эта тенденция решительно противостоит стремлению дать каждому феномену действительности его собственное именование, отличное от именования любых других похожих феноменов. Выразителем именно последней тенденции был, в частности, и Н. М. Карамзин. Придуманное им слово *промышленность*, будучи внятно противопоставленным *земледелию* и *скотоводству*, в рамках обсуждаемой тенденции не могло бы появиться. Соответствующее содержание должно было бы включиться в круг возможных значений слова *хозяйство*. Те же соображения, видимо, можно отнести к соотношению карамзинского слова *благотворительность* с докарамзинским *благо*, *польза*, *призрение*.

Не беря на себя смелость определять силу отмеченной тенденции, отмечу, что и тенденция к строгой номинации также не исчерпала себя. В подтверждение этого можно указать расширение спортивной терминологии, где вместо *борьба* употребляются *теквандо*, *греко-римская борьба*, *дзюдо*, а *футбол* и *женский футбол*, *хоккей* и *хоккей на траве*, *плавание* и *синхронное плавание* семантически образуют отнюдь не привативные, а именно равнозначные эквивалентные оппозиции, такие же, как *петербуржец* и *петербурженка*, *студент* и *студентка*, *китаец* и *китаянка* и мн. др. В качестве примера такой внутренней борьбы двух тенденций могу привести слово *санкция*, совмещающее в себе и значение «разрешение», и значение «наказание за нарушение», реализуя тенденцию к многозначности. Однако это важное семантическое различие преодолевается стремлением к морфологическому и

синтаксическому обособлению каждого из значений: *получить санкцию* (ед. число!) *на ...* и *вести санкции* (мн. число!) *против ...*, реализуя тенденцию к неперемennomu и внятному обособлению каждого из значений.

Хочу также подчеркнуть, что убедительно определить, какая из обеих тенденций – к новым номинациям или к увеличению числа значений (а следовательно, и размытости) старых именовании – окажется более мощной. Также остается без ответа вопрос о том, что делает языковое общение более эффективным – большее количество базовых единиц с меньшим количеством правил их соединения, формального и семантического, или меньшее количество базовых единиц с более сложными правилами их взаимодействия с контекстом и ситуацией. Видимо, предпочтение тому или другому способу обозначения действительности можно отдать лишь применительно к определенным сферам использования языка. Есть основания предположить, что для науки более эффективен способ «большого количества разных слов», а для бытового общения – «способ более сложного воздействия многих правил на ограниченное количество слов». Добавлю еще, что реализация второй тенденции сильно усложняет работу по созданию толковых словарей, требуя от лексикографов не только более точной фиксации различных значений слова, но и определения правил взаимодействия каждого из значений с контекстом и ситуацией. Без установления таких правил толковый словарь не может обеспечить эффективную рецептивную речевую деятельность.

И. К. Мухина
Екатеринбург

Антонимические отношения в денотативно-идеографической сфере «Физическое воздействие на объект» в словаре синонимов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»). Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

Проблема изучения антонимии в идеографических словарях, а также классов лексем и классов слов, вступающих в отношения

противоположности, находится в русле актуальных лингвистических исследований, в том числе и в корпусных [Jones St. 2002], поскольку позволяет делать выводы о когнитивном процессе категоризации и отображении в языковой картине мира оппозитивных отношений.

Основываясь на теоретической концепции Л. Г. Бабенко, в которой выявлены основные когнитивные стратегии представления отношений противоположности в рамках идеографических словарей [Бабенко 2016: 38], рассмотрим специфику антонимических отношений в денотативно-идеографической сфере «Физическое воздействие на объект» в словаре синонимов. Данная денотативно-идеографическая сфера состоит из глагольных синонимических рядов и включает в себя пять денотативно-идеографических групп: «Отрицательное воздействие на объект» (состоит из подгрупп «Отрицательное воздействие на любой объект и его результат» и «Повреждение неодушевленного объекта»), «Соединение, прикосновение», «Разъединение, разделение», «Обработка объекта», «Нанесение удара и давление» [см. Большой толковый словарь...].

Анализ показал, что в денотативно-идеографической сфере «Физическое воздействие на объект» в антонимических отношениях вступают не отдельные лексемы с семантикой противоположности и не антонимические пары, а целые лексические множества:

1) синонимические ряды, имеющие однословные антонимы:

ПРИБИВАТЬ/ПРИБИТЬ, набивать/набить, пригвозждать/пригвоздить, спец. пришивать/пришить, разг. приколачивать/приколотить – ОТБИВАТЬ/ОТБИТЬ (антонимы ко всем словам синонимического ряда);

ПРИБИВАТЬ/ПРИБИТЬ, набивать/набить, пригвозждать/пригвоздить, спец. пришивать/пришить, разг. приколачивать/приколотить – ОТКОЛАЧИВАТЬ/ОТКОЛОТИТЬ (антонимы ко всем словам синонимического ряда);

2) синонимические ряды, являющиеся антонимами:

ВЫБИВАТЬ/ВЫБИТЬ, выколачивать/выколотить, разг. высаживать/высадить, разг. вышибать/вышибить – ВБИВАТЬ/ВБИТЬ, вколачивать/вколотить, разг. всаживать/всадить;

ВЫТАЛКИВАТЬ/ВЫТОЛКНУТЬ, сов., разг. вытолкать, разг. выпихивать/выпихнуть, разг. вытирать/вытереть – ВПИХИВАТЬ/ВПИХНУТЬ, вталкивать/втолкнуть;

3) синонимо-антонимичные комплексы, представляющие собой семантически соотносимые парадигматические ряды.

Например, синонимический ряд *ПАЧКАТЬ/ИСПАЧКАТЬ* и *ЗАПАЧКАТЬ*, *грязнить/загрязнить, загрязнять/загрязнить, запачкивать/запачкать, перепачкивать/перепачкать, разг., сов. выгрязнить, разг. вымазывать/вымазать, разг. вытачивать/вытачать, разг. заляпывать/заляпать, разг. измазывать/измазать, разг. измарывать/измарать, разг. мазать/измазать и замазать, разг. марать/измарать и замарать, разг. пакостить/испакостить и запакостить, разг., сов. переляпать, разг. перемазывать/перемазать, разг.-сниж., сов. вывозить, разг.-сниж. вымарать, разг.-сниж. завозюкивать и завозюкивать/завозюкать и завозюкать, разг.-сниж., сов. завозить, разг.-сниж. сов. загваздать, разг.-сниж. замазюкивать/замазюкать, разг.-сниж. замызгивать/замызгать, разг.-сниж. извазюкивать/извазюкать, разг.-сниж., сов. извозить, разг.-сниж., сов. изгадить, разг.-сниж. сов. изгваздать, разг.-сниж. измазюкивать/измазюкать, разг.-сниж. измызгивать/измызгать, разг.-сниж., сов. перемарать, разг.-сниж. поганить/испоганить и запоганить, разг.-сниж., сов. увозить, разг.-сниж. сов. угваздать* соотносится с антонимичным ему синонимическим рядом *ЧИСТИТЬ/ВЫЧИСТИТЬ, вылизывать/вылизать, выскрести/выскрести, вычищать/вычистить, драить/выдраить, надраивать/надраить, начищать/начистить, обчищать/обчистить, отчищать/отчистить, очищать/очистить, почистить, прочищать/прочистить, скоблить/выскоблить, скрести/выскрести* (при этом антонимы в идеографическом словаре синонимов приводятся без стилистических и эмоционально-оценочных помет), а также с 15 близкородственными синонимическими рядами, 8 из которых семантически соотносятся с однословными антонимами (*ЗАМАСЛИВАТЬ/ЗАМАСЛИТЬ, засаливать/засалить – ЧИСТИТЬ/ВЫЧИСТИТЬ; ЗАМАСЛИВАТЬСЯ/ЗАМАСЛИТЬСЯ, засаливаться/засалиться. – ЧИСТИТЬСЯ/ВЫЧИСТИТЬСЯ; разг. ВЫМАЗЫВАНИЕ, перемазывание, разг.-сниж. заляпывание, разг.-сниж. замызгивание – ЧИСТКА; ЗАМАСЛИВАНИЕ, засаливание – ЧИСТКА; ЗАСАЛЕННЫЙ, замасленный – ЧИСТЫЙ; разг. ЗАМУСОЛЕННЫЙ, разг.-сниж. замусленный, разг.-сниж. измусоленный – ЧИСТЫЙ*) или антонимичными им синонимическими рядами (*ГРЯЗНЫЙ, загрязненный, разг. измазанный – ЧИСТЫЙ, опрятный; разг.-сниж. ЗАМЫЗГАНЫЙ, разг.-сниж. измызганный – ЧИСТЫЙ, опрятный*).

4) Лексические парадигмы, представляющие собой денотативно-идеографические подгруппы в составе денотативно-идеографической группы: так, в составе денотативно-идеографической сферы «Физическое воздействие на объект» в оппозицию вступают денотативно-идеографические подгруппы «Соединение, прикосновение» и «Разъединение, разделение».

В целом можно утверждать, что принцип оппозитивности не является основным при формировании исследуемой денотативно-идеографической сферы, что обусловлено небольшим количеством соотносительных синонимико-антонимических рядов в ее составе (13 рядов), наличием в составе сферы денотативно-идеографических групп, члены которых не вступают в отношения противоположности (это группы «Повреждение неодушевленного объекта», «Разъединение, разделение», «Обработка объекта», «Нанесение удара и давление»), а также тем, что при достаточно большом количестве близкородственных синонимических рядов они, как правило, не находятся в отношениях противоположности с отдельными антонимами или антонимическими рядами слов. Исключение составляет синонимический ряд с доминантой ПАЧКАТЬ/ИСПАЧКАТЬ и ЗАПАЧКАТЬ, соотносящийся с антонимичным ему синонимическим рядом с доминантой ЧИСТИТЬ/ВЫЧИСТИТЬ. При этом семантически соотносящиеся с рядом с доминантой ПАЧКАТЬ/ИСПАЧКАТЬ и ЗАПАЧКАТЬ близкородственные синонимические ряды имеют 8 антонимических соответствий.

Литература

- Бабенко Л. Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. XXVI. – С. 37 – 41.
- Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко (в печати).
- Jones Steven. Antonymy. A corpus-based perspective. – London and New York, 2002. – 193 p.

Е. П. Носова
Санкт-Петербург

Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в «Русском ассоциативном словаре»

Исследование выполнено в рамках проекта,
поддержанного РГНФ №15-04-00318 «Социокультурные факторы
как мотивационная основа типологии словарей»

Детское чтение является одним из наиболее значимых факторов, влияющих на формирование лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности. Оказывая воздействие на раннем этапе формирования языкового сознания индивида, оно создает четкие ассоциативные связи, сохраняющиеся в памяти, а также закладывает концептуальную информацию, которая используется на протяжении всей жизни при восприятии и порождении текстов.

Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, являются важной частью интертекстуального тезауруса современной языковой личности, о чем свидетельствуют многочисленные примеры их употребления в различных типах дискурса, ср.: *А что это за Дюймовочка? Что будешь делать? Может вернешься к маме и подрастешь?* (С. Алексеевич «У войны не женское лицо, 1985); *Эйнсли и Роза торопились сюда, как две феи-крестные за Золушкой, чтобы спасти невинное дитя.* (Д. Эшли «Ее первая любовь», 2015); *В жизни мы часто становимся «Золушками наоборот». Не важно, вернулись вы с бала верхом на тыкве или все-таки в карете – домашние хлопоты вот они, ждут.* (Все, как ты любишь! №5 (10), 06.2016.); *Гензель, иди возьми образцы в пряничном домике. Бери все.* (Доктор Хаус, 3 сезон, 4 серия), а также данные лексикографических источников, в том числе, ассоциативных словарей.

«Прецедентные тексты русской и мировой литературы разнообразных жанров и эпох составляют самую значительную часть в числе культурного типа реакций, и их сводный перечень по всему словарю мог бы очертить тот литературный фонд, которым владеет средний носитель русского языка в возрасте наших испытуемых» [Караулов 2002: 758]. Сплошная выборка из прямого и обратного томов «Русского ассоциативного словаря» (далее – РАС) выявила значительное количество прецедентных феноменов, мотивированных детским чте-

нием. Для удобства рассмотрения мы разделили зафиксированные прецедентные феномены на три группы в зависимости от того, как они представлены в словаре: 1) прецедентные имена, состоящие из одного компонента и являющиеся стимулами в прямом словаре (исключением для этой группы является ПФ *Папа Карло*, состоящий из двух слов); 2) прецедентные имена, состоящие из двух компонентов, при этом один из компонентов имени является стимулом в прямом словаре, другой – одной из реакций; 3) прецедентные высказывания, один из компонентов которых является стимулом в прямом словаре.

В список стимулов прямого словаря включены следующие прецедентные феномены: *Айболит*, *Алладин*, *Буратино*, *Незнайка*, *Хоттабыч*, *Мальвина*, *Папа Карло*. Как известно, ассоциативный эксперимент, результатом которого явился РАС, проводился в три этапа. Примечательно, что на первом этапе эксперимента в списке стимулов практически не было слов, напрямую указывающих на прецедентный текст (имен и фамилий авторов, названий произведений, имен персонажей). Прецедентные феномены *Айболит*, *Алладин*, *Буратино*, *Незнайка*, *Хоттабыч* появляются на втором этапе эксперимента, *Мальвина*, *Папа Карло* – на третьем, когда список стимулов пополнялся лексемами из числа реакций, полученных на предыдущих этапах.

Б. Ю. Норман отмечает важность ассоциативных словарей в семантических исследованиях. Ассоциативный словарь «позволяет установить своеобразие процессов семантизации в сознании носителя языка» [Норман 2016: 176]. Данные прямого ассоциативного словаря дают материал для анализа сем, составляющих значение слова-стимула, в частности для выявления «ярких» (т.е. тех, которые осознаются носителем языка как центральные, первыми приходят в голову и т.д.) и «слабых» сем, определения иерархии семем в семантике слова [Попова, Стернин, 2014: 124]. Рассмотрим словарную статью АЙБОЛИТ:

АЙБОЛИТ, доктор **32**, лечит **8**, врач **5**, **66**, добрый, сказка **4**, болит, добрый доктор, звери, очки **2**, Бармалей, бастует, бессеребряный, ветеринар, вылечит, детство, добряк, доктор добрый, доктор дурак, доктор из сказки, доктор= 'Артек' п/л, друг детей, душа болит, живот, животные, заболеть, здоровье, и обезьяны, из Африки, исцеление, красный крест, летит, лечить, Маршак, Мойдодыр, мультфильм, мчит, погружение в слово, под деревом, президент, проснулся, сидит, сидит под деревом, собака Авва, торопится, тупость, Тянитолкай, укололся, Чуковский
1. 104-49-0-39

В структуре значения слова *Айболит* выделяются следующие компоненты:

Д1 (денотативная сема) – персонаж сказки К.И. Чуковского «Айболит». На этот компонент значения указывают реакции, непосредственно связанные с литературным произведением, – цитаты, имена героев, имена и фамилии писателей: *сказка, звери, очки, Бармалей, детство, доктор из сказки, и обезьяны, из Африки, Маршак, Мойдодыр, мультфильм, под деревом, сиди, сидит под деревом, собака Авва, Тянитолкай, Чуковский* – всего 20 реакций.

Д2 (денотативная сема) – доктор, ветеринар. Этот компонент актуализируется ассоциатами *доктор, лечит, ветеринар врач, болит, добрый доктор, вылечи, доктор добрый, доктор дурак, доктор= Артек п/л, живот, заболеть, здоровье, исцеление, красный крест, лечить* – всего 56 реакций;

К1 (коннотативная сема) добрый: реакции *добрый, добряк, доктор добрый, друг детей*;

К2. спешащий на помощь: реакции *летит, мчит, торопится*;

К3. бескорыстный: реакция *бессеребряный*.

Видно, что ассоциатов, которые бесспорно связаны с семей «доктор, врач», в два раза больше, чем ассоциатов, соотносящихся семей «имя персонажа сказки». Соответственно, данный компонент значения является более релевантным для носителей языка. На основе данной семы путем переноса качеств, присущих известному персонажу, на другой денотат сформировалось переносное значение слова, которое получило в языке особый статус и включено в «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой в качестве основного:

АЙБОЛИТ, -а, м. – (разг. шутол.). Человек, который лечит животных [по имени героя сказки К.И. Чуковского].

Показательно, что из включенных в список слов-стимулов прямого словаря только прецедентный феномен Айболит включен в толковый словарь литературного языка и только у него реакции, связанные со вторым (переносным) значением количественно превышают реакции, типовые для первого значения.

Прецедентные феномены условно выделенной нами второй группы представляют собой двухкомпонентное структурное образование, которое получает значение прецедентного феномена только в паре S→R. Например, *МАЛЕНЬКИЙ*→*Мук*, *СНЕЖНАЯ*→*королева*. В подобных словарных статьях представляет интерес количественный показатель –

частота реакций, дополняющих стимул до прецедентного феномена. Она позволяет судить о четкости ассоциативных связей, заложенных детским чтением. Так, для стимула КАРЛИК реакция *Нос* является наиболее частой и проявляется 26 раз (отметим единичные реакции *Карлик Нос, сказка про Карлика Носа*), реакция *крокодил* для стимула ГЕНА – также первая по частоте и появляется в анкетах 61 раз (реакция *Чебурашка* встречается 6 раз, и *Чебурашка* – 1 раз).

Особый интерес представляют словарные статьи стимулов, которые могут быть компонентом нескольких прецедентных феноменов. Рассмотрим два таких случая.

Для стимула ВОЛШЕБНИК наиболее частотной является реакция *Изумрудный город*, которая встречается в анкетах 19 раз, тогда как реакция *страны ОЗ* является единичной, что свидетельствует о том, что текст оригинального произведения Л.Ф. Баума «Волшебник страны Оз» менее знаком русскому читателю, чем текст авторизованного перевода А. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

В словарной статье стимула СТАРИК наиболее частой реакцией является *седой*, второй по частоте – *и море* (32 ответа), мотивированная текстом Э. Хемингуэя. Реакция, соотносимая с детским чтением, – *Хоттабыч* – четвертая по частоте и появляется в анкетах 29 раз. Сомнительно, что разница в три ответа дает нам право говорить о меньшей актуальности повести Л. Лагина «Старик Хоттабыч» по сравнению с текстом повести «Старик и море» для русского лингвокультурного сообщества.

В другом случае – в словарной статье КОРОЛЬ – наиболее частотной является реакция *Лир*, вызванная произведением У. Шекспира, а ответ *голый* – вторым по частоте. Здесь разница между количеством ответов более существенна – 112 и 75 реакций соответственно. Тем не менее, это не позволяет утверждать, что прецедентные феномены, мотивированные «взрослой» литературой, более актуальны для носителя языка. Это лишь доказывает, что, несмотря на влияние классических текстов, с которыми языковая личность знакомится позже, чем с текстами детского чтения и важность которых для культуры нельзя отрицать, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, сохраняют четкие ассоциативные связи в сознании индивида и остаются в ядре ассоциативно-вербальной сети.

В «Ассоциативном словаре русской фразеологии» Д. О. Добровольского и Ю. Н. Караулова, основанном на материалах РАС, отражены некоторые прецедентные высказывания (в указанном словаре принимается

широкое значение фразеологии, введена помета *прец.* – прецедентные тексты), в том числе, прецедентные феномены, мотивированные детским чтением: *голый король кто-л. прец.* (Г. Х. Андерсен) КОРОЛЬ → *то гол, сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок прец.* (А.С. Пушкин) ЛОЖЬ – *да в ней намек; ЛОЖЬ – да намек.* Понимая условность отнесения сказочных формул к прецедентным высказываниям, отметим, что в словарь входит и устойчивое сочетание **жить-поживать (да добра наживать) ЖИТЬ** → *поживать; ЖИТЬ* → *поживать да добра наживать.* Перед авторами указанного словаря не стояла задача отразить весь массив фразеологических оборотов и прецедентных высказываний, проявившихся в РАС, поэтому естественно, что указанные пары S → R не исчерпывают всех встречающихся в Словаре прецедентных высказываний, мотивированных детским чтением. В отличие от пар второй группы, компонент, дополняющий стимул до прецедентного высказывания, оказывается не самой частой реакцией, в большинстве случаев – единичной, ср.: *ОСТАВАТЬСЯ – у разбитого корыта (1), ХОРОШО – что такое плохо (1); КОШКА – гулявшая сама по себе (1); СПОКОЙСТВИЕ – только спокойствие (5), и только спокойствие (1), дело житейское (1).* Соответственно, цитаты обладают меньшей возможностью актуализировать связи с детским чтением, чем имена персонажей и названия произведений.

Обращение к РАС в ходе изучения прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, убедительно доказывает, что детское чтение оказывает существенное влияние на формирование интертекстуального тезауруса личности. Кроме того, материалы словаря позволяют взглянуть на семантику имени собственного – прецедентного феномена с точки зрения языкового создания носителя языка и объяснить, как некоторые прецедентные феномены приобретают особый статус и включаются в толковые словари литературного языка.

Анализ материалов РАС позволяет понять, какие группы прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, являются наиболее релевантными для носителей языка, а также рассмотреть их место в ассоциативных полях слов со значением размера, расстояния, времени, оценочных существительных и прилагательных.

Литература

Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994.

Норман Б. Ю. От семы через доминантный признак – к прототипу // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – М., Екатеринбург, 2016. – С. 167–177.

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Ин-т рус.яз. Рос.акад. наук. М., 2002. – Т. 1–2.

Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания: Учеб.пособие. М., 2014. – 176 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 955 с.

Н. Н. Орехова
Архангельск

Композиционно-смысловые типы речи в очерках В. Пескова

Анализ языковых средств связан с принадлежностью к определенным функционально-композиционным фрагментам текста. Традиционно в тексте выделяют способы изложения функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение) [Нечаева, 1974; Одинцов 1980]. Но данная типология представляется слишком обобщенной. Поэтому исследователями выделяются контаминированные и смешанные типы речи, дополнительные типы речи [Валгина 2003], регистры речи со своими разновидностями [Золотова 1982], коммуникативно-смысловые типы речи [Крылова 2006], линейно-монологические цепи [Бурвикова (Зарубина) 1981] и др. Наиболее интересно выделение в тексте композиционно-смысловых типов речи [Ильенко 1985]. Демонстрационный тип речи (ДТР) связан с детализированным показом действительности, информационный тип речи (ИТР) – с рассказом о существенных событиях, а сентенционный тип речи (СТР) – с обобщением человеческого опыта.

Такое членение текста может быть связано с позицией автора, его интенциями. В очерках В. Пескова, собранных в его книге «Шаги по росе», с их ярко выраженным личностным началом можно выделить три композиционно-смысловых типа речи, в которых реализуются

определенные авторские коммуникативные намерения: изобразить (ДТР); рассказать (ИТР); воздействовать (СТР).

В публицистическом тексте цель демонстрационного типа речи, связанного с пошаговым изображением действительности, – ввести читателя в изображаемую ситуацию, сделать его очевидцем происходящих событий. С этой целью журналист подмечает конкретные детали, важные подробности, но степень выраженности личностного начала не является самоцелью. При этом автор является действующим лицом повествования, собеседником своих героев, одновременно и просто созерцает окружающее и обобщает его.

А дед попросил вывести его на порог. Летела белая паутина. Вокруг солнца сплелось решето из тонких серебряных ниток. Невидимый самолет оставил на небе светлую борозду. Старик глядел кверху, пока не заслезилась глаза. Вздохнул, улыбнулся. Потом велел принести лопату. В конце картофельной грядки на огороде долго рыл неглубокую яму. На дне оврага, в лопухах велел отыскать припасенный ранее саженец: «Ну вот... Это на память, что жил...» (Наследство).

Коммуникативная цель ДТР – показать действительность во временной последовательности, выражение этих отношений формируется цепочкой глаголов совершенного вида прошедшего времени, выражающих значение недлительности, сменяемости действий, наречиями со значением времени (*долго, потом*), союзами (*пока*).

ДТР в очерках обычно композиционно начинает новую подтему, связанную с описанием природы, места, портрета, интерьера.

Слышно, как за перегородкой одеваются, плещется вода в умывальнике, скрипят резиновые Любины сапожки. Потом вспыхивает фонарик. Желтое пятно света скользнуло по бревенчатой стенке, по темной иконе в углу, по бороде Фиделя Кастро, осветило медали на груди Долинюк и остановилось на ходиках. Шесть часов... (Люба-Любушка).

Направленность на адресата играет важную роль в организации типов речи. С адресатом связаны такие прагматические понятия, как фоновые знания, текстовая категория информативности. В демонстрационных текстах В. Пескова детали оказываются концептуально значимыми и отражают картину мира и жизненную позицию автора. В данном случае авторские интенции проявляются в следующих деталях: *резиновые сапожки, бревенчатая стенка, икона, портрет Ф. Кастро, медали*. Фактуальная информация становится концептуальной,

укрупняется, наполняется новым смыслом. Движение во времени выражается сменой форм времени глагола.

Если ДТР ориентирован на точку зрения автора-участника событий, то ИТР, связанный с «рассказом о действительности», передает точку зрения «стороннего наблюдателя». Эти типы речи часто сменяют друг друга, что связано с такими чертами очерка, как эскизность и ассоциативность.

Цепочки номинативных падежей как способ выражения общего плана часто служат сигналом начала ДТР: *Снежный бугор. Чуть-чуть виднеется шиферная крыша. Дымок из тощей железной трубы...*

Сигналом перехода от ДТР к ИТР является смена пространственно-временного континуума: *...В самой середине полей, почти за двадцать километров от совхозной усадьбы, живет в степи человек. Совсем один. Живет еще стайка воробьев под крышей большого амбара, и никого больше. В холодные дни воробьи жмутся к трубе, залетают даже в сторожку.*

Парцеллированная конструкция актуализирует эксплицитные и имплицитные смыслы, служит средством передачи эмоционального переживания, заложенного в авторской речи.

Приемом смены типов речи могут служить неопределенно-личные предложения, придающие последующему фрагменту характер обобщения и передающие разную пространственно-временную ориентацию говорящего:

...Зовут его Николаем Васильевичем. Просто же – дядя Коля.

Пятый год дядя Коля служит «семенным сторожем». По утрам он запрягает рыжего Зайчика и едет в отделение навестить семью, забрать харчей. Ночью дремлет над книжкой или заряжает патроны. Иногда выйдет наружу, вскинет двустволку... (Семена).

Глаголы настоящего времени и лексико-морфологические средства (лексемы *пятый год, по утрам, иногда*) в ИТР подчеркивают повторяемость описанных действий, типизацию, обобщение.

Конструкциями, формирующими демонстрационные фрагменты, часто являются односоставные номинативные предложения. Основное функциональное назначение таких предложений – выражать идею бытийности, существования. Цепочки номинативных предложений изображают фрагмент чувственно воспринимаемого мира с актуализацией пространственных отношений:

Алтай, Косихинский район, село Полковниково. Холмы. Березы по колону в цветах. Высокие облака, высокое синее небо. Пшеница. Гречи-

хи молочные полосы. Запах меда, запах клевера с донником (Звездный пахарь).

Но в произведениях В. Пескова «цепочечное» соединение номинативных предложений часто формирует информационные фрагменты, в которых динамика действий передается не глагольными формами, а номинативными. Частотность подобных построений в очерках позволяет говорить о прикрепленности данной синтаксической структуры к ИТР. Такие повествования особенно динамичны и экспрессивны.

Босоное детство. Катанье на лошади. Ночное. Купание. Рыбалка. Ягоды и грибы. Первые книжки.... (Звездный пахарь).

Аэроклуб. Военная школа. Служба в Сибири, в Карелии, на Дальнем Востоке (Капитан звездолета «Восток -4»).

Сентенционный тип с его лаконичностью и функцией воздействия в публицистическом стиле особенно выразителен. Автор становится собеседником читателя, непосредственно обращается к нему. С языковой точки зрения СТР ориентирован на авторскую монологическую речь, как правило стилистически нейтральную, лексико-грамматическую замкнутость и прикрепленность к определенным синтаксическим структурам, передает концептуальную и подтекстовую информацию.

Вслед за Г.С. Юдиной [Юдина1982], можно выделить СТР двух типов: неразвернутые (сентенция равноценна одному суждению) и развернутые (сентенция сопровождается добавочными суждениями).

- 1) *У всех родителей экзамен, когда дети взрослеют, когда выходят на порог жизни... (Дочь коммуниста).*
- 2) *У каждого из нас много учителей. Став на ноги, мы вспоминаем детство и юность, и в этих светлых воспоминаниях на первом месте – учитель, наставник, советчик... Он, может, и не делал тебе строгих внушений, не поучал. Он просто жил рядом с тобой своей жизнью, он показал тебе, как надо жить (Люба-Любушка).*

СТР реализуются в определенных синтаксических структурах (простое и сложное предложение, ССЦ), но наиболее часто – в самостоятельном простом предложении, что соответствует краткости и лаконичности публицистического текста:

Взрослым человеком начинаешь по-настоящему понимать цену учителям (Плата за выстрел).

Тематически СТР связаны с миром человека (даже при описании природы), его отношениям с окружающей действительностью:

Лес прощался с солнцем. А при прощании все бывают особенно ласковы (Лесная сказка).

СТР – это голос автора, лирические отступления в тексте. Вклиниваясь в ДТР и ИТР, они создают паузу в сюжетном времени, замедляют, удлиняют его:

Семена... Всякий человек знает, что значат добрые семена для хозяйства. Дядя Коля не стал упираться, когда его поставили управлять током, а зимой «при семенах быть». Каждый день, тщательно отряхнув валенки, лезет он на золотой ворох, железным щупом берет из глубины пробу (Семена).

Временная всеохватность и обобщенность подчеркивается маркерами *всякий человек, все, у каждого из нас.*

В публицистическом тексте с его прагматической установкой на информирование и воздействие, главным признаком которого является выражение авторского «я», диалогичность, реакция адресата, часто затруднено выделение традиционных композиционно-смысловых типов речи. Уникальность композиционно-синтаксической организации очерков как разновидности художественно-публицистических текстов состоит в многообразии интенций автора. Так, в очерках В. Пескова можно выделить типы речи с особой целевой установкой – убедить, которые можно отнести к аргументативному типу речи (1), и побудить, соотносимые с директивными типами речи (2).

(1) В лесу вы встретите людей. У каждого в кармане будут орехи и семечки. Это больные из санатория. Назначая лечение, врачи в санатории пишут: «...ходить в лес, кормить белок и птиц». Белки и в самом деле помогают лечить болезни. Если не верите, поговорите с любым человеком, отдохнувшим в Подлипках (Рука человека).

В публицистике аргументативные типы речи реализовывают основную ее коммуникативную функцию – убеждающего воздействия. Но интенция убеждения проявляется здесь скорее эмоционально, как свободное размышление, в котором каузальная связь между суждениями прослеживается, но строго логически не выстроена. Нестрогость формы речи, непринужденность размышления способствуют интимизации общения автора с читателем.

В данном тексте аргументативность представлена как эксплицитно, с лексическими сигналами причинно-следственной связи, так и имплицитно, когда эти связи обнаруживаются на логико-смысловом уровне. В данном отрывке можно наблюдать логическое развитие мыс-

ли: обусловленность суждений, временную соотнесенность, условные взаимоотношения частей высказывания, авторскую убежденность, выраженную с помощью категоричного утверждения (*в самом деле*), повелительное наклонение глагола (*поговорите*), вносящего полемический оттенок в высказывание.

Директивность придает очеркам В. Пескова особую тональность, проявляющую ярко выраженную субъективность творчества журналиста. Строение высказываний в них заключается в использовании побудительных форм предикатов в авторской монологической речи:

(2) На этот праздник не нужен билет. Кладите краюху хлеба в мешок, проголосуйте попутному грузовику, или садитесь в автобус, или велосипед седлайте, а лучше – пешком. Пораньше из дома, лучше с самой зарей. Тогда весь праздник ваш. Вы увидите, как стягивает солнце туманное одеяло с реки, увидите росу на красных осиновых листьях, увидите, как добывает свой «хлеб» трудолюбивый дятел (Торопитесь на праздник).

Речевые средства модальной семантики представляют в тексте автора, выражающего свое отношение к описываемому, дающего оценки. Воздействие на адресата, прямая обращенность к нему проявляются в отборе языковых средств, ориентированных на адресата, (*вы, ваш, лучше, тогда, трудолюбивый*).

Выбор того или иного типа речи, реализующего определенные прагматические установки создателя текста, определяется авторскими интенциями, содержательной информацией и реализуется различными синтаксическими средствами.

Литература

- Бурвикова (Зарубина) Н. Д.* Закономерности линейной структуры монологического текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1981.
- Валгина Н. С.* Теория текста: Учебное пособие. – М., 2003.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
- Ильенко С. Г.* Предложение в текстовом аспекте. – Вологда, 1985.
- Крылова О. А.* Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учебное пособие. – М., 2006.
- Нечаева О. А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974.
- Одицов В. В.* Стилистика текста. – М., 1980.

Юдина Г. С. Функционально-смысловые типы речи как стилистико-синтаксическая основа романа И. А. Гончарова «Обломов». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982.

Л. А. Пиотровская
Санкт-Петербург

Партикуляризация местоименных слов в эмотивном синтаксисе и их квалификация в грамматиках и словарях

В синтаксическом строе различных языков существуют модели построения высказываний, в коммуникативной характеристике которых доминирует намерение субъекта речи выразить свои эмоции. Для обозначения таких высказываний нами был предложен термин «эмотивные высказывания», а синтаксической подсистемы, включающей модели построения эмотивных высказываний, – «эмотивный синтаксис» [Пиотровская 1994].

Анализ структурно-семантических моделей построения эмотивных высказываний позволил нам выделить три класса таких высказываний в зависимости от доминантного средства формирования эмотивного значения высказывания [Пиотровская 1993]:

1) эмотивные высказывания, построенные по типизированным эмотивным синтаксическим моделям, например: *Поговори еще у меня!*; *Тожэ мне, умник нашелся!*; *Вот так история!*; *Ну и люди!*; *Вот тебе и разогрела!*; *Вот так силач!* и др.;

2) эмотивные высказывания со специализированными (лексическими) маркерами эмотивности, например: *Это я-то испугался?*; *Неужели и здесь небезопасно?*; *Вы что – незнакомы?*; *Вот не думал никогда об этом!*;

3) эмотивные высказывания, омонимичные высказываниям других коммуникативных типов и отличающиеся от них интонационным оформлением (ср.: обращение *Костя!* и эмотивное высказывание *Костя!*, выражающее упрек).

Анализ структурных особенностей эмотивных высказываний трех классов свидетельствует о широком употреблении в их составе частиц, значительная часть которых этимологически восходит к местоименным словам с вопросительным или указательным значением.

На эмотивные высказывания, содержащие в глубинной структуре вопрос, обращали внимание многие лингвисты [McCawley 1973: 377; Elliot 1974; Wierzbicka 1980: 331 et. al.]; ср. эмотивные высказывания с местоименно-вопросительными словами русского языка: *Какая красота!*; *Как я устала!*; *До чего она похожа на мать!*; *Куда же ты в дверь лезешь?*; *Что я видела!* и др. Д. Эллиот, приводя высказывания типа *Какая красивая девочка!* из английского, французского, немецкого, русского, румынского, турецкого, китайского и японского языков, заключает, что речь идет об определенной семантической универсалии [Elliot 1974: 244–245].

Грамматическая характеристика компонентов эмотивных высказываний с местоименно-вопросительным значением в грамматических исследованиях и словарях неоднозначна.

Так, А. М. Пешковский, определяя категориальный статус слов *как*, *какой*, *сколько* в составе эмотивных, в нашем понимании, высказываний, называл их «восклицательными членами», отмечая, что они являются «полными словами с самостоятельным значением» [Пешковский 1956: 358]. Однако И. П. Распопов использует данный термин при характеристике слов *как*, *какой*, *сколько* в составе только тех эмотивных высказываний (в терминологии И. П. Распопова – «собственно восклицательных предложений»), в которых «выражение вопроса о признаках или обстоятельствах с помощью соответствующих местоимений и наречий невозможно в предложении уже потому, что данные признаки (обстоятельства) обозначены полнозначительными словами» [Распопов 1960: 14], т. е. в высказываниях типа *Какой чудесный голос!*; *Как громко он кричит!*. Позднее более распространенной стала квалификация их как эмоционально-усилительных частиц [Грамматика русского языка 1960: 366]. Термин «аксиологические моделиобразующие частицы», предложенный В. П. Проничевым [Проничев 1991: 51], представляется не вполне точным, поскольку учитывается различие между эмоциональной и рациональной оценкой (см., например: [Вольф 1985: 40–42 и др.]).

Квалификация данного класса слов, на наш взгляд, должна быть одинаковой во всех эмотивных высказываниях, независимо от того, называется соответствующий признак полнозначительным словом или нет; ср.: *Какой чудесный голос!* и *Какой голос!*; *Как громко он кричит!* и *Как он кричит!*; *Сколько времени тебя можно ждать!* и *Сколько тебя можно ждать!*. Отнесению слов *как*, *какой*, *сколько* к классу частиц

препятствует разнообразие их морфологических и синтаксических признаков: *какой* сходно с прилагательным, ср.: *Какой ливень!*, *Какая прелесть!*, *Какое безобразие!*, *Какие люди!*; как сохраняет признаки наречия, ср.: *Как быстро ты растешь!*; *Сколько* обладает признаками числительного; ср.: *Сколько раз тебе повторять об этом!*.

Разные синтагматические характеристики данного типа слов отмечаются и при анализе аналогичных эмотивных высказываний в других языках. В то же время подчеркивается общность семантической и структурной функций всех местоименных по происхождению слов – формирование эмотивного компонента содержания высказываний и формализация всей конструкции в целом [Малинович 1989: 96 и сл.]. Некоторые лингвисты, объектом изучения которых были высказывания, называемые нами эмотивными, предлагали и общее терминологическое обозначение этих слов, например «восклицательные прилагательные, местоимения и наречия» [Шигаревская 1969], «эксclamаторы» [Писарев 1985].

Прежде чем предложить другой термин, приведем семантическую характеристику аналогичных высказываний английского языка с местоименными словами *how* и *what*, которую дает А. Вежбицкая (она выделяет класс речевых актов «восклицания» (exclamations)): «Когда я говорю “How thin she is!”, я даю понять, что считаю слово “thin” слабым и неадекватным и что на самом деле я хочу сказать больше, чем выражает это слабое слово; в то же время я невольно признаю, что не могу найти подходящего способа выразить то, что я хочу сказать» [Wierzbicka 1980: 330]. Таким образом, заключает автор, «все “вопросительные” восклицания содержат в глубинной структуре компонент формы “Я не знаю, как это сказать” или “Я не знаю, каким словом это назвать” (или ... “Я не знаю, что сказать”» [Wierzbicka 1980: 330–331].

Семантическую характеристику А. Вежбицкой, основанную на анализе высказываний, содержащих знаменательное слово с оценочным значением, считаем возможным распространить и на те эмотивные высказывания со словами *как*, *какой*, *сколько*, в которых оцениваемый признак не называется, например: *Какие люди!*; *Сколько можно повторять!*; *Как он поет!* и под. Общей характеристикой всех высказываний с местоименно-вопросительными по происхождению словами является неадекватность обозначения какого-либо признака.

Отсутствие во многих эмотивных высказываниях слов, называющих признак предмета, являющегося объектом эмоциональной оценки,

свидетельствует о недифференцированном отражении объективной действительности. Это можно объяснить, если обратиться к результатам экспериментального исследования процесса восприятия в работе Е. Ю. Артемьевой, которая предложила выделять в процессе восприятия любого объекта «две принципиально различные по механизмам стадии: “первовидение” – когда объект оценивается нерасчленимо-целостно, и “второвидение” – когда он (объект) отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам типа систем сенсорных эталонов» [Артемьева 1980: 32]. На этапе «первовидения» «вопросы к объекту» «формулируются на языке эмоционально-оценочных координат» [Там же: 27], при этом актуализируются «структуры, характеризующие отношение к объекту, а не сами его свойства» [Там же: 33]. Следовательно, в эмотивных высказываниях отражается этап «первовидения» объекта, в силу чего говорящий не может выбрать адекватное номинативное языковое средство.

Это и объясняет наличие в составе эмотивных высказываний слов с местоименным значением. С учетом этого предлагаем для обозначения слов, формализующих синтаксическую модель и несущих на себе основную нагрузку в выражении эмотивного компонента значения высказывания, термин «**партикуляризованные эмотивно-дейктические слова**».

О партикуляризации местоименно-вопросительных слов свидетельствует тот факт, что большинство высказываний с «бесспорными» частицами *что за* и *ну (о)* и может быть заменено высказываниями с эмотивно-дейктическими словами, например: *Какой голос!* – *Что за голос!* – *Ну и голос!*; *Какая нищета кругом!* – *Что за нищета кругом!* – *Ну и нищета кругом!*

Полагаем, что в эмотивных высказываниях со словами *как*, *какой*, *сколько* проявляется общая тенденция эмотивного синтаксиса – партикуляризация местоименных слов. Об активности названной тенденции в эмотивном синтаксисе свидетельствует наличие и других структурных типов эмотивных высказываний, в частности, высказываний с маркером эмотивности *как* (они образуют второй по частотности класс эмотивных высказываний русского языка), например: *Как не думал?*; *Как что за экзамен?*; *Как же пять?* и др. Семантическая связь вопросительных и эмотивных высказываний обусловлена прагматическим сходством незнания и удивления: «Удивление и вопрос прагматически однонаправлены. Удивление

сигнализирует сомнение, незнание, то есть те значения, которые включает в себя вопрос» [Галочкина 1983: 146].

К семантическим универсалиям эмотивного синтаксиса относится также употребление в качестве структурообразующих компонентов эмотивных высказываний частиц, генетически связанных с местоименно-указательными словами, например: *Это я-то не понимаю?!*; *Вот безобразие!*; *Вот беда-то!*; *Вот так встреча!*; *Вот это концерт!*; *Вот тебе и разогрела!*; *Вот они, их изобретения!* и др.

Прагматическая однонаправленность местоименно-указательных слов и выражения эмоций неоднократно отмечалась в специальной литературе. Т. М. Ушакова, описавшая это явление во французском языке (ср., например: *Cette question!*), предложила выделять «дейксис оценки», специфика которого состоит в том, что указательные детерминативы употребляются не для установления связи между названным предметом (явлением) и перцептивно воспринимаемым референтом, а для выражения субъективного (эмоционального) отношения к соответствующему предмету [Ушакова 1978: 78]. На наш взгляд, взаимосвязь указательного значения и выражения эмоций, обусловлена тем, что указание на предмет осуществляется с целью выделения его из класса подобных.

В отличие от слов с местоименно-вопросительной семантикой, компоненты эмотивных высказываний, связанные по происхождению с местоименно-указательными словами, и в грамматиках, и в специальных исследованиях относятся к частицам. Но поскольку общим у двух категорий слов – с местоименно-вопросительным и местоименно-указательным значением – является дейктическая семантика и широкое их употребление в составе эмотивных высказываний, их сравнение лишь подтверждает положение о когнитивной связи эмотивности и дейксиса.

Обобщая анализ эмотивных высказываний с партикуляризованными эмотивно-дейктическими словами, можно сделать следующие выводы.

Одним из типичных структурообразующих компонентов эмотивных высказываний являются частицы, что обусловлено их категориальным значением. Местоименные слова, оказываясь в составе эмотивных высказываний, утрачивают свое лексическое значение вследствие их партикуляризации. Одни местоименные слова полностью переходят в разряд частиц; другие, при сохранении ряда морфологических

признаков, занимают промежуточное положение между частицами, с одной стороны, и местоимениями, наречиями или числительными – с другой. Однако и в этом случае в соответствии с активной тенденцией в эмотивном синтаксисе они, несомненно, в большей степени выполняют функцию частиц, чем тех частей речи, с которыми они связаны генетически.

Литература

- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. – М., 1980.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
- Галочкина И. Е. О соотношении понятий эмоционально-модальной и коммуникативной функций интонации // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1983. Вып. 216: Фонология и интонация. – С. 130–152.
- Грамматика русского языка / редкол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. 2. Ч. 1: Синтаксис. – М., 1960.
- Малинович Ю. М. Экспрессия и смысл предложения. Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск, 1989.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М., 1956.
- Писарев Д. С. Прагматическая структура и коммуникативная функция восклицательных предложений в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
- Пиотровская Л. А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. Языкознание. Литературоведение. 1993. Вып. 2 (№ 9). – С. 41–47.
- Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования: (на материале русского и чешского языков). – СПб., 1994.
- Проницев В. П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: (предметно-ситуативные номинации). – Л., 1991.
- Распопов И. Восклицательные предложения в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. 1960. № 6. – С. 11–16.
- Ушакова Т. М. Дейксис в аффективном синтаксисе: (на примере французских эмотивных предложений) // Грамматическая семантика. – Горький, 1978. – С. 75–82.
- Шигаревская Н. А. О восклицательных предложениях: (на материале фр. яз.) // Вестник Ленингр. ун-та. Вып. 2: История. Язык. Литература. – 1969. – № 8. – С. 139–144.
- Elliot D. E. Towards a Grammar of Exclamations // Foundations of Language : International Journal of Language and Philosophy. 1974. Vol. 11, № 2. P. 231–246.

McCawley N. Boy! Is Syntax Easy! // Papers from the Ninth Regional Meeting Chicago Linguistic Society. April 13–15, 1973. Chicago, 1973. P. 369–377.

Wierzbicka A. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney; New York, 1980.

Е. С. Редкина
Санкт-Петербург

Языковая рефлексия в новейшей русской поэзии

По справедливому замечанию Л.В. Зубовой, в новейшей русской поэзии можно наблюдать «острую критику современной речевой практики», озабоченность «обесмысливанием» слова [Зубова – Электронный ресурс]. Действительно, языковая рефлексия в современной поэзии зачастую обращена к проблеме снижения общего уровня речевой культуры, влекущей за собой неспособность не только выражать мысли и чувства, но и осмысливать глубинные социальные и культурные процессы, воспринимать произведения искусства, поэтический текст: «Гул затих. Я вышел на подмости / Спал народ, воды набравши в рот. / Только волновались отморозки, / тыча в меня пальцами — “Не тот!”» (Евгений Каминский); «Я немецкий учил и английский учил; / А она мне: — Ну что же, чудак-фраерок? / На меня, как легавый не лай!» (Дмитрий Румянцев). Обращает на себя внимание противопоставление языковой личности говорящего и некоего третьего лица, демонстрирующего обобщенные представления об усредненной современной языковой личности, владеющей криминальным, тюремным жаргоном или примитивным, скудным словарным запасом.

Однако важной представляется не только рефлексия, относящаяся к третьему лицу, но и направленная непосредственно на анализ языковых возможностей самого автора. Н. А. Кузьмина указывает на то, что в новейшей поэзии наблюдается нарастание «рефлексии над собственным стихотворчеством» авторов, стремящихся таким образом «выйти за пределы собственного “Я”» [Кузьмина 2009: 200]. Так, например, в стихотворении Валерия Скобло оценка речемыслительных способностей потенциального адресата сопряжена непосредственно с оценкой собственных поэтических возможностей:

Как мне достучаться до тебя, урода?
Ты же не деревянный совсем.
Тем всего три: смерть, любовь и свобода —
И нету других тем.

Они ведь вовсе не следуют друг из друга,
Но иных не придумать — их нет.
Очнись... Соиди же с привычного круга
И не молчи в ответ.

Образ адресата в тексте представлен резко отрицательно: негативно маркирован грубой разговорной лексемой *урод* и лексемой *деревянный*, использованной в переносном значении. Интересно, что формальное обращение к читателю соотносится, скорее, не с читателем, а с «минус-адресатом», то есть адресатом, который вообще не обратится к поэтическому тексту. Так, введение в стихотворение обращений нужно для обнаружения поэтической несостоятельности самого автора, невозможности донести важные для него смыслы посредством поэтического высказывания.

Распространенным в современной поэзии является пренебрежительное отношение к возможностям собственного поэтического языка:

«Тридцать лет слагаю оду, / избегая крупных тем, / одеялу. А народу / буду я любезна тем, / что с улыбкой Моны Лизы, / с простотою букваря / любящихся вокализы / подтекстовывала я» (Вера Павлова), «Пронзительней сморозить нечто в рифму / чем объяснять. И если некий типчик / засвищет или я вороной крикну, / то карр имеет смысл и прав мотивчик» (Анатолий Найман). Если в указанных контекстах обнаруживается скорее ироничная, саркастическая оценка поэтического высказывания, то в стихотворении Ганны Шевченко «В плазме окна демонстрирует май» языковая авторефлексия связана с использованием нарочито грубой метафоры. В тексте сталкиваются лексемы, относящиеся к сфере возвышенного, и лексемы, обозначающие неприятные физиологические процессы, заболевание: «Ангел проснется, откроет затвор, / выльет на головы чашу азота, / чтоб наугад разливался раствор — / ток стихотворный, небесная рвота / Что в этой влаге: частицы дождя, / взвесь окаянная, слезы Марии, / мироточение из-под гвоздя, / флора божественной дизентерии?». Наряду с большим количеством лексики, относящейся к денотативной сфере «Религия» (ангел, мироточение, божественный, прецедентное имя Мария) неожиданным является употребление слов *рвота* и *дизентерия*. Данные метафоры относятся к процессу написания стихов, которые находят своего автора совершенно случайно. Таким образом снижается образ божественного мира, поскольку в нем отсутствует идея предопределенности как некоего осознанного со стороны высших сил явления.

Представление стихов как отходов жизнедеятельности высших сил, имеет двунаправленный снижающий эффект: значение поэта и поэзии утрачивает особое возвышенное, сакральное значение, во-первых, в связи с тем, что стихотворение представляет неприглядный материал, во-вторых, в связи с тем, что творец (поэт) лишен уникальности — в тексте отрицается идея таланта как особого дара свыше.

Поэтический язык так же представляется пустым, не приспособленным для передачи лирического высказывания, что формирует образ автора, уставшего от банальности и невнятности языка собственных текстов. Так, в стихотворении «Грех пустоты» Владимира Козлова ущербность авторского языка связана с неуникальностью, вторичностью своего поэтического слова. Языку присваиваются предметные характеристики — возможность изнашиваться и выходить из употребления по причине частого использования: *«А там без тебя — никак, / там, что ни возьми, — не готово. / И нигде не впитают так / твоё стертое до дыр слово»*. В стихотворении Инны Лиснянской «Мне не пишется. Но все-таки» процесс поэтического творчества описан в следующем четверостишии: *«На что я жалуясь? / Ах, боже мой, / Ярифмой балуюсь, / Арифма — мной»*. Лексема *баловаться* переводит ситуацию в игровой дискурс, где язык своего рода забава, игрушка, таким образом в стихотворении происходит снижение статуса поэтического языка и поэтического творчества, которое оказывается необязательным, незначимым. Резкое пренебрежение не самим предметом речи, а необходимостью создания текста высказывается Константином Комаровым в стихотворении «Простыня», в котором обыгрываются различные значения лексемы *простыня* в литературном языке и в жаргоне: *«Нас с тобою небеса / вздули. / Почему б не написать? / Х...и?»*. У Александра Авербуха стихотворение предваряется рефлексией о тексте, о его материале: *«веришь ли это опять слова / мятой памяти карусель / голос растерянно-угловатый / одно за другим просеивает»*. В контексте актуализируется не только сема повторяемости, но и сема развлечения (игры), что также соответствует ощущению необязательности, вторичности авторского языка. Подобная авторефлексия, вплоть до коммуникативного самоубийства, становится в современной поэзии востребованным приемом репрезентации образа автора, якобы дискредитирующего самого себя: *«Дорога стелется скатеркой / все в деревянную кровать, / а что метафоры затерты, / мне с января еще плевать. / На скромные запросы птички / у словаря беру займы»*.

/И вновь моя весна почти что / неотличима от зимы» (Константин Комаров).

Новейшей поэзии свойственен особый тип рефлексии над языком, в том числе поэтическим, предполагающий переоценку значимости языка в современном мире, снижение его ценности и содержательности. «Представление о том, что сейчас уже невозможно прямое лирическое высказывание» [Зубова: Электронный ресурс], оборачивается критичным или уничижительным отношением к возможностям собственной поэтической речи, установкой на использование стилистически сниженной лексики и субстандарта, иронической и саркастической интонации для создания образа автора.

Литература

Зубова Л. В. Критика и защита языка современной поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/478/38478/files/spr0000051.pdf>

Кузьмина Н. А. О некоторых тенденциях современной поэтической коммуникации (автор – читатель – издатель) // Стереотипность и творчество в тексте / под ред. проф. Е. А. Баженовой. – Пермь, 2009.

Н. А. Румянцева
Санкт-Петербург

Диалектные словари

в современном лексикографическом пространстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Современный мир, одной из особенностей которого является активное развитие науки и техники, требует от нас умения ориентироваться в огромном потоке информации, постоянно пополнять знания. Это под силу лишь образованному человеку, обладающему высоким уровнем культуры, в том числе культуры языковой, речевой, коммуникативной.

В становлении образованного человека важную роль играют словари. Чтобы лексикографический источник был полезным инструментом, а не барьером при решении коммуникативных задач, он должен

соответствовать уровню лингвистической компетенции пользователя [Козырев, Черняк 2007: 158]. Одной из составляющих лингвистической компетенции современной языковой личности является знание метаязыка словарных описаний, что позволяет извлекать из словаря полную и адекватную информацию.

Диалектные словари занимают особое место в общей системе словарей русского языка, поскольку наиболее явно и органично сочетают в себе элементы синхронии и диахронии. К настоящему времени отечественная лексикография насчитывает 183 диалектных словаря, из которых 137 были изданы в течение последних двадцати лет. Диалектные данные, представленные в словарях, являются своеобразными «отпечатками истории» [Крылова 2011: 57]. Они дают представление о языковой картине мира тех, кто объединен общностью территориального проживания, и являются источником общекультурной информации о традициях конкретного региона, особенностях жизни и быта, сложившихся в нем [Кайгородова, Кайгородова 2011: 40]. Сегодня, когда утрачивается общность культурного кода представителей разных поколений, диалектные словари воскрешают «память места» и поэтому, сохраняя огромное научное, историко-культурное значение, приобретают большую социокультурную значимость.

Информация, представленная в диалектных словарях, традиционно использовалась исследователями русского языка и историками, этнографами и краеведами, однако необходимо учитывать и возможность обращения к ней широкого круга читателей, интересующихся живой речью народа. Расширение круга потенциальных пользователей требует от лексикографа четкого представления о том, кому будет адресован словарь и каким должно быть словарное описание. Рассмотрим на конкретных примерах, как учитывается составителями диалектных словарей фактор адресата.

Обратимся к «Словарю говоров Подмосковья» А. Ф. Войтенко [Войтенко 1995]. Словарь ставит перед собой задачу показать с известной полнотой современное состояние диалектной лексики говоров, окружающих Москву. Приведем пример словарной статьи:

БЕЛЕНДРЯСИТЬ (БЭЛЭНДРАСИТ), сишь, несов., неперех., Ш у т и т ь, б а л а г у р и т ь. Вот приходят фсе г Балакиным, а дет Иван и белендрясит з бабъми, веселый, он, патшучивъит. **ПА – Зим. ПА – Корен.**

Фонетический принцип подачи иллюстраций позволяет увидеть особенности диалектного произношения в московских говорах. Обозначение **ПА** указывает на переходные акающие говоры. Представленная информация актуальна в первую очередь для исследователей-филологов.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики объясняет интерес исследователей к феномену языковой личности. Именно поэтому особый интерес для них представляет «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е. В. Иванцовой [Полный словарь... 2006-2012].

В качестве объекта лексикографирования выбрана речь Веры Прокофьевны Вершининой (1909 – 2004), жительницы с. Вершинино Томской области. Составители рассматривают ее как типичную языковую личность (рядовой носитель языка, типичный житель села, носитель диалекта). Наблюдения над речью В. П. Вершининой велись почти четверть века, результатом этих наблюдений стал корпус текстов, объемом около 10 000 печатных страниц. Четырехтомный диалектный словарь полного типа, в котором с уникальной для диалектной лексикографии полнотой отражен идиолексикон информанта, не только представляет ценный материал для исследователей-филологов, но оказывается важным источником для социологических, психологических, культурологических исследований.

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова [Дуров 2011] также привлечет внимание не только филологов, но и историков, этнографов и краеведов.

Значения в словарной статье располагаются от широко известных к редко употребительным. Ср.:

Борода'вица, -цы; ж., ед. **1.** Бородавка. **2.** Кочка, бугорок на главной сенокосной равнине луга. **3.** Строение и вообще какой-либо предмет, торчащий перед окнами соседнего дома. *Дом-то построил против наших окон, как какая бородавица торчит.* **4.** Утес, возвышающийся над поверхностью моря. Повс. **5.** Ругательное в смысле: приземистый с корявым от оспы лицом человек. *Куда эта бородавица-то пошел?* Сум.

Переносный характер семантики наряду с пометой перен. (переносное), встречающейся при образных, метафорических словах, обозначается формулой *выражение в смысле* (см. *ругательное в смысле*). Цитаты конкретизируют толкование: диалектное употребление выделяется курсивом. Завершается словарная статья информацией о

географическом распространении слова на Поморском берегу Белого моря (*повс.* – повсеместно, употребляется во всем Беломорье; *Сум.* – с. Сумский Посад). Использование метаязыковых комментариев, объясняющих специфику употребления слова и указывающих на территорию его распространения, адресовано в первую очередь филологам.

Во многих словарных статьях этого источника тщательно описаны особенности рыболовного промысла, традиционного быта, семейной и праздничной обрядности. Статьи снабжены примерами из фольклора, фразеологизмами, пословицами и поговорками. Подобный материал носит отчетливый культурологический характер и демонстрирует типичную для современной лексикографии тенденцию к соединению собственно лингвистической и энциклопедической (лингвокультурной) информации.

С пословицами и поговорками человек встречается уже в раннем детстве, изучаются они и в рамках школьной программы. Именно поэтому «Словарь псковских пословиц и поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной адресован не только специалистам-филологам, исследующим особенности речи жителей Псковской области, но и обычным школьникам, а также всем, кто интересуется произведениями устного народного творчества.

В этом лексикографическом источнике представлены фразеологизмы-пословицы, поговорки и устойчивые сравнения, например:

Грызь. Грызь кошкина. *Бран.* О назойливом, надоедливом человеке. *Вот грызь-та кошкина, надоел.* Дн. ПОС, 8, 59 < Грызь – воспаление костных тканей, костоеда.

Степень развернутости толкования зависит от усложненности семантики конкретной единицы. Для устойчивых сравнений преобладают описательные формулы (ср.: *о назойливом, надоедливом человеке*). Стилистические пометы призваны точнее представить сферу употребления паремий и их усложненную семантику (ср.: *бран.*). Контекстные иллюстрации представляют собой примеры употребления описываемых выражений в речи псковичей. Завершает словарную статью указание на источник, из которого приведена паремия. В отдельных случаях комментируются те компоненты паремий, которые могут быть недостаточно понятными. Комментарий выделен специальным знаком < (ср.: < Грызь – воспаление костных тканей, костоеда).

Материал данного словаря доступен читателям разного возраста и с разным уровнем сформированности лингвистической компетенции.

Совершенно очевидно, что адекватное описание русских народных говоров невозможно осуществить в рамках одного лексикографического источника, для этого необходим комплекс диалектных словарей различных типов [Козырев, Черняк 2000: 242]. Анализ лишь малой части таких словарей дает возможность говорить о том, что каждый читатель сможет найти в имеющемся лексикографическом комплексе диалектных словарей источник, соответствующий уровню его знаний и отвечающий его интересам.

Подводя итог, следует отметить, что потребители современной словарной продукции, различающиеся уровнем образованности и степенью сформированности лексикографической компетенции, требуют от лексикографа четкого представления об образе потенциального читателя. Одним из наиболее важных факторов, которые оказывают влияние на построение текста (в том числе и текста словаря), является то, что «интерпретация осуществляется не только для самого говорящего <...>, но и с обязательным учетом адресата» [Звегинцев 1980: 16].

Литература

- Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста // Известия АН СССР, СЛЯ, Т. 39. – 1980. – №1. – С. 1–21.
- Кайгородова И. Н., Кайгородова Е. Б. Словарное описание лексики и фразеологии Астраханского региона // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. – СПб., 2011. – С. 40–41.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб., 2000.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: Монография. – СПб., 2007.
- Крылова О. Н. Диалектный словарь как источник этнокультурной информации // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции. – СПб., 2011. – С. 57–58.

Словари

- Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Моск. пед. ун-т, 1995. – Вып. 1. – 216 с.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск, 2011. – 453 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь псковских пословиц и поговорок: [13 000 единиц] / С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. – СПб.: Норинт, 2001. – 173 с.

О. П. Семенец
Санкт-Петербург

Способы семантизации заимствований в тексте

Процесс заимствования иноязычной лексики играет важную роль в функционировании и развитии лексической системы. Лингвистические взгляды Н. М. Карамзина о роли иноязычных слов, а также о способах их введения в литературный язык не утратили своей актуальности в связи с тем, что процесс заимствования активен в современном русском языке.

Модная индустрия является одной из сфер, язык которой активно использует внешние заимствования [Крысин 1996]. Именно здесь они особенно востребованы, так как имеют «особый стилистический отпечаток новшества» [Виноградов 1982: 68]. Признавая русский модный дискурс вторичным относительно западноевропейского, современные исследователи говорят о формировании в нем особой терминологической системы, включающей «большой объем немотивированной для носителей русского языка в различной степени ассимилированной и неассимилированной заимствованной лексики, передача которой характеризуется отсутствием системности и в выборе способов перевода и нередко сопровождается переводческими ошибками» [Губина 2015: 11–12]. Поскольку язык модных журналов ориентирован не только на специалистов в области моды, но и на покупателей модных товаров, которые часто понимают специфическую терминологию, адресанты текстов вынуждены учитывать фактор адресата и семантизировать иноязычные лексемы.

Способы семантизации довольно разнообразны. Чаще всего это может быть частичный перевод сложных номинаций. Например, лексема «гик-шик» объясняется через обращение к языку донору: «Тренд критики прозвали **гик-шиком** – от английского слова **geek, то есть одержимый компьютером «гений»**. Девушки Микеле выглядели *как не вылезавшие из библиотеки студентки в очках, беретах, шерстяных чулках, жакетах и длинных плиссированных юбках*. И при этом не-

вероятно **гламурно**, потому что *юбки были сшиты из ламе и шифона, пальто и жакеты – из парчи: а оправы усыпаны стразами, блестками или украшены цветами*» (Vogue Россия, 08.02.2016). Семантизация второй части «шик» данной лексемы эксплицирована через синоним «гламурно» (ср. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова: «ГЛАМУР, -а; м. [англ. glamour очарование, **шик**] Показная роскошь, демонстративное великолепие; нарочитый **шик**»). Для подкрепления объяснения потенциально незнакомой читателю лексемы автор текста использует отсылку к зрительным образам.

Наименования новых видов одежды составляют круг безэквивалентной лексики модного дискурса, семантизация которой обязательна, особенно если соответствующие лексемы еще не привычны для адресата. Так, в статье «Тенденция: люди в худе. Где купить **правильную** худе и как **ее** носить» (Vogue Россия, 08.02.2016) употребление лексемы «худе» сопровождается не только лексической, но грамматической адаптацией к русской языковой системе: «Именно с подачи Гоши и Демны (в компании с подружкой дизайнеров стилистом Лотой Волковой) в моду резко вернулись худе – **флисовые толстовки с капюшонами, изначально ассоциировавшиеся с униформой спортивных команд американских университетов, которые особенно любили в 90-е**». Семантизация лексемы осуществляется через описание похожих, но уже известных предметов одежды и небольшого лингвокультурного комментария о происхождении соответствующего предмета одежды. Соотнесенность с женским родом, представленная в заголовке статьи, мотивирована родовым наименованием – «толстовка».

Введение в модный дискурс специальной лексемы «диамантье» – «ювелир, работающий исключительно с бриллиантами», – мотивировано потребностью в специализации понятий. Так, семантизация лексемы может быть осуществлена через перевод «diamond» – «бриллиантовой» и перенос синтагматических связей с лексемы «ювелир» на «диамантье»: «Как-то Катя шла в магазин <...> на Сорок седьмой, «**Бриллиантовой**» улице, где работают и *торгуют мастерские местных диамантье*. «Зашла <...> и поняла: хочу там работать». <...> Ее взяли уборщицей, потом допустили до *огранки, полировки и гравировки*. Спустя два года отец и сын **диамантье** сказали: «Все, мы тебе больше не нужны» (Vogue Россия, 03.09.2012).

Подбор синонима является одним из наиболее удобных способов семантизации иностранной лексики, например, слова «лайнер» и

«глиттер»: «Нарисуйте широкую линию <...> Сначала мягким карандашом, а затем обведите **подводкой**, или **лайнером**»; «Глиттер. **Блестки** на лице моделей вторили столь актуальному уже сейчас металлическому мерцанию обуви и виниловому — аксессуаров и верхней одежды» (Vogue Россия, 15.03.2016). Такие описания в модных журналах часто сопровождаются фотографиями, таким образом, есть основания, чтобы выделить еще один вид дополнительной нелингвистической семантизации — наглядно-визуальной.

Использование изображений как средства объяснения незнакомых лексем — одна из самых простых и очень удобных форм семантизации, однако она эффективна для слов с предметным значением, как например, «лофер»: «**Лоферы** — вещь не только дня, но и недели, месяца, этого лета, этой осени да и вообще на все времена. Чтобы понять всю прелесть такой *обуви*, достаточно взглянуть на нашего директора моды *Екатерину Мухину*, разгуливающую по редакции в лоферах, или на *Марию Карлу Босконо* в «пенни лоферах» — и далее представлены соответствующие фото. Однако для объяснения различий автору статьи приходится вводить поясняющий лингвострановедческий комментарий: «**Пенни лоферами**» называются модели с прорезью на язычке: раньше среди американских школьников и студентов существовала традиция засовывать туда монетку-пенни перед экзаменами — на удачу» (Vogue Россия, 24.08.2011).

Использование иллюстраций как способа нелингвистической семантизации заимствований активно используется в модном дискурсе, особенно для предметной лексики. Однако он неэффективен, когда зрительно различия не видны. Например, при разграничении понятий «лоферы» и «слиперы»: внешне предметы очень похожи. Дифференциальными семами этих слов одной ЛСГ «предметы обуви» являются указания на материалы изготовления: «слиперы шьются из кожи, замши, текстиля» и имеют мягкую подошву, в то время как лоферы «изготавливаются только из кожи или замши» и имеют твердую подошву» [http://thedifference.ru/chem-otlichayutsya-slipery-ot-loferov]: изначально слиперы представляли собой вид домашней обуви, а лоферами стали называть сшитую по такому образцу более прочную уличную разновидность.

Как показывает наблюдение за использованием данных лексем, даже специалистам порой сложно разграничить эти понятия, так, они смешиваются в высказывании: «Высоченные тонкие как иглы шпиль-

ки, расшитые пайетками массивные платформы, **шелковые лоферы**, ботфорты из комбинации кож и даже бархатные клоги — обувь на показах Высокой моды в этом сезоне была особенно разнообразна» (Vogue Россия, 10.07.2015). Однако этот способ семантизации удобен, как в случае с лексемой «клоги»: достаточно нескольких иллюстраций, чтобы понять, что это обувь на деревянной подошве. Тем не менее, признаем, что нелингвистическая семантизация неэффективна для схожих понятий.

Наибольшую сложность для комментирования представляет собой абстрактная лексика, например, названия модных стилей и направлений. Это ситуация, когда слово может стать агнонимом для самого широкого круга читателей. Так, коммуникативные сбои, связанные с явной агнонимией термина, наблюдаются даже в профессиональной коммуникации, где, казалось бы, таких затруднений не должно быть. В интервью директора моды японского Vogue Анна Делло Руссо журналист вынужден комментировать слово «нормкор», которое оказывает непонятным адресату: «Ж. — А что вы думаете о **нормкоре**? А.Д.Р.: — О чем? Что это? **Нормкор**, правильно? Ж.: — Да, это такой *максимально простой стиль — белые футболки, кроссовки, треники, свитшоты...*» (Vogue Россия, 01.06.2015).

Чувствуя неосвоенность термина, авторы всякий раз стремятся семантизировать его: «стиль **нормкор** предписывает выбирать *ничем не примечательные, обычные и малозаметные вещи*» (Vogue Россия, 20.02.2016). Причем комментарий может быть как предельно кратким и обобщенным («Свежее лондонское прочтение модного **нормкора** можно увидеть в нашей streetstyle-подборке и подсмотреть, как *самые простые вещи*, которые, пожалуй, *есть в гардеробе у каждого*, можно носить нескучно» (Vogue Россия, 16.06.2015)), то так развернутым: «Но мы отдали предпочтение *сдержанным моделям* из текстиля, которые <...> выдадут в вас *модницу новой формации* — сторонницу *ню-йоркской тенденции Normcore*. Смысл нормкора в том, что *стало модно быть немодным, и уставшие от «вещей сезона» модники стали нарочно покупать как будто бы ничем не примечательные вещи*» (Vogue Россия, 15.04.2014) или: «**Нормкор** — тенденция на «моду без моды», захватившая индустрию два года назад, — не исчезла <...> Простые «безликие» вещи, не кричащие о своем происхождении вещи и «новый минимализм» уверенно шагают по планете <...>. Теперь (в моде — О.С.) *простые белые рубашки, резиновые шлепанцы и однорорт-*

ные однотонные пальто. <...> Секрет успеха нормкора в комфорте и функциональности. Эти вещи не просто можно носить «со всем», они по-настоящему эффективно решают вопрос «что надеть?» для вечно опаздывающих жителей больших городов. Эти «неприметные» вещи легко комбинируются между собой, составляя бесконечное количество одинаково-разных комплектов. Крой, как правило, свободный, а размеры четко типизированы, так что можно без примерки быстро покупать их через интернет» (Vogue Россия, 31.07.2015).

Подводя итог, отметим, что в языке моды существуют два способа семантизации новых слов: лингвистический и нелингвистический, наиболее точным и универсальным из которых является первый из названных, осуществляющийся через попытку полного или частичного толкования и комментирования лексем.

Литература

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., 1982.

Губина В. В. Типология современного русскоязычного дискурса моды в аспекте перевода с английского на русский язык: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015.

Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX века. – М., 1996. – С. 142–161.

К. П. Сидоренко
Санкт-Петербург

Ассоциативные реакции в словаре интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова

При словарном описании интертекстовых единиц, восходящих к творчеству одного автора, учитывается материал, соотносимый как с текстами общеизвестными (хрестоматийными), так и с текстами малоизвестными, выходящими за рамки круга словесной культуры. Сплошная выборка крыловских цитат показала, что вся книга басен (198 произведений) вошла в цитирование [см. Мокиенко, Сидоренко 2013]. При этом нередко «цитатная ситуация» основывается на текстовых ассоциациях. В данной заметке предлагается возможная

лексикографически целесообразная классификация интертекстовых стимулов и интертекстовых реакций, выделение которых являлось иногда единственным основанием для введения в словарь цитатной единицы.

Прежде всего, выделяются ассоциативные структуры, основанные на соотносительных связях в рамках конкретного басенного текста (микротекста). При этом достаточно типичным будет положение, когда содержание цитаты (интертекстового единства) не соотносится с басенной содержательной доминантой (моралью) и опирается на бытовую конкретику, нарративные сопроводители, определившие судьбу басни на уровне макротекста, т.е. объединении «всех существующих в культурном пространстве текстов» [Данилевская 2003: 216].

Слово в буквальном значении как текстовый стимул. Так, в описании перипетий, связанных с реальным мостом, порождается «цитата для цитаты», не комментирующая поиски бродя (мост > чем на мост нам идти, поищем лучше броду, басня «Лжец»):

«Когда же нам приказано выступать?» – спросил Коншин. «Сейчас надобно уж начать выступление», – ответил Шангин, и Ливенцев удивленно сказал, пожав плечами: «О чем же мы говорим еще, если сейчас? Сейчас – значит сейчас. И будем двигаться на мост. – «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду!» – неожиданно для всех продекламировал Тригуляев, и на этом закончилось обсуждение задачи. Через четверть часа рота Ливенцева первой подошла к мосту (С. Сергеев-Ценский. Преображение России <1958>).

Как аллюзию на басню «Осел и Соловей» можно воспринимать реакцию на конкретного петуха:

И вот каждое утро, точно в три часа и в пять, повадился приходить к кабинетному окну огромный красно-желто-сине-зеленый с золотом лоншанский петух и орал неистово во все свое петушиное горло <...> «Я тоже, – сказал он [Ефим Андреевич], был близко знаком с одним таким петухом, по выражению великого Крылова (А. И. Куприн. Однорукий комендант <1923>).

Заметим, что перед нами также и возможная контаминация с «Воронной и Лисицей» («Ворона каркнула во все воронье горло»). Возникает расширенная ассоциативная структура, выходящая на связи мегатекстовые («межбасенные»), что достаточно типично.

Ср. примеры цитатной реакции на предметную конкретику, обозначение которой лишь пересекается с басенным персонажем (Слон >

по улицам Слона водили, басня «Слон и Моська»). При этом происходит инверсия в ассоциативной структуре, слово-стимул («фигура слона») располагается после реакции-цитаты:

В Международный день защиты детей Центр проводит на Дворцовой площади интерактивный праздник «Волшебная страна» <...>. В завершении праздника состоится акция «По улицам Слона водили» <...>. На площадке будет установлена 3-х метровая фигура слона (Портал Северо-Запада России. 2009. 31 мая. <http://spb.allnw.ru>)

Ср. также: [Слон – как образ труженика] Видишь, читатель, сколько шерсти мы с тобой остригли, сколько шкур распяли на рогатках за небольшую нашу вылазку в городскую дебрь <...>. Я раздвину стволами глухую заросль и покажу тебе ехидно смеющиеся пасти крокодилов, мгновенный поворот тигриного тела <...> и слона, слона, которого никто не заметил, тяжело ворочающего в зарослях бревна нашей стройки (Н. Н. Асеев. Охота на гиен <1929>).

Название блюда (уха) последовательно дает реакцию *демянова уха*, при этом исходное значение – «назойливое угощение или услужливость», являющееся основой басни «Демянова уха», выступает лишь как интертекстовый фон:

В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...>. Разумеется, была стерляжья уха под именем *демяновой ухи* и все, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова (Е.А. Карлгоф. Жизнь прожить – не поле перейти <1881>).

Траурная обстановка и возникающие вопрос – ответ (интертекстовые стимул – реакция), сходные со случаем, описанным в басне «Прихожанин», пародийно повторяет финал басни. При этом басенный вопрос (*А у тебя, сосед, знать, черствая природа, Что на тебе слезинки не видать?*) заменяется на вопрос, сегмент которого совпадает с ответом-реакцией (*не плачешь*):

По присланному нам приглашению от Наталии Николаевны Пушкиной, мы с мужем присутствовали при отпевании великого поэта в Конюшенной церкви; мы *оплакивали* его, как родного... Да и могло ли быть иначе! К сожалению, как говорят французы <...>, печальное иногда спотыкается о смешное. Я стояла близ гроба в группе дам, между которыми находилась добрая, искренно мною уважаемая Елизавета Михайловна Хитрово. Заливаясь слезами, выражая свое сожаление

о кончине Пушкина, она шепнула мне сквозь слезы, кивнув головою на стоявших у гроба официантов во фраках, с пучками разноцветных лент на плечах: <...> *Хоть бы слезинку проронили!* Потом она тронула одного из них за локоть: «Что же ты, милый, *не плачешь*? Разве тебе не жаль твоего барина?» Официант обернулся и отвечал невозмутимо: «Никак нет-с. Мы, значит, от гробовщика, по наряду». «*Плакать мне какая статья: ведь я не здешнего прихода!*» – шепнул нам С. А. Соболевский (А. М. Каратыгина. Мое знакомство с А. С. Пушкиным <1879>).

Двойной стимул. Начало басни «Петух и Жемчужное Зерно» («Навозну кучу разрывая, Петух нашел Жемчужное Зерно») разделяется, образуя ассоциативную структуру, осложненную текстовой парадигмой стимула (*жемчужное зерно > жемчуг > золотой зуб*). Оба стимула соотносятся и с универсацией (*жемчужное зерно > жемчуг, навозна куча > навоз*), «актуаизирующей» бытовую конкретику:

Новая перспектива: свобода в *жемчуге*: У доктора Смирнова на виду *золотой зуб*. «Спрячьте его, а то реквизируют». – «Я нарочно показываю, хочу поменять на навоз. Вот, братец мой, *навозу-то!* Все *навоз* и *навоз!*» – «Наверно, есть, *петух*, помните! *нашел жемчужное зерно!*» Доктор не понял меня и не мог понять (М. М. Пришвин. Дневники. 1920).

Еще раз отметим, что морализаторская основа басни («истинная ценность чего-либо», у Крылова – *жемчужное зерно* противопоставляется *зерну ячменному*) уходит на периферию.

Наличие двойного текстового стимула просматривается и в семиотически усложненной текстовой ситуации, соотносимой с басней «Стрекоза и Муравей», как подпись под фото: на цветке сидит *стрекоза*, рядом на листке *муравей*. Комментирующие слова: *Злой тоской удручена, к Муравью ползет она* (<http://www.photosight.ru> <2009>).

Двойной стимул и двойная реакция. Одна и та же цитата в разных случаях возникает как реакция не только на два стимула, но и дает две реакции. Например, первый стих басни «Мартышка и Очки» выступает только как позиционно предшествующая реакция на очки (т.е. ухудшение зрения):

Мартышка к старости слаба глазами стала. Вчера получил свои *очки*: ощущение такое, как будто разом навели резкость, хотя минус у меня небольшой (<http://kutachev.livejournal.com> <2007>).

В другом случае интертекстовая структура усложняется, возникает еще и двойная реакция (стимул *обезьянка, очки* – реакция *Мартышка и очки; Мартышка к старости слаба глазами стала*):

[Загол.] *Мартышка и очки*. [В тексте] «*Мартышка к старости слаба глазами стала...*» Когда Крылов писал эти строки, наверняка не предполагал, что басня станет былью. Тем не менее, когда у цирковой обезьянки Тото стало падать зрение, дрессировщики отвели ее к окулисту и выписали очки (Незнайкины странички. Развлекательная и познавательная газета для детей и подростков [Новокузнецк]. 2009. № 10). Здесь же стимул, в свою очередь, осложняется лексической парадигматикой (*мартышка / обезьянка*).

Стимул, соотнесенный с двумя баснями (реакциями). Ассоциативное стремление микротекста к мегатексту (басня > книга басен) нередко приводит к расширению интертекстового пространства и возникновению стимула, соотносящегося с двумя баснями («Зеркало и Обезьяна» и «Обезьяны»):

«Слушай, ты понимаешь, что твой ученик – обезьяна? Только что прыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? *Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа...* – «Зеркало и Обезьяна», вспомнила?» – «Кто обезьян видал, те знают, как жадно все они перенимают...» – «Обезьяны», – парировала Лиза. – В последних изданиях – хоть чуть, чтобы ты знала! (Анафема. Правдивая история-буфф <2009>. <http://www.russianlife.nl/anafema.htm>).

Словообразовательное усложнение стимула. Заключительные слова басни «Стрекоза и Муравей» (*Ты все пела? Это дело: Так поди же, попляши!*) образуют интертекстовую ассоциативную структуру в результате деления цитаты на вопрос и ответ, соответствующие стимулу и реакции. Даже экспериментальный материал смежен текстопорождению, а двучленная структура «стимул – реакция» может составить «грамматически отмеченное сочетание слов» [Сахарный 1989: 93]. При этом в новом тексте собственно стимул может быть соотнесен с сегментом цитаты через словообразовательный шаг (*пела > песня, певец*):

[Загол.] *Так поди же, попляши!* [В тексте] Суд Пензы признал студента местного приборостроительного колледжа виновным в публичном унижении и оскорблении преподавателей. Осенью прошлого года обвиняемый разместил в Интернете нецензурную *песню* для свободного скачивания, в которой последними словами называл сотрудников колледжа <...> В итоге «*певца*» приговорили к шести месяцам исправительных работ (Учительская газета. 2008. 5 мая).

Имплицитность стимула. Так, слово *балерина* ассоциативно-тематически связано с рядом *плясать, танцевать* и т.д. В этом случае мотивация опирается на имплицитный, скрытый тематический ряд, соотносимый с басней «Стрекоза и Муравей»:

[Загол.] *Так поди же, попляши...* [В тексте] *Балерина* Анастасия Волочкова не будет зарегистрирована кандидатом на пост мэра Сочи, сообщает 3 апреля NEWSru.Com. «Мне уже сказали, что будет отказано в регистрации по той причине, что на банковском чеке о взносе избирательного залога я не указала день своего рождения», – сказала Волочкова (Каспаров.Ru. Интернет газета Гарри Каспарова. 2009. 3 апр. <http://www.kasparov.ru>).

Цитатные реакции, основанные на содержании хорошо известных басен и частотных крылатых выражений, не только достаточно типичны, но иногда преодолевают оценочную целесообразность. Так, в статье, где лишь упоминается высокопоставленный чиновник по фамилии Тришкин (вполне положительный и успешный, не соответствующий крыловскому Тришке), дается критический комментарий-реакция в адрес другого чиновника в русле содержательной доминанты басни, давшей крылатое выражение *Тришкин кафтан* – «решение одной проблемы в ущерб другой»:

Его политику можно смело описать басней Крылова «*Тришкин кафтан*» (Дневник Legart. 10.04.2009) (<http://legart.eto-ya.com/2009/04/10/trishkin-kaftan/>).

В основе описанных выше двух примеров лежит структура, оба члена которой соотносимы с именем собственным. Однако нередки случаи обыгрывания мотивационных связей, когда интертекстовый апеллатив стимулирует употребление онима в цитатном «ореоле» (см. ниже: *дуги > Дугин > дуги гнут...*): слова из басни «Трудолюбивый Медведь» *дуги гнут с терпеньем и не вдруг* возникают как реакция на фамилию *Дугин* в иронической оценке кропотливой, но бесполезной деятельности:

[Загол.] *А Дугин гнет свое с терпеньем и не вдруг* (Интервью с Александром Дугиным). [В тексте] Александр Дугин, – фигура странная. Теоретик национал-большевистской партии Эдички Лимонова. Пишет много и с упоением. Читать его не то чтобы трудно, но удивительно заунывно (А. Андреев) (Лебедь. Независимый альманах. 1997. № 42. <http://legart.eto-ya.com/2009/04/10/trishkin-kaftan/>).

Соответственно достаточно типичным является положение, когда «один и тот же текст способен стимулировать формирование

разных структурных типов читательских проекций» [Залевская 1999: 255].

Сегментация названия басни с участием онимов. Название басни «Слон и Моська» обыгрывается в названии рассказа Александра Грина «Слон и Моська» (1906), в котором выступают персонажи – солдат Моська (Мосей) и жестокий офицер по прозвищу Слон. Имплицированная в тексте рассказа басенная номинация сегментируется и дает основу для возникновения двух текстовых стимулов и усложненной ассоциативной структуры. Собственно интертекстовая единица («Слон и Моська») выполняет функцию реакции на прозвища персонажей (Слон, Моська > «Слон и Моська»). При этом возникает «омонимия онимов». Создавшаяся текстовая ситуация близка к тому, что Т.А. Гридина называет «углублением ассоциативного фона псевдомотивации», которая «достигается наличием омонимического подтекста» [Гридина 1996: 128].

Стимул как морфема, акцентный вариант, синтаксическое значение.

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на *-ье*) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом» <...> *оконье: бедняжка-нищенский под оконьем таскался* (Крылов) (Русская грамматика. Т. I <1982>); Отдельные существительные с ударением, колеблющимся или отступающим от нынешнего <...> «Случай» имеет долго в бытовой речи ударение на суффиксе: *Да не вошел ли он в случай клыками?* (Крылов. Слон в случае) <...> *А только в случай попадись, – он первый явится в передней* (Крылов, Хмель) (Л.А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века <1954>).

Формальное обыгрывание, вызывающее ассоциативные реакции, было отмечено Т. А. Гридиной на примерах словообразовательной вариантности [Гридина 1996: 78].

Объектом лексикографической интерпретации должна являться не только собственно цитируемая часть, но вся ассоциативная структура. Интертекстовая динамика [Сидоренко 1999: 13] ориентирована на рассмотрение материала с опорой на то, что деривационная подвижность, ассоциативность, активность в текстопорождении являются условиями существования цитаты как интертекстовой структуры. В писательском словаре интертекстовых единиц такие отношения подлежат лексикографическому описанию в рамках словарной статьи.

Литература

- Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
- Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – С. 216-221.
- Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник для студентов высших учебных заведений. – М., 1999.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник. – СПб., 2013.
- Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. – Л., 1989.
- Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова: Монография. – СПб., 1999.

Ю. Б. Феденева
Екатеринбург

Эволюция концепта «коррупция» в лексикографическом представлении

Более 200 лет назад Н. М. Карамзин стал героем знаменитого анекдота, который и сегодня звучит весьма современно и служит даже некоторым оправданием неискоренимости явления коррупции в нашей действительности – дескать, воровали у нас всегда. В диалоге с князем Горчаковым на вопрос «И что же происходит в России?» Карамзин лаконично ответил: «Как обычно... Воруют-с...»

«Воруют-с» давно уже стало афоризмом и звучит в обиходе многих общественных деятелей. Под «воровством» в российской политической реальности зачастую подразумевается система «откатов», взяток должностным лицам, злоупотребление должностными полномочиями, т.е. все то, что объединяется понятием «коррупция». Очевидно, что общество осознает экономические, политические, эмоционально-психологические аспекты явления коррупции как угрожающие и требующие противодействия. Это свидетельствует о том, что феномен коррупции вышел за рамки права и требует серьезного, в том числе лингвистического осмысления.

Анализ лексикографических источников является одним из начальных этапов в комплексном исследовании концептов. Он дает

возможность выявить особенности собственно языковой семантики слов, которые служат именами концептов, и проследить эволюцию их вербализации в системе языка. Проведенное (совместно с С. В. Болтаевой) исследование позволило представить лексикографический очерк развития концепта *коррупция*, широко представленного в современном российском социально-политическом дискурсе.

Тот факт, что лексема *коррупция* была заимствована, а также семантика этого латинского заимствования определили словарную судьбу слова.

Этимологический анализ лексемы *коррупция* является общим местом множества работ юридического, экономического, социологического и др. характера. Это не удивительно: многие исследователи определяют содержание понятия *коррупция*, исходя из латинского слова «*corruptio*» – «порча», «подкуп», «взятка». В римском праве существовало также понятие «*corruptio*», которое трактовалось в целом как «разламывать, портить, разрушать, повреждать, фальсифицировать, подкупать» и обозначало соответствующее противоправное действие [Суворин 2008: 4].

Однако многие авторы утверждают, что первоначально слово *коррупция* имело более широкую семантику. Латинско-русский словарь, составленный И. Х. Дворецким, кроме вышеуказанных значений (порча и подкуп), приводит и такие значения, как «совращение, упадок, извращенность, плохое состояние, превратность (мнения или взгляда)» [Дворецкий 1976].

Свою трактовку предлагает Г. К. Мишин, указывающий, что вопреки утверждениям большинства пишущих по этим вопросам авторов, латинский термин *corruptio* происходит от двух корневых слов *cor* (сердце; душа, дух; рассудок) и *ruptum* (портить, разрушать, развращать). Поэтому суть коррупции не столько в подкупе, продажности публичных и иных служащих, сколько в нарушении единства (дезинтеграции, разложении, распаде) того или иного объекта, в том числе органов государственной власти. Таким образом, уже на уровне этимологии коррупции возникает серьезное различие в определении понятия данного явления – понимать ли под коррупцией исключительно подкуп (узкое определение) или разложение, т.е. негативные процессы в самом механизме управления (широкое определение) [Мишин 1991: 13].

Этимологические словари русского языка (М. Фасмера, Н. М. Шанского), «Историко-этимологический словарь современного русского

языка» П. Я. Черных лексему *коррупция* не рассматривают (однако не обходят своим вниманием другие заимствования, например, «коммунизм», «корректур», «коррозия» и др.). Очевидно, причиной этому служит относительная новизна для русского сознания самого понятия *коррупция*, ощущение его «чужеродности».

Россия вплоть до XX века, безусловно, была знакома с явлением коррупции, но не пользовалась данным понятием. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [Даль 1863–1866] лексема *коррупция* отсутствует, но дается целая группа смысловых эквивалентов и смежных понятий:

Подкупать, подкупить, подкупывать кого. Задаривать, ослеплять мздою, надеть золотые очки; привлекать, преклонять тайно на свою сторону деньгами, подарками, задабривать, прикармливать кого в свою пользу.

Подмазывать кого. Подкупнуть, дать взятку, задарить, надеть золотые очки.

Характерно упоминание о «золотых очках» – атрибуте власти, богатства и, позже, учености, образованности – это, очевидно, косвенное указание на адресата действия.

Примеры употребления демонстрируют этическое и своеобразное философское отношение русского народа к подкупу: *Подкупленного судью на том свете за ребра вешают. Не подкупишь на кукиш. Кто подкупает, деньгами или подарками, соблазняет на неправду.*

Орудие подкупа – взятка – в словаре В.И. Даля также не обойдена вниманием: **взятка** – срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, бакшиш, хабара, могоарыч, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело. В этом определении присутствует и нейтральное отношение к факту взятки (дары, гостинцы, подарок), и правовая оценка взяточничества – «подкуп на незаконное дело».

Таким образом, в определениях словаря В. И. Даля отражены обе стороны процесса подкупа – берущая и дающая – но нет синтезирующего понятия.

В советскую и постсоветскую эпоху содержание словарных толкований понятия *коррупция* определялось идеологическими и социальными факторами. Так, в полном соответствии с постулатом о превосходстве советского строя над всеми остальными в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка», издававшемся с 1950 по 1965 год, дается следующее толкование слову *коррупция*:

Коррупция. В капиталистических странах – подкуп, продажность должностных лиц, политических деятелей.

Иллюстративный материал тоже «оттуда»: *Коррупция при Стюартах была очень сильна: ею, как известно, были затронуты сами члены королевской семьи. Карл II был просто на жалованье у Людовика XIV.*

В первом советском толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, изданном в 1934 году, лексема *коррупция* отсутствовала [Ушаков 1935]. В поздних переизданиях этого словаря появляется определение, опирающееся на латинскую этимологию слова *коррупция*:

Коррупция, [лат. *corruptio* – порча] (публиц). Подкуп, соблазнение, развращение взятками (должностных лиц) [Ушаков 1996].

С небольшими вариациями это (узкое) толкование встречается во многих словарях: например, в ранних редакциях словаря С. И. Ожегова [Ожегов 1956], в «Иллюстрированном толковом словаре» В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной [Лопатин, Лопатина 2007] и др.

Стилистическая помета (публиц.) указывает, скорее всего, на источник проникновения лексемы *коррупция* и однокоренных слов в русский язык – это газетная публицистика. Об этом же свидетельствует словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов, упомянувший глагол *коррумтировать* и проиллюстрировавший его значение примерами из газеты «Правда» (снова о реалиях западного мира): *Безработица, низкий уровень жизни подавляющего большинства населения, засорение государственного административного аппарата коррумпируемыми элементами – вот тяжелые беды страны* [Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов 1971].

Данные «Толкового словаря иноязычных слов» под редакцией Л. П. Крысина позволяют выдвинуть версию, что языком-посредником при заимствовании этой лексемы для русского языка стал немецкий: в статьях к словам «коррумтировать» и «коррупция» в качестве источника указаны глагол *korrumpiertgen* и существительное *Korruption* [Крысин 2010].

Время вхождения понятия *коррупция* в русский языковой обиход растянулось на несколько послевоенных десятилетий вплоть до 80-х годов, по свидетельству Н. З. Котеловой, включившей в пятнадцатитысячный банк русских неологизмов глагол *коррумтировать* [Котелова 1983].

Постепенно отношение к явлению *коррупции* менялось – она начала осознаваться как насущная проблема, негативно влияющая на россий-

ское общество. Лексема *коррупция* в постперестроечное время получает расширенное толкование и снабжается другой стилистической пометой – (книжн.). Это говорит о закреплении слова в письменных стилях, прежде всего, в научной сфере, где происходит рациональное осмысление феномена коррупции, а также в правовом и политическом дискурсах.

В толкованиях появляются слова с яркой оценочной семантикой, например, в статье словаря С.И. Ожегова 1997 г.:

Коррупция (книжн.). Моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами. *Коррупция государственных чиновников. Коррупция во властных структурах* [Ожегов, Шведова 1997].

Негативная эмоциональная и рациональная оценка содержится в денотативном ядре лексем *разложение*, *незаконный*, *взяточничество* (должностное преступление), *хищение*, *мафиозный*. В дефиниции акцент сделан на классифицирующей семе «результативное действие»: результат коррупционных действий – разложение.

«Большой академический словарь русского языка» под ред. К.С. Горбачевича, с одной стороны, опирается на традиционное определение, данное со ссылкой на капиталистические страны, а с другой стороны, резко усиливает негативную оценку явления коррупции с акцентом на самом действии и его мотивации.

Коррупция. Прямое, беззастенчивое, хищническое использование должностным лицом своего служебного положения, прав и возможностей, связанных с ним, в целях личной наживы; продажность должностных лиц, политических деятелей. ...*Социальный портрет эпохи застоя будет неполным, если не отметить колоссального развития различных форм коррупции.* А. Сахаров. Неизбежность перестройки. [Большой академический словарь русского языка 2007].

Кроме того, в современные толковые словари включаются дефиниции однокоренных слов (*коррумтировать*, *коррумпируемый*, *коррупционный*, *коррупционер*).

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов 2003] дается следующая словообразовательная цепочка:

Коррумтировать → коррупц-иј-а → коррумтировать.

Очевидно, что это словообразовательное гнездо сегодня активно пополняется:

коррупировать → коррупированный → коррупированность
коррупция → коррупционный → коррупционно
→ коррупционность
→ предкоррупционный
→ антикоррупционный
→ коррупциогенный

Лексема *коррупция* и ее производные «обживаются» в языке, вступая в системные связи с другими русскими словами. Так, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой в редакции 1969 года лексема *коррупция* включена в синонимический ряд наряду со словами *продажность, подкупность* (устар.), при этом доминантой ряда является слово *продажность* как стилистически нейтральное и более употребительное [Александрова 1969].

В более поздних редакциях словаря синонимами «обзаводится» и глагол *коррупировать*: *подкупить*: 1. *дать взятку, купить, подмазывать, подмазать, дать в зубы (в лапу, на лапу (прост.)), коррупировать (книжн.); дать барашка в бумажке; золотые очки надеть кому, подмазать колеса кому (устар., прост.)*.

Об активизации концепта *коррупция* в современном дискурсе красноречиво свидетельствуют данные «Толкового словаря русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской, который отразил наиболее существенные языковые факты последних десятилетий, влияющие на сознание современного человека. В словаре содержатся пространственные статьи и богатый иллюстративный материал из современной прессы и литературы к дериватам *коррупированность, коррупированный, коррупционер, коррупционность* и собственно *коррупция* [Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2006]. Все они снабжены пометой полит., очерчивающей сферу их бытования.

Можно с уверенностью прогнозировать дальнейшее развитие системных связей лексемы *коррупция*, ее словообразовательного потенциала, уточнения словарных толкований, поскольку в разряд устаревших это слово переводить пока явно рано.

Литература

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1969.
Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича. – М., СПб., 2007.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976.
Котелова Н. З. Банк русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. – Л., 1983.
Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. – М., 2007.
Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. – М., 1991. – С. 13.
Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. – М., 1971.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1956.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
Словарь современного русского литературного языка / Под ред. С. Г. Бархударова, В. В. Виноградова и др. – М., 1948–1965.
Суворин Э. В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): автореф. дис...канд. полит. наук. – М., 2008.
Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М., 2003.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1935.
Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.

М. А. Ширинкина
Пермь

Опыт анализа словарных дефиниций (специфика деловых жанров по материалам терминологических словарей)

Начнем рассуждение словами Н. М. Карамзина, 250-летию со дня рождения которого посвящается конференция: «Со времен Аристотелевых твердят ученые, что надобно *определять* вещи, когда желаешь говорить об них и говорить *основательно* (Курсив наш. – М.Ш.) [Карамзин 1964: 127]. Поясним, что анализ словарных дефиниций не является конечной целью нашего исследования, а представляет собой лишь промежуточный – методологически необходимый – этап, ориентированный на получение некоторых сведений о специфике отдельных управленческих документов.

Не претендуя на полноту компонентного анализа, ведь «предел членения того или иного значения на семы задается поставленными

в исследовании задачами» [Арнольд 1991: 50], рассмотрим словарные дефиниции к терминам, называющим жанры документных текстов.

Как известно, обыденное и специальное толкование слова различны, т.е. «признаки предмета, которые входят в значение некоторого слова, могут не совпадать с признаками, составляющими соответствующее научное понятие» [Семантика: электронный ресурс]. Рассмотрим толкования лексем *положение, правила, порядок, регламент* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, а затем сопоставим их с определениями терминов в специальных – юридических – словарях.

Оказывается, большинство названий жанров образованы путем переноса, т.е. соответствующие значения слов являются вторичными, основанными на исходных: ПОЛОЖЕНИЕ. □...□ 7. Свод правил, законов, касающихся чего-н. *П. о выборах*; ПРАВИЛА. □...□ 2. Постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-н. *Правила внутреннего распорядка. Правила уличного движения*; ПОРЯДОК. □...□ 3. Правила, по которым совершается что-н.; существующее устройство, режим. *П. выборов, голосования. Ввести новые порядки. Школьные порядки*; РЕГЛАМЕНТ. 1. Правила, регулирующие порядок какой-н. деятельности. *Р. заседания. Р. работы комиссии. Соблюдать р. Нарушение регламента* [Ожегов: электронный ресурс]. Как видим, все эти слова находятся в синонимических отношениях и группируются вокруг основных значений слов *правило* и *порядок*: *'положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений □ и 'правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь, последовательный ход чего-нибудь □ – соответственно.*

Сопоставительный анализ дефиниций к соответствующим юридическим терминам показывает, что все перечисленные слова называют виды официальных документов (см. определение термина в Федеральном законе № 77 от 29.12.1994 в редакции ФЗ № 104 от 05.04.2016: *документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер* [ФЗ № 77: статья 5]). Далее все они относятся к группе нормативных правовых актов (см. определение термина в «Большом юридическом словаре»: *письменный официальный документ, принятый (изданный) правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм*» [БЮС: электронный ресурс]).

Подчеркнем разницу в значениях этих терминов. В **положении** устанавливается *правовой статус, организация, порядок деятельности* государственных органов или учреждений, а также их *отношения* с другими органами и учреждениями. **Регламент** регулирует *внутреннюю организацию и порядок деятельности* какого-либо государственного органа. **Правила**, в отличие от положения и регламента, ориентированы на осуществление деятельности, то есть устанавливают *процедурные нормы*, а не статус и структуру организации. Примечательно, что термин **порядок** в юридических словарях встречается только в составе словосочетаний (*порядок приватизации предприятий, порядок созыва акционеров*), но мы находим его в названиях документов (*Порядок проведения проверок, Порядок предоставления финансовой поддержки* и т.д.), а также в одной из известных нам работ по административному праву в следующем контексте: «Иногда как разновидность правил применяется наименование „порядок“, который содержит в себе процессуальные нормы о порядке реализации урегулированного ранее предмета» [Чехун 2005: 128]. Можно утверждать, что *порядок* как жанр документа является вариантом *правил*, в котором на первый план выдвигается сема *последовательности шагов*, необходимых для правильного выполнения какой-либо законной деятельности. Иными словами, номинация *порядок* используется разработчиком документа в том случае, когда важно подчеркнуть, что в этом документе устанавливается не просто правильность выполнения деятельности, а *последовательность, очередность* шагов для получения определенного результата.

Любопытно, что **инструкция** – тоже нормативный акт, в котором устанавливаются *правила и порядок*, но это уже *правила понимания и порядок применения* какого-либо закона, поэтому инструкция является, в отличие от всех описанных выше, *подзаконным правовым актом*, то есть подчиняется закону, составляется на основе текста закона и не должна противоречить ему. Отметим также, что, помимо перечисленных компонентов, мы обнаруживаем в словарных дефинициях:

1) указание на авторство данного жанра: *Положения могут утверждаться не только законодательными, но и другими правотворческими органами (напр., правительством); В РФ свой Регламент имеют обе палаты Федерального Собрания, Генеральная прокуратура, арбитражные суды, Конституционный Суд..;*

2) конкретные примеры существующих документов этого жанра: напр. *Правила пользования отдельными видами транспорта, Правила противопожарной безопасности*;

3) указание на юридическую силу документа: *По юридической силе Регламент имеет значение закона, т.е. его нельзя рассматривать как сугубо внутренний акт.*

Таким образом, синонимичные в обыденном понимании лексемы называют различные документы, отличающиеся некоторыми параметрами, чрезвычайно значимыми для юридической сферы. При этом наиболее близкими по значению являются лексемы *положение* и *регламент*.

В учебных пособиях по документоведению и делопроизводству эту группу документов называют по-разному: регламентирующими, административно-организационными или административно-правовыми [Стиль документа; Савенкова 2002; Волков 2009 и др.].

Н.В. Чехун, подытоживая рассуждения многих исследователей – специалистов по административному праву, – одним из юридических требований, предъявляемых к нормативному акту, называет следующее: «при его издании должны быть соблюдены определенные **форма и наименование** (Выделено нами. – М.Ш.)» [Чехун 2005: 66]. Однако практика показывает, что специалисты органов власти не всегда учитывают оттенки значений юридических терминов – номинаций документных текстов, зачастую заменяют их одно другим или создают гибридные образования: *Положение о порядке ведения кассовых операций*.

Следующим шагом анализа станет функционально-стилистическое описание документных текстов, поскольку «в официально-деловом стиле □...□ жанр является сильно действующим фактором, т.е. жанровые стилистические различия текстов деловой речи выражены явно и определено» [Дускаева, Протопопова 2003: 69]. По нашему мнению, стилистический анализ деловых жанров позволит сформировать представление о языковых особенностях каждого из них, построить целостную систему жанров письменного дискурса исполнительной власти, а также сформулировать рекомендации для специалистов по составлению различных документов.

Литература

- Административно-организационные документы [Электронный ресурс] // URL: <http://doc-style.ru/RD/?id=1.11> (дата обращения: 10.09.2016).
- Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. – М., 1991.
- Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. – М., 2005.
- Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских, А. Я. Сухаревой. – М., 2003 [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/> (дата обращения: 10.09.2016).
- Большой юридический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://jurisprudence.academic.ru/> (дата обращения: 10.09.2016).
- Волков К. А. Документирование в управленческой деятельности: учеб. пособие / К.А. Волков, А.Н. Приходько, Т.А. Расина, И.М. Шутова; СПбГАСУ. – СПб., 2009.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Жанры официально-делового стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 69–79.
- Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л., 1964. Т. 2. – С. 122–142.
- Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и право. Словарь-справочник. – М., 2004 [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/ (дата обращения: 18.09.2016).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1949–1992 [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 10.09.2016).
- Россинский Б. В. Административное право. Словарь-справочник. – М., 2000 [Электронный ресурс] // URL: http://administrative_law.academic.ru/ (дата обращения: 18.09.2016).
- Савенкова Т. М. Документоведение и делопроизводство: Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения. – Новосибирск, 2002.
- Семантика [Электронный ресурс] // URL: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SEMANTIKA.html?page=0,2 (дата обращения: 14.09.2016).
- Словарь русских синонимов [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/133030#sel=4:1,4:1 (дата обращения: 14.09.2016).
- Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. 2013 [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/133030#sel=4:1,4:1 (дата обращения: 14.09.2016).
- Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» № 77 от 29.12.1994 в редакции ФЗ № 104 от 05.04.2016.
- Чехун Н. В. Правовые акты государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
- Энциклопедия юриста. 2005 [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_law/ (дата обращения: 15.09.2016).

Лингвокультурологический подход к анализу текста: от общего языка к идиостилю писателя

Одной из значимых категорий, отражающих авторские представления, является категория концепта – идеальной сущности, характеризующейся многомерностью, зависимостью от социальных и национально-психологических установок, значимостью для данной культуры. Концепт в современных исследованиях является не просто особым типом абстрактных имен, а определенным «ракурсом их рассмотрения, объединяющим все виды знания и представлений, накопленных народом» [Чернейко, Хо Сон Тэ 2001:52].

Лингвокультурологический подход к анализу текста предполагает реализацию принципа «челнока»: от изучения данных системы языка к интерпретации художественного текста, от художественного текста - к языку и т.д. Описание возможных способов репрезентации концепта в языке позволяет в дальнейшем реконструировать художественную картину мира, которая «воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, а также в отборе языковых средств» [Попова, Стернин, Чарыкина 1998:23]. Мотивированность использования ресурсов языковой системы, обусловленная особенностями авторского сознания, приводит к выстраиванию автором текста системно организованных структур или «семантических миров» [Шайкевич 2002: 113], отражающих значимое для авторского мировосприятия концептуальное содержание. Языковая ткань произведения становится средством передачи концептуальных смыслов.

Особое место среди культурно-значимых концептов занимают концепты эмоционально-психологического типа: *любовь, ненависть, радость, печаль, ревность* и др. Однако их описание затруднено самой природой эмоционального, для которой характерно взаимодействие ситуативных, контекстуальных и просодических моментов. В этом случае интерпретационным полем концептов могут служить художественные тексты, в которых с наибольшей полнотой и достоверностью отражаются те или иные культурно-значимые смыслы. Художественная проза

Ф.М.Достоевского, на наш взгляд, может выступать в качестве источника изучения культурологического содержания основных эмоционально-психологических концептов, в том числе концепта *ревность*.

Исследование вербализации концепта на материале словарей подтверждает «огромный информационный и культурный потенциал лексикографических изданий» [Козырев, Черняк 2004: 5] и позволяет выявить ядерные и периферийные концептуальные смыслы, а также определить динамику развития концептуального содержания. Ядро концепта отражено в семантике слова, именующего концепт, семантика этой единицы должна быть рассмотрена парадигматически и синтагматически. Деривационные связи слова, представленные в «Словообразовательном словаре...» А.Н.Тихонова, свидетельствуют о том, что в русском языке есть 15 единиц, способных осуществлять базовую вербализацию концепта. Опираясь на лингвистическую теорию поля [Бондарко 2001], можно прийти к выводу о том, что в современном русском языке существует лексико-семантическое поле (ЛСП) «*ревность*». Основанием для выделения ЛСП служит представленность в данном системном объединении слов различных частей речи: глаголов (*ревновать, взревновать, возревновать, заревновать, поревновать, приревновать, приревноваться*), существительных (*ревность, ревнивец, ревнивица, ревностность*), прилагательных (*ревнивый, ревностный*), наречий (*ревниво, ревностно*). В ядре ЛСП находится имя концепта – существительное *ревность*.

Семантическое ядро исследуемого концепта можно описать с использованием метода компонентного анализа основного значения слова: категориальные семы 'сомнение', 'подозрение', выраженные эксплицитно, и имплицитные семы 'предположение', 'мысль', 'догадка', 'неуверенность' коррелируют с когнитивными классификаторами, относящимся к ментальным категориям. Эмоциональное наполнение слова *ревность* в неявном виде поддерживают дифференциальные семы 'любовь', 'верность', 'преданность'. Анализ выявляет активно представленный коннотативный компонент значения, «выражающий семантику антропометрического отношения к действительности» [Михайлова 1998: 73]. Коннотативная часть значения включает экспрессивно-интенсивный компонент: собственно экспрессивный – сема 'мучительное' [сомнение] и параметрические компоненты – семы 'полная' [преданность], 'большая' [любовь]. Это объясняет тот факт, что *ревность* концептуализируется в языке как сложное эмоциональ-

ное состояние/переживание, которое не имеет однозначной отнесенности ни к положительным, ни к отрицательным эмоциям; толчком для возникновения эмоций является прежде всего интенсивный мыслительный процесс.

Предварительное описание языковых данных позволяет перейти к следующему этапу исследования. При интерпретации материала художественного текста важно определить, какие средства, кроме прямой номинации концепта, использует автор в качестве «опознавательных» знаков эмоциональных феноменов. Необходимо также выявить принцип системной организации этих средств и описать их семантический потенциал в репрезентации того или иного концепта.

Определенным образом организованная система языковых средств, представленная в тексте, может быть достаточно точно описана с помощью полевой модели языка. При этом нужно учитывать, что внутренне упорядоченные объединения слов как особым образом организованной системе могут иметь различный статус: в художественном тексте «проявляются принципы языковой системной организации, что составляет предпосылку для формирования текстовых лексических подсистем» [Купина 1983:84].

Обращение к художественной прозе Ф.М.Достоевского позволяет выявить особенности лексического обозначения и представления концепта *ревность*. В романах «Идиот», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы» в многократно воспроизводится прецедентная ситуация ревности, концепт получает разноплановое лексическое представление. В текстах писателя присутствует языковое лексико-семантическое поле «*ревность*», базовые элементы которого функционируют в прямой и внутренней речи персонажей, а также в авторской речи. В результате сплошной выборки выявлено 108 словоупотреблений.

Название произведения	<i>ревность</i>	<i>ревновать / приревновать</i>	<i>ревнивый</i>	<i>ревнивец</i>
«Идиот»	7	3	2	1
«Подросток»	6	11	2	—
«Бесы»	6	5	2	—
«Братья Карамазовы»	14	32	8	9
Всего:	33	51	14	10

Прецедентная ситуация ревности в произведениях Ф.М.Достоевского имеет, кроме прямой номинации концепта, и другие способы

объективации. Так, слова с эмотивными семами могут быть объединены в функционально-смысловое поле – сложноструктурированное единство лексических единиц, относящихся к разным частям речи. Функционально-смысловое поле, в свою очередь, может состоять из микрополей – функциональных зон. Функциональная зона объединяет текстовые единицы с учетом их «инвариантного значения и коммуникативного назначения» [Колокольцева 2001: 8]. Важной характеристикой функциональной зоны является упорядоченность единиц внутри объединения, обусловленная мировосприятием автора текста.

В текстах писателя активно функционирует соответствующее функционально-смысловое поле, которое формируется функционально-смысловыми зонами «*Соперничество*», «*Измена*», «*Внутренний мир ревнильца*», «*Внешние проявления ревности*».

Функциональная зона «*Соперничество*» коррелирует с художественно изображенными «любовными» треугольниками, которые предполагают ситуацию соперничества – своеобразного соревнования в отношениях. Во многих случаях отношения внутри «треугольника» выстраиваются как достаточно открытое соперничество между участниками ситуации, претендующими на особо расположение и близость одного и того же лица, как, например, в романе «Братья Карамазовы», где зафиксировано неоднократное употребление всех ядерных единиц функциональной зоны – *соперничать*, *соперничество*, *соперник*, *соперница*. Однако часто ситуация соперничества вводится в текст без экспликации ядерных единиц, через сравнение героев. Основанием для сравнения (сопоставления) могут быть разные признаки: образованность и ум, социальное положение и обеспеченность, черты характера, возраст, внешние данные и т.п.

Функциональная зона «*Измена*» актуализируется в тех ситуациях, когда наблюдается разрушение третьим лицом уже узаконенных, устоявшихся отношений. Действия и поступки третьего лица, в результате которых нарушается верность и доверительность отношений между женихом/невестой или супругами характеризуются как ‘неприличные’, ‘непристойные’, ‘бесчестные’. Для интерпретации смыслов данной функциональной зоны важными становятся прямые или косвенные обозначения ролевого статуса героев: социально одобряемые - *невеста*, *жених*, *жена*, *муж* и др; социально неодобряемые – *любовник*, *любовница*, *изменник*, *обольститель*, *обидчик*, *разлучница* и др.

Функциональная зона «*Внутренний мир ревнивца*» «наполняется» именами эмоций, которые распределяются по трем лексико-семантическим группам:

- 1) лексические единицы, объединенные семей 'страх': *беспокойство, опасение, испуг, страх, ужас*;
- 2) лексические единицы, объединенные семей 'гнев': *раздражение, озлобление, негодование, злость/злоба, гнев, ярость, бешенство, иступление, неистовость*;
- 3) лексические единицы, объединенные семей 'мука': *огорчение, страдание, скорбь, тоска, отчаяние*.

Выявленные смыслы коррелируют с соответствующими базовыми эмоциями [Изард 1993]. Анализ «эмоционального лексикона» позволяет обнаружить, что *ревность* – сложная эмоция – представляет собой одномоментное существование и/или быструю смену таких эмоций как *страх, гнев, мука*.

Функциональная зона «*Внешние проявления ревности*» содержит обширный список лексических единиц, обозначающих паралингвистическое поведение ревнивца. Ф.М. Достоевский в своих текстах полно и точно воспроизводит жестовое и мимическое поведение человека, находящегося во власти ревности. Функциональная зона «*Внешние проявления ревности*» является в текстах писателя ведущим «опознавательным знаком» концепта.

Проведенный анализ текстового материала, сопоставление его с лексикографическими данными позволяют заключить, что в силу своего таланта Ф.М. Достоевский определил тенденцию развития концепта *ревность* и художественно разработал целый ряд концептуальных признаков, которые в последствии закрепились как общенародные и нашли отражение в лексикографических источниках. Так, *ревность* интерпретируется писателем как *чувство*, которое отличается высокой интенсивностью; не контролируется сознанием, не сдерживается волей; не имеет реальных оснований, причин; как чувство, скрываемое от других; постоянное, лишенное возможности удовлетворения.

В художественной прозе Ф.М. Достоевского *ревность* является *причиной негативных эмоциональных состояний и переживаний, низких и даже преступных поступков человека* и интерпретируется писателем как *чувство, способное изменить сущность человека*. Ревность метафор-

тически осмысливается писателем как *огонь, пожар, ад, хаос*; предсказывается как *безотрадность, безнадежность, отчаяние*.

Лингвокультурологический подход к анализу текста позволяет получить комплексное культурно-значимое описание содержательного наполнения концептов. Такое описание, с одной стороны, открывает перспективы изучения национальной концептосферы, с другой стороны, позволяет глубже понять особенности мировидения писателя.

Литература

- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М., 2001.
- Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. – Автореф. дисс...докт. филол. наук. – Саратов, 2001.
- Изард К. Психология эмоций. Тексты. 2-е изд./ Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.П. Гиннрейтер. – 1993.
- Кутина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск, 1983. – 160 с.
- Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. – Екатеринбург, 1998.
- Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. К разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 21–24.
- Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки, – 201, № 5. – С. 50–59.
- Шайкевич А.Я. Семантические миры Достоевского // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. Пятое Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Вадим Алексеевич – кандидат филологических наук, директор библиотеки, старший преподаватель кафедры менеджмента Череповецкого государственного университета.

Богданова Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков МГУ имени М.В. Ломоносова

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

Воронцов Роман Игоревич – кандидат филологических наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения им. императора Александра I.

Вязовик Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Гассельблат Ольга Александровна – аспирантка кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Гредель Вероника Павловна – аспирантка кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Губернская Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Данилов Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Дидковская Виктория Генриховна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Димитриева Ольга Альбертовна – аспирантка кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Дудорова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Дунев Алексей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Елисеева Марина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Жуковская Галина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Зайдес Кристина Денисовна – студентка магистратуры филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Ильенко Сакмара Георгиевна – член-корреспондент РАО, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена.

Кальниченко Юлия Олеговна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры технологического предпринимательства и управления инновациями Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Козловская Наталия Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, ст. научн. сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

Козырев Владимир Алексеевич – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Кузьмина Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Кулева Анна Сергеевна – научный сотрудник отдела корпусной лингвистической и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Куликова Ирина Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Латто Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Левина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Максимова Ника Игоревна – студентка магистратуры кафедры языкового и литературного образования ребенка РГПУ им. А.И. Герцена.

Мартыанова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Милославский Игорь Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Михеева Светлана Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Мухина Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Носова Елена Павловна – аспирантка кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Орехова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Института управления, Архангельск.

Пиотровская Лариса Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Приемьшева Марина Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

Редкина Елизавета Сергеевна – аспирантка кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Румянцова Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, преподаватель Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.

Салмина Диана Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Семенец Ольга Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Сергеева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Сидоренко Константин Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Слаутина Марина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Столярова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Феденева Юлия Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета.

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Четырина Анна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Ширинкина Мария Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Юшкова Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета.

Содержание

I. Филологическая интерпретация наследия Н.М. Карамзина

Ильенко С. Г. О двух стратегиях в эволюционном процессе русской художественной речи: Сотворение Карамзина и Чудодействие Пушкина.....	3
Сергеева Е. В. Идиостиль Н.Карамзина-историка	
Мартыанова И. А. Образ Н.М. Карамзина в романе Ю.Н. Тынянова «Пушкин»	11
Дидковская В. Г. Семантика определения МУДРЫЙ в историческом дискурсе Н.М. Карамзина	16
Приемьшева М. Н. «Рыцарь» своего времени: о некоторых лексико-семантических новациях в языке Н. М. Карамзина	20
Левина И. Н. Косвенная засвидетельствованность в стиле Н. М. Карамзина: модель [казаться _{as/n}], (что)	24
Кулева А. С. Усеченные прилагательные в поэзии Н.М. Карамзина и его современников.....	30
Столярова И. В. Взаимоотношения литературного путешественника и автора в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина	34
Богданова Л. И. Н. М. Карамзин и проблемы неологии.....	40
Шмелева Т. В. Карамзинг: дериваты фамилии как свидетельства ее культурной значимости	44
Губернская Т. В., Кузьмина А. В., Четырина А. М. Карамзин в языковом сознании современных студентов	48
Жуковская Г. А. От поступков к характеристике героя (на материале повести Н.М. Карамзина «Моя исповедь»).....	54
Данилов С. Ю. Образ автора литературного письма (аксиологические заметки).....	57
Михеева С. Л. Оценочное поле художественного текста.....	60
Кальниченко Ю. О. Споры о стиле Карамзина: Лотман vs Набоков.....	64

II. Динамические процессы в языке, речи и тексте

Белов В. А. Синонимы в словаре и речи (на примере синонимов к слову <i>ошибка</i>)	68
Богданова-Бегларян Н. В. О некоторых грамматических новациях русской устной речи.....	72
Воронцов Р. И. К вопросу о типологии ономастических словарей: современные тенденции	78
Вязовик Т. П. Текстовые функции местоимений с частицей <i>вот</i> (на примере прозы И. А. Крылова).....	83
Гассельблат О. А. О проблеме языкового синкретизма	87
Гредель В. П. Прошлое и будущее в романе Е. Замятина «Мы».....	94

Губернская Т. В., Кузьмина А. В., Четырина А. М. Псевдословарь «Говорим по-русски» как образец наивной лексикографии	98
Данилевская Н. В. Слово в гетерогенной структуре автомобильной рекламы.....	104
Димитриева О. А. Глагольная лексика с семантикой приема пищи и его результата в русской языковой картине мира	109
Дудорова М. В., Слаутина М. В. Оппозитивные смыслы в семантическом пространстве рождественского рассказа (на материале рассказа Л. Авилловой «Отчего не поют ангелы»)	113
Дунев А. И. Лексикографическая интерпретация методической терминосистемы	116
Елисеева М. Б., Максимова Н. И. Вопросы детей при восприятии художественного текста	123
Зайдес К. Д. Что еще можно сказать о метакоммуникативе <i>что еще?</i>	127
Козловская Н. В. Признаки окказионального слова в авторском философском термине.....	132
Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография в лицах.....	138
Куликова И. С., Салмина Д. В. Художники слова об эстетическом потенциале частей речи (по материалам Национального корпуса русского языка).....	145
Латто М. А. Идеологический компонент значения этнонимов: динамика его отражения в толковых словарях.....	150
Милославский И. Г. Отражение в языке перемен в жизни: новое именование VS увеличение многозначности существующих.....	155
Мухина И. К. Антонимические отношения в денотативно-идеографической сфере «Физическое воздействие на объект» в словаре синонимов.....	159
Носова Е. П. Прецедентные феномены, мотивированные детским чтением, в «Русском ассоциативном словаре»	163
Орехова Н. Н. Композиционно-смысловые типы речи в очерках В. Пескова.....	168
Пиотровская Л. А. Партикуляризация местоименных слов в эмотивном синтаксисе и их квалификация в грамматиках и словарях.....	174
Редкина Е. С. Языковая рефлексия в новейшей русской поэзии	180
Румянцев Н. А. Диалектные словари в современном лексикографическом пространстве	183
Семенец О. П. Способы семантизации заимствований в тексте	188
Сидоренко К. П. Ассоциативные реакции в словаре интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова	192
Феденева Ю. Б. Эволюция концепта «коррупция» в лексикографическом представлении	199
Шириккина М. А. Опыт анализа словарных дефиниций (специфика деловых жанров по материалам терминологических словарей).....	205
Юшкова Н. А. Лингвокультурологический подход к анализу текста: от общего языка к идиостилю писателя	210
Сведения об авторах	216

Слово. Словарь. Словесность:

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина)

Материалы Всероссийской научной конференции
Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена,
16–18 ноября 2016 г.

Редактор *Коган И. И.*
Верстка *Клименченко Н. В.*

Подписано к печати..... Формат 60х90 1/16
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тиражэкз. Заказ №